

ВИЛЬНИОССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Виктория Макарова

ТЕХНИКА АРГУМЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ И ЛИТОВСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале ежегодных президентских посланий 2000-2007 гг.)

Докторская диссертация
Гуманитарные науки, филология (04 Н)

Вильнюс, 2008

Диссертация выполнена в Вильнюсском университете в 2004-2008 гг.

Научный руководитель:

проф., хаб. др. Элеонора Лассан (Вильнюсский университет, гуманитарные науки,
филология – 04 Н)

VILNIAUS UNIVERSITETAS

Viktorija Makarova

ARGUMENTAVIMO TECHNIKA
ŠIUOLAIKINIAME RUSŲ IR LIETUVIŲ POLITINIAME DISKURSE
(remiantis metiniais prezidentų kreipimais 2000-2007 m.)

Daktaro disertacija
Humanitariniai mokslai, filologija (04 H)

Vilnius, 2008

Disertacija rengta 2004-2008 metais Vilniaus universitete

Mokslinė vadovė:

prof. habil. dr. Eleonora Lissan (Vilniaus universitetas, humanitariniai mokslai,
filologija – 04 H)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава I. Методологические проблемы аргументации	14
<i>I.1. Аргументация как объект исследования</i>	14
I.1.1. Определение аргументации	15
I.1.2. Идеи неориторики	17
I.1.3. Тенденции исследований: Запад, Россия, Литва	18
<i>I.2. Основные направления аргументации</i>	22
I.2.1. Стратегии ведения дискуссий	22
I.2.2. Виды аргументативных дискурсов	25
I.2.3. Логическая структура аргументации	26
I.2.4. Рациональные и ценностные способы убеждения	28
I.2.5. Когнитивный подход	29
I.2.6. Аргументативные функции	31
I.2.7. Общие места (топосы)	32
<i>I.3. О методе исследования</i>	33
I.3.1. Логико-риторические структуры аргументации	34
I.3.2. Когнитивные структуры аргументации	35
<i>I.4. Основные используемые понятия</i>	37
I.4.1. Дискурс	37
I.4.2. Бинарные базовые оппозиции	38
I.4.3. Концептуальные метафоры	39
I.4.4. Тезис, аргумент	40
I.4.5. Аргументация, убеждение, доказательство	43
I.4.6. Речевые акты	44
<i>I.5. Процедура исследования</i>	45
I.5.1. Признаки аргументативных высказываний	45
I.5.2. Этапы анализа	46
<i>I.6. Предмет исследования</i>	46
I.6.1. Характеристика предмета	47
I.6.2. Критерии отбора материала	51
I.6.3. Объем исследованных текстов	51
I.6.4. Адекватность материала целям работы	52
<i>I.7. Язык и власть</i>	52
I.7.1. Феномен власти	52
I.7.2. Язык как инструмент власти	54
Глава II. Техника аргументации в российском политическом дискурсе	56
<i>II.1. Президентский дискурс: послания В. Путина (2000-2007 гг.)</i>	56
<i>II.1.1. Когнитивные структуры аргументации</i>	56
II.1.1.1. Базовые оппозиции	56
II.1.1.1.1. Сила ~ слабость	57
II.1.1.1.2. Россия ~ Запад	62
II.1.1.1.3. Справедливость ~ несправедливость	64
II.1.1.1.4. Демократия ~ антидемократия	66
II.1.1.2. Концептуальные метафоры	67
II.1.1.2.1. Проблемы – это болезнь	67
II.1.1.2.2. Государство – это здание	68
II.1.1.2.3. Политика – это путь	69

<i>II.1.2. Логико-риторические структуры аргументации</i>	71
II.1.2.1. Универсальная аргументация	71
II.1.2.1.1. Тезис «Страна развивается в верном направлении»	73
II.1.2.1.1.1. Подтезис «Проделанная работа – фундамент будущего»	74
II.1.2.1.1.2. Подтезис «Избранный курс не подлежит пересмотру»	75
II.1.2.1.1.3. Подтезис «Преемственность курса – основа стабильности»	76
II.1.2.1.2. Аргументы	78
II.1.2.1.2.1. Аргумент «Власть принимает конструктивные решения»	79
II.1.2.1.2.2. Аргумент «Результат работы власти положителен»	80
II.1.2.1.2.3. Аргумент «Цифры свидетельствуют о подъеме и росте»	86
II.1.2.2. Контекстуальная аргументация	87
II.1.2.2.1. Тезис «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить»	88
II.1.2.2.2. Аргументы <i>ad populum</i>	91
II.1.2.2.3. Аргументы <i>ad verecundiam</i>	98
II.2. Общественно-политический дискурс: выборы в Госдуму (2003 г.)	104
II.3. Выводы	112
Глава III. Техника аргументации в литовском политическом дискурсе	115
III.1. Президентский дискурс: ежегодные послания В. Адамкуса (2000-2007 гг.)	115
III.1.1. Когнитивные структуры аргументации	115
III.1.1.1. Базовые оппозиции	115
III.1.1.1.1. Новое ~ прежнее	115
III.1.1.1.2. Запад ~ Россия	117
III.1.1.1.3. Демократия ~ антидемократия	121
III.1.1.2. Концептуальные метафоры	122
III.1.1.2.1. Политика – это путь	122
III.1.1.2.2. Проблемы – это болезнь	124
III.1.1.2.3. Политика – это экзамен	126
III.1.1.2.4. Политика – это бизнес	127
III.1.2. Логико-риторические структуры аргументации	128
III.1.2.1. Универсальная аргументация	128
III.1.2.1.1. Тезис «Страна развивается в верном направлении»	130
III.1.2.1.1.1. Подтезис «Настоящее – образ будущего»	130
III.1.2.1.1.2. Подтезис «Важнейший этап взятого курса пройден»	132
III.1.2.1.1.3. Подтезис «Движение к лучшему непрерывно»	132
III.1.2.1.2. Аргументы	134
III.1.2.1.2.1. Аргумент «Власть принимает конструктивные решения»	135
III.1.2.1.2.2. Аргумент «Результат работы власти положителен»	136
III.1.2.1.2.3. Аргумент «Цифры свидетельствуют о подъеме и росте»	139
III.1.2.2. Контекстуальная аргументация	140
III.1.2.2.1. Тезис «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить»	141
III.1.2.2.2. Аргументы <i>ad populum</i>	143
III.1.2.2.3. Аргументы <i>ad verecundiam</i>	149
III.2. Общественно-политический дискурс: выборы в Европарламент и Сейм (2004 г.), война в Ираке (2003 г.)	154
III.3. Выводы	162
Заключение	165
Литература	172
Благодарности	180

ВВЕДЕНИЕ

Проблемой, поставленной в данной работе, является установление особенностей аргументации, используемой в литовском и русском политическом дискурсе. Постановка данной проблемы **мотивируется** тем, что последние десятилетия характеризуются в гуманитарной науке повышенным интересом к приемам речевого воздействия, позволяющего добиться от адресата преследуемых говорящим целей. Неотъемлемой частью современной науки о речевом воздействии является аргументация как теория выбора наиболее эффективных способов обоснования позиции говорящего и побуждения слушающего к принятию этой позиции. Анализ способов аргументации, принятых в том или ином социуме, позволяет охарактеризовать как политическую культуру общества, так и возможное влияние национальных традиций на порождение того или иного современного политического дискурса.

Актуальность работы определяют следующие факторы: во-первых, выявление протекающих в общественном сознании когнитивных процессов, детерминированных сложившимися особенностями литовской и русской культуры, коррелирует с современной научной парадигмой, в которой в качестве предмета исследования выступает человек как *homo loquens* – человек говорящий и через речь приоткрывающий доступ к «черному ящику сознания», в свою очередь, обусловленному схемами интерпретации действительности, принятыми в национальной культуре; во-вторых, изучение механизмов убеждения поможет выявлению ценностных структур общества, обуславливающих характер когнитивных процессов, к которым апеллирует говорящий в акте убеждения, что также пока не нашло достаточно глубокого отражения в лингвистических работах.

Целью данного исследования является описание особенностей техники аргументации в российском и литовском политических дискурсах начала XXI века, а именно: 2000-2007 гг.

Для достижения цели исследования поставлены **задачи** установить, каковы в избранном для анализа материале:

- а) когнитивные структуры используемой аргументации,
- б) реализации элементов аргументативного дискурса: способы введения тезиса в текст и содержание и объем аргументов в поддержку тезиса.

Гипотеза исследования такова: политическая культура обеих стран, Литвы и России, удалась от политического монологизма, и на смену приемам внушения пришли приемы убеждения. С целью убеждения должны были бы использоваться универсальная (применимая к любой аудитории) и контекстуальная (применимая к определенной аудитории) аргументация, аргументы *ad rem* (к существу дела) и аргументы *ad hominem* (к человеку). Техника аргументации в исследуемых дискурсах может различаться набором аргументов:

- а) при универсальной аргументации может различаться частота использования тех или иных универсальных способов аргументации: дедуктивной, методологической, системной, эмпирической;

- б) при контекстуальной аргументации различия могут быть обусловлены мыслительными традициями стран с разной политической культурой и социальной стратификацией общества (например, в Литве значительную часть электората составляют жители сельской местности и маленьких городков, что требует особых способов аргументации, адресованной электорату со сложившимися традициями жизни).

Общие черты техники аргументации в исследуемых дискурсах могут быть обусловлены в целом традицией национальных речевых практик, в свою очередь, обусловленных психологией масс, к которым обращается оратор.

Кроме того, мы предполагаем, что на технику аргументации в политическом дискурсе может влиять политическое устройство страны: так, в президентской республике дискурс президента может содержать большее количество директив, в парламентской республике

побудительный дискурс президента может носить рекомендательный характер.

Объектом исследования в предлагаемой работе, как уже было сказано, являются способы аргументации в политическом дискурсе.

Предмет исследования – ежегодные выступления президентов России и Литвы В. Путина и В. Адамкуса с 2000 г. по 2007 г. Выбор президентских посланий в качестве предмета исследования мотивирован особой репрезентативностью этих текстов, играющих исключительную роль в политической жизни.

Для анализа использовались следующие **методы**: *когнитивный* анализ – для установления структур сознания производителя идеологизированного текста; *логико-риторический* анализ – для исследования логической и нелогической сторон убеждения, *сопоставительный* метод – для сравнения полученных результатов. Каждая из перечисленных методик на первом этапе носила *дескриптивный* характер, в процессе интерпретации – *критический* характер. Внимание уделялось *качественным* признакам исследуемого объекта.

Новизна исследования заключается в неразработанности поставленной проблемы: как в отношении предмета исследования (вопросам аргументации в литовском политическом дискурсе до сих пор не уделено достаточного внимания), так и в отношении разработки методов анализа аргументации (до сих пор не выработана достаточно полная методика анализа аргументации в политическом дискурсе). Когда мы говорим о полноте методики анализа аргументации, мы имеем в виду, что не создан достаточно точный аппарат вычленения элементов аргументативного дискурса – тезиса или идеи, подлежащих внедрению в когнитивное поле адресата с целью его одобрения, и аргументов, способствующих этому внедрению.

В литовской науке проблемы аргументации затронуты были – в трудах таких ученых, как Элеонора Лассан, Регина Коженяускене, Юрга

Цибульскене, Виргиния Якименко. Данная работа отличается от вышеупомянутых тем, что: 1) проблема аргументации занимает в ней центральное место, 2) проблемы аргументации рассматриваются на материале политического дискурса, 3) проблемы аргументации исследуются с привлечением аппарата когнитивной лингвистики.

Практическая ценность исследования состоит в том, что ее результаты могут представлять интерес для специалистов по связям с общественностью при разработке стратегий освещения событий в политической жизни с целью повышения аргументативного потенциала политического дискурса, а также в том, что результаты анализа могут найти применение в вузовских курсах риторики, анализа дискурса, спецкурсах по лингвистике лжи и политической лингвистике с целью повышения уровня знаний и самосознания аудитории относительно того, каким способам воздействия подвергается сознание реципиентов политического дискурса.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Президентское послание является гибридным типом речевого акта, совмещающим в себе качества дескриптивного, оценочного и аргументативного речевых актов.
2. Тезис в президентском послании не эксплицируется; слушатель подводится к нему через индуктивную операцию: обобщение аргументов-примеров.
3. Реализация когнитивных структур является элементом аргументативного дискурса президентских посланий.
4. Когнитивные структуры президентских посланий находятся в определенной корреляции с когнитивными структурами, составляющими глубинный уровень общественно-политических текстов.

Защищаемые в данной работе положения нашли отражение в **следующих публикациях:**

Макарова В., 2004. О некоторых особенностях аргументативного политического текста. *Aktualne problemy semantyki i stylistyki tekstu. Studia opisowe i komparatywne*. Red. J. Wierzbinski. Łódź. С. 73-78.

Макарова В., 2004. О метафоризации политического скандала в литовских масс-медиа. *Лингвистика: Бюллетень Уральского лингв. общества*. Ред. А. П. Чудинов. Т. 14. Екатеринбург. С. 41-47.

Макарова В., 2004. Об эмоциональной аргументации в политическом дискурсе России. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр.* Ред. А. А. Ворожбитова. Вып. 4. Сочи. С. 84-90.

Макарова В., 2005. О современной российской риторике: дискурс «Единой России». *Studia Slavica V*. Tallinn. С. 238-243.

Макарова В., 2005. Аргументативный потенциал российского и литовского предвыборного политического дискурса. *Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej*. Red. K. Luciński. Tom 15. Kielce. С. 169-175.

Макарова В., 2006. Наша партия лучше: способы убеждения в ситуации предвыборной борьбы. *Политическая лингвистика*. Отв. ред. А. П. Чудинов. Вып. 20. Екатеринбург. С. 135-146.

Макарова В., 2006. О роли лексемы демократия в литовских масс-медиа накануне войны. *Записки з загальної лінгвістики: Збірник наукових праць*. Ред. Н. В. Бардіна. Одес. нац. ун-т. Вип. 7. Одесса. С. 181-189.

Макарова В., 2007. О нескольких отличительных чертах политической культуры России и Литвы. *Коммуникативное поведение. Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение*. Ред. И. А. Стернин. Вып. 27. Воронеж. С. 56-69.

Макарова В., 2007. Тактики убеждения в российском политическом дискурсе. *Текст – дискурс – картина мира. Межвуз. сб. научн. трудов*. Ред. О. Н. Чарыкова. Вып. 3. Воронеж. С. 165-174.

Макарова В., 2007. Ключевые слова, которыми мы живем (о справедливости и демократии в России и Литве). *Язык и социум*.

Материалы VII Межд. научной конференции. Минск, 1-2 дек. 2006 г.
Общ. ред. Л. Н. Чумак. Минск. Ч. II. С. 58-61.

Макарова В., 2008. «Вечные вопросы» в современных российских политических лозунгах. *Respectus Philologicus*, 13 (18). С. 124-132.

Макарова В., 2008. Россия и Запад в современном российском дискурсе власти. *Slavistika v moderním světě*. Eds. M. Prihoda, H. Vankova. Cervený Kostelec, Praha. С. 327-334.

Макарова В., 2008. Несколько слов о когнитивно-риторическом анализе аргументации в политическом дискурсе. *Respectus Philologicus*, 14 (19). С. 115-120.

Содержащиеся в работе положения были **апробированы на конференциях:**

18-19.09.2003, Лодзь (Польша) – *Aktualne problemy semantyki i stylistyki tekstu*; 20-22.02.2004, Таллинн (Эстония) – *VI конференция юных филологов*; 6-7.05.2004, Каунас (Литва) – *Tekstai ir kontekstai: kalbos judesys*; 20-21.09.2004, Кельце (Польша) – *Язык, литература и культура России в XXI веке – теория и практика*; 5-6.05.2005, Каунас (Литва) – *Žmogus kalbos erdvėje*; 20-22.10.2005, Одесса (Украина) – *Проблемы прикладной лингвистики*; 15-16.11.2006, Лодзь (Польша) – *Aktualne problemy semantyki i stylistyki tekstu*; 1-2.12.2006, Минск (Беларусь) – *Язык и социум – VII*; 6-8.05.2007, Кельце (Польша) – *Язык, литература и культура России в XXI веке – теория и практика*; 24-25.10.2007, Прага (Чехия) – *Konference mladých slavistů III*; 22-23.10.2008, Прага (Чехия) – *Konference mladých slavistů IV*.

Структура работы: во *введении* говорится об актуальности проблемы, целях, задачах, методах работы, степени освещенности проблемы в литовской науке. В *первой главе* делается обзор научных трудов, обосновывается избранный для анализа метод, оговариваются используемые в работе термины, детализируются объект и процедура анализа. Строение *второй главы* (аргументация в российском дискурсе) и *третьей главы* (аргументация в литовском дискурсе) обусловлено

индуктивным изложением результатов исследования: от анализа отдельных явлений – к обобщению полученных данных. В *заключении* представлено сопоставление результатов исследования и изложены общие выводы. Работу завершает *список источников* материалов для анализа и *цитируемой литературы*.

Глава I. Методологические проблемы анализа аргументации

Всплеск интереса¹⁴ к механизмам убеждения в лингвистике XX века начался с появлением в середине века работ бельгийского ученого Хаима Перельмана (Chaim Perelman), который в результате десятилетних исследований «переоткрыл» преданную забвению «Диалектику» Аристотеля и положил начало т. н. неориторике. Известно, что до XX века исследование приемов убеждения было прерогативой логики, таким образом, большей частью исследовались теоретические логические методы доказательства тезиса. Предложенное же Аристотелем исследование неформальных способов убеждения получило продолжение в трудах коллег Х. Перельмана – С. Тулмина (Stephen Toulmin) и Л. Ольбрехтс-Тытеки (Lucie Olbrechts-Tyteca) и в ряде работ наших современников. Таким образом, в сферу интересов современной науки попала недедуктивная (недемонстративная, правдоподобная, вероятностная) аргументация.

В следующих ниже разделах мы останавливаемся на вопросах о: 1) взаимоотношении власти и языка, 2) сущности феномена аргументации, идеях неориторики и основных тенденциях исследований; 3) основных существующих направлениях анализа аргументации; 4) методе данного исследования; 5) основных используемых понятиях (дискурс, базовые оппозиции, концептуальные метафоры, тезис, аргумент, аргументация, убеждение); 6) процедуре исследования; 7) характеристике предмета исследования.

I.1. Аргументация как объект исследования

В данном разделе мы говорим о содержании понятия «аргументация», останавливаемся на вкладе неориторики в развитие современных направлений анализа аргументации, кратко определяем основные тенденции в западных, российских и литовских работах по проблемам аргументации.

I.1.1. Определение аргументации

В настоящее время в русскоязычной научной и справочной литературе распространено следующее определение понятия «аргументация»:

«Аргументация - (от лат. *argumentatio* - приведение аргументов) приведение доводов, или аргументов, с намерением вызвать или усилить сочувствие другой стороны к выдвинутому положению; совокупность таких доводов» (Ивин, Никифоров 1997: 29).

Примечательно, что приведенное определение принадлежит авторам словаря по логике, но акцент в нем делается не на свойственном логическому дискурсу критерию истинности / ложности, а на критерии приемлемости / неприемлемости аргументации аудиторией: «конечной ее целью всегда является убеждение аудитории в справедливости предлагаемого ее вниманию положения, склонение ее к принятию данного положения и, возможно, к действию, предполагаемому им. Это означает, что оппозиции «истина - ложь» и «добро - зло» не являются центральными ни в А. [аргументации. – В. М.], ни, соответственно, в ее теории» (Ивин, Никифоров 1997: 29).

Можно утверждать, что идея Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Тытеки об ориентации любой аргументативной деятельности на аудиторию находит отражение во множестве современных определений аргументации.

Так, например, Г. Рузавин формулирует сущность аргументации следующим образом: «Аргументация составляет необходимую часть процесса *убеждения* людей в ходе их общения и коммуникативной деятельности в целом. Посредством убеждения стремятся изменить взгляды, мнения и поведение людей не путем *принуждения*, связанного с насилием и ограничением их свободы, а в условиях, когда они обладают свободой воли и могут сознательно оценивать предлагаемые советы, мнения и решения. ... В сфере духовной деятельности аргументация направлена именно на перестройку сознания людей, изменение их

представлений, понятий, суждений и взглядов на окружающий мир и самих себя. При принятии практических решений аргументация направлена на такое изменение представлений и взглядов, которые могли бы побудить их действовать в желательном направлении» (Рузавин 2003: 263).

А. Баранов и В. Сергеев под аргументативным дискурсом понимают «тексты на естественном языке, призванные повлиять на сознание одного или нескольких участников ситуационного общения в нужную для говорящего сторону» (Баранов, Сергеев 1988: 105). Наиболее лаконично аргументация определяется как «техника речи, направленная на убеждение собеседника, аудитории» (Рождественский 1997).

Некоторые исследователи особо выделяют мыслительную сторону аргументативной деятельности. Аргументация, таким образом, определяется как «способ рассуждения, являющийся мыслительным процессом» (Брутян 1992: 46), или, например, как говорит А. А. Волков, аргументацию можно «понимать ... как культуру мышления и слова» (2003: 6).

Итак, общими компонентами в различных определениях аргументации являются следующие: аргументация на довербальном уровне является мыслительным процессом, вербализуемым адресантом в процессе коммуникации с адресатом текста; избранные адресантом языковые средства имеют целью склонить адресата к принятию предлагаемой идеи.

Западные точки зрения на сущность аргументации можно представить мнением Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, обобщившими, что аргументация представляет собой в одно и то же время деятельность вербальную, социальную и умственную: “In principle, arfumentation is a verbal activity, which takes place by means of language use, a social activity, which is as a rule directed at other people, and a rational activity, which is generally based on intellectual considerations (Eemeren, Grootendorst 2004: 2).

Характер аргументативной коммуникации различен: это может быть как непосредственное общение двух сторон здесь и сейчас, так и общение со смещенными временными и локальными границами (например, в случае печатного аргументативного сообщения, звуковой записи и проч.). Вопрос о маркерах аргументативных единиц является достаточно спорным. Так, например, Р. М. Блакар любое высказанное слово считает актом аргументации: поскольку выразиться нейтрально невозможно, всякое использование языка предполагает воздействующий эффект (Блакар 1997).

I.1.2. Идеи неориторики

Основные идеи Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Тытеки, изложенные в труде «Неориторика. Трактат об аргументации» (1987; 2000), заключаются в том, что для анализа способов убеждения господствовавшая на протяжении последних столетий предпосылка о непротиворечивости сознания, стремящегося лишь к истине, является несостоятельной. Авторы предлагают актуализировать античные положения о том, что способность человека убеждать и убеждаться состоит не только в умении строить логические умозаключения. Главное – человек умеет здраво мыслить, рассуждать, пользоваться широким спектром обоснования, и идеи говорящего принимаются (не принимаются) аудиторией не на основе степени строгости логических посылок и выводов; успешность коммуникации, по Перельману и Ольбрехтс-Тытеке, зависит от того, согласились ли слушатели с избранными говорящим обоснованиями (2000: 1-10).

Различие формально-логического и риторического убеждения заключается в том, что в первом случае имеет место доказательство по правилам логики, во втором – аргументация с большим выбором типов обоснования. Целью доказательства является истина, аргументации – сближение взглядов оратора и аудитории. Исходя из этого, понятно, что

риторическое убеждение характеризуется релятивностью, т. к. тут для обоснования не релевантна категория истинности (2000: 13-14).

Одним из важнейших факторов коммуникации в неориторике считается аудитория. Именно от аудитории, ее мнений и предпочтений (а не ясности логического мышления адресата текста) зависит успешность процесса аргументации. Как правило, оратор имеет дело не с абстрактным конструктом аудитории, а с конкретным сообществом – политики обращаются к своим избирателям, адвокаты – к присяжным заседателям, священники – к пастве. Строя свою речь, оратор исходит (или должен был бы исходить) из своих представлений о том, кем являются его слушатели, каковы их ценностные ориентиры (2000: 17-35).

Соответственно, исследователь, анализирующий технику аргументации, выявляет, каковы те общие истины, презумпции, ценности, иерархии ценностей, к которым апеллирует говорящий (2000: 63-80). Аргументы, приводимые в поддержку выдвигаемым положениям, можно разделить на три класса – квази-логические аргументы; аргументы, основанные на структурах реальности; аргументы, влияющие на установление структур реальности. Квази-логические аргументы – это апелляция к таким традиционным для теории риторики топосам, как топосы определения, части и целого, сравнения, а также – к топосам взаимодействия, жертвенности, вероятности и прочим (2000: 193-260). Аргументы, основанные на структурах реальности, – это причинно-следственные связи, сосуществование каких-то явлений, персона и его действия, группа и ее члены (2000: 261-349). Аргументы, создающие реальность, – это примеры, иллюстрации, модели, аналогии, метафоры (2000: 350-410).

I.1.3. Тенденции исследований: Запад, Россия, Литва

Тенденцию западных исследований можно проиллюстрировать следующими примерами постановки проблемы: внимание на проблеме уместности аргументации в конкретной ситуации сосредоточил, в

частности, немецкий ученый Йозеф Коппершмидт, выделивший ряд предпосылок для организации эффективной аргументации (1985). В Голландии исследователи Франс Х. ван Еемерен и Роб Гроотендорст рассматривают проблемы аргументации, под которой понимается попытка убедить адресата в приемлемости некоторой точки зрения, что осуществляется при помощи стратегических ходов и правил ведения дискуссии (1984, 2004). В философском аспекте проблемы аргументации рассматривал знаменитый представитель Франкфуртской школы Юрген Хабермас: он выделил различные виды аргументации (например, по цели: установление истины, доказательство правильности норм действия и др.) и рассмотрел прагматические условия для достижения консенсуса (1984-87). Для решения проблем аргументации привлекалась также теория речевых актов, получившая распространение примерно в одно время с идеями неориторики: структуры аргументации рассматривались, в частности Ф. Х. Ван Еемереном и Р. Гроотендорстом, с точки зрения иллокутивного акта, реализуемого при помощи последовательных простых актов (утверждение, обоснование, резюмирование).

В целом к анализу аргументации применяются два подхода: нормативный и ненормативный. При нормативном подходе исследователь выкристаллизовывает правила ведения дискуссии, причем законы логики служат не эталоном нормативности, а инструментом проверки аргументов на обоснованность. При ненормативном подходе не предлагается способов оценки приемлемости аргументов, цель исследователя – установить степень эффективности аргументации в зависимости от аудитории, являющейся ее адресатом.

В трудах ученых **Восточной Европы** (Безменова 1987, Брутян 1984, Демьянков 1989, Рузавин 1997) прослеживается тенденция к обзору истории теории аргументации, ее методологических принципов. Можно отметить, что наблюдаемые различия в сформированной на сей момент теоретической базе теории аргументации сводятся к двум основным: во-первых, на Западе внимание ученых намного раньше стало

концентрироваться на недедуктивных методах убеждения, на Востоке в большей степени исследованы способы дедуктивных обоснований. Во-вторых, на Западе значительно чаще исследуются механизмы убеждения, используемых в одном тексте (чаще полилоге) или одним адресантом, авторы восточных работ до недавнего времени были склонны раздвигать рамки своих исследований до анализа аргументации в более крупных географических и хронологических масштабах.

В последние годы в Восточной Европе появляется все больше работ в духе перельмановской неориторики: внимание ученых сосредотачивается на прагматических проблемах аргументативного дискурса (Добрякова 2003, Ощепкова 2004, Фанян 2000, Файбышенко 2002), факторе адресата и топике в аргументации (Вольвак 2004, Шуйская 2005), когнитивных параметрах аргументации (Аксенова 2003, Рожкова 2001-2002), анализе аргументативного арсенала предвыборных кампаний с точки зрения критического дискурс-анализа (Филинский 2002).

В литовской лингвистике проблемы аргументации не находятся в фокусе научных интересов ученых. Проблема, поставленная в данной диссертации, в наибольшей степени близка руслу исследований литовских ученых Элеоноры Лассан и Юрги Цибульскене. Непосредственное отношение к исследованию обусловленности способов аргументации когнитивными установками и навыками субъектов политического дискурса имеет для нас разработанный Элеонорой Лассан метод когнитивно-риторического анализа (1995), а также аспекты анализа политического дискурса, рассматриваемые в (Лассан 1996, 2004а, 2004б, 2004в, 2006). Проблемы концептуальной метафоры, решаемые в работах Юрги Цибульскене (2003, 2005, 2006), также имеют непосредственное отношение к исследованию особенностей неформальных методов убеждения, что используется в данной диссертации, поскольку метафоризация действительности не только позволяет хранить знания индивида о мире, но и определенным образом воздействовать на сознание получателей текста.

Работы Виргинии Якименко, соавтора одного из немногочисленных в Литве учебных пособий по логике (и автора части «Аргументация» в нем), близки идее данного исследования в том, что этот ученый исследует проблему аргументации в социальном контексте: „Pripažindami argumentaciją veikla, vykstančia konkrečiame socialiniame kontekste, mes privalome sutikti ir su teiginiu, kad kiekvieno diskurso savybės yra svarbus faktorius, lemiantis vieno ar kito argumentacijos modelio tinkamumą” (Jakimenko 2005: 79).

Профессор Вильнюсского университета Регина Коженяускене, исследующая проблемы риторики, затрагивает также и область теории аргументации, рассматривая как теоретические проблемы аргументации, так и особенности литовского художественного и публицистического дискурсов с точки зрения используемой в них аргументации (Koženiauskienė 2001).

Наталия Слободяник, анализируя особенности выражения конфронтации в российском и британском политических дискурсах, касается также проблем аргументации, поскольку конфронтация взглядов предполагает обоснование истинности собственной позиции и ложности противоположного мнения (Слободяник 2006).

В нашем регионе: белорусский ученый Ирина Ухванова-Шмыгова (2002) и украинский ученый Павел Зернецкий (1998) исследуют отношение пропонентов и оппонентов к аргументам с точки зрения используемых коммуникативных стратегий. В Латвии труды таких исследователей, как Надежда Клочко (2002) и Инга Милевич (2007), посвящены ценностным оппозициям и апелляции к эмоциям в дискурсах, ориентированных на убеждение адресата в определенной точке зрения.

Относительно **степени зрелости теории аргументации** можно отметить следующее. На сегодняшний день теория аргументации, рождение которой можно связывать с самыми ранними древнегреческими трудами по риторике, характеризуется разработанной терминологией, наличием собственных целей и принципов исследования, что, казалось

бы, должно было бы позволить говорить о достаточной зрелости этой науки на данный момент, но, «однако и в настоящее время А. т. [теория аргументации. – В. М.] лишена единой парадигмы или немногих, конкурирующих между собой парадигм и представляет собой едва ли обозримое поле различных мнений на предмет этой теории, ее основные проблемы и перспективы развития» (Ивин, Никифоров 1997: 27).

Приведенный выше, в разделе I.1.3., краткий обзор тенденций исследований аргументативных дискурсов уже может служить иллюстрацией того, насколько многообразны существующие подходы в исследовании аргументативного дискурса.

Подробнее о существующих направлениях исследований различных аспектов аргументации мы останавливаемся в следующем ниже разделе I.2.

I.2. Основные направления анализа аргументации

Ниже предлагается обзор **различных подходов к решению проблемы анализа аргументации**. Мы выделили семь типов исследований проблем аргументации. Однако следует отметить, что нижеприведенный список не является классификацией, поскольку в нем отсутствует единое основание для сравнения. Работы были сгруппированы по сходству в выборе предмета анализа, цели анализа, метода исследования и проч.

I.2.1. Стратегии ведения дискуссий

Внимание исследователей Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста (Eemeren 2002; Eemeren, Grootendorst 1984, 2004) сосредоточено на разработке ряда правил, составляющих кодекс поведения для разумных участников дискуссии. Свой подход они называют нормативно-дескриптивным (2002) или прагма-диалектическим (2004). Проблему исследования аргументативного дискурса в таком аспекте авторы формулируют, как необходимость исследования аргументативной реальности и связанной с нею проблем (“how argumentative reality is

organized and which problems may occur in it” (Eemeren 2002)). Авторы разработали семнадцать валидных для непосредственной дискуссии правил, позволяющих вести конструктивное обсуждение и определить, является ли исследуемая речь аргументативной.

Подход ученых, работающих в том же направлении - Х. Перельмана, Л. Ольбрехтс-Тытеки, С. Тулмина - Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст критикуют из-за сосредоточенности на изолированных аргументах и игнорирования иных прагматических и контекстуальных аспектов аргументации, из чего следует, что методика исследования аргументативного дискурса в русле работы Х. Перельмана не является реальной альтернативой бытовавшему до середины XX века формально-логическому подходу в исследовании проблемы аргументации (Eemeren 2002).

В (Eemeren 2002) критикуется также неформально-логический подход американский авторов 70-80-х гг. XX в. (John, Blair), которые анализируют отношения доводов и тезиса по критериям релевантности, достаточности, приемлемости, однако, по словам Еемерена, они слишком мало внимания уделяют собственно лингвистическим проблемам интерпретации и реконструкции процесса аргументации, сосредотачиваясь на оценке аргумента.

Подход к изучению стратегий аргументации представлен также такими именами, как О. Ашейм, К. Бреде, Дж. Олвуд, К. Г. Павлова, В. А. Михайлов и др., разрабатываемые в их работах правила коммуникации в целом можно свести к максима́м Г. П. Грайса (1985).

О. С. Иссерс разработала теоретическую базу для описания стратегий и тактик речевого поведения, используемых в русском дискурсе (1999). Этот автор не ограничивается исследованием только аргументативного дискурса, постановка проблемы в ее работе шире: автор разработала схему описания речевых тактик для любого коммуникативного события (1999: 128-129), а также исследовала и установила языковые показатели тактик на семантическом, лексическом,

лексико-грамматическом, синтаксическом и прагматическом уровнях (1999: 130-137).

Е. В. Бакумова также занимается исследованием стратегий коммуникативного поведения. В (Бакумова 2002) предлагается анализ ролевой структуры в российском и американском политических дискурсах и его результаты. Методика исследования позволяет автору увидеть соотношение между идеологическими предпочтениями говорящих и их коммуникативным поведением.

Е. И. Шейгал в монографии «Семиотика политического дискурса» (2000) касается вопроса о природе аргументативного дискурса. Согласно автору, существует два типа манипулирования общественным сознанием: а) референциальное манипулирование (при искажении образа денотата / референта в процессе обозначения действительности), которое может проявляться двояко – 1) как фактологическое манипулирование, 2) как фокусирующее манипулирование (т. е. частичное искажение благодаря сдвигу прагматического фокуса, отчего меняется характер восприятия денотата), б) аргументативное манипулирование, связанное с нарушением постулатов общения (при нарушении логического развития текста, уклонении от доказывания, маскировке логических ходов) (2000: 190-191).

В сравнительно недавно институализированной политической лингвистике (представленной именами А. П. Чудинова и др.) выделяется отдельное направление – это исследование аргументации в парламентском дискурсе. Например, О. В. Куликова (1989) описывает логическую схему выступлений в Британском парламенте, выделяет маркеры речевых актов, композиционные модели элементов аргументации и лингвостилистические средства репрезентации аргументации. Е. Н. Белова (1995) выявляет тактики манипулирования и «обнажает» процесс аргументации, состоящий из последовательных актов номинации (интродукция вводит тему – идентификация касается

категории аудитории и самого сообщения – предикация связана с вынесением решения).

О «правилах аргументации» пишет также В. З. Демьянков: «Не только обиденные речи, но и выступления перед большой аудиторией бывают сплошь и рядом полны противоречий, не замеченных самими выступающими: большая коллекция примеров этого представлена в книге С. М. Энгеля [S. M. Engel 1984], полагающего даже, что выявление таких ошибок, эмоциональных всплесков и несущественных утверждений в аргументации воспитывает в интерпретаторе подлинно гражданские и личностные качества» (Демьянков 1989).

1.2.2. Виды аргументативных дискурсов

Известный философ Ю. Хабермас различает виды аргументации по категории целеполагания: 1) теоретическая аргументация имеет целью установить истину, 2) практическая – определить адекватность норм действия, 3) эстетическая – установить ценностные стандарты, 4) экспликативная – установить правильность теоретических конструктов, 5) терапевтическая – выразительные средства. Ю. Хабермас разграничивает также различные аспекты аргументации: логический, диалектический и риторический. Описание этих аспектов заключается в приведении правил коммуникации (см. выше пункт 1 «Стратегии ведения дискуссий») для каждого аспекта. По В. Демьянкову, «очевидно, для каждого из этих видов должна существовать и своя мера эффективности и адекватности аргументации. В названной концепции основной упор делается на оценку внедренности в сознание адресата (становящегося тем самым реципиентом) тех или иных воззрений, ранее ему не свойственных или даже противоположных его убеждениям» (Демьянков 1989).

В работах П. Шародо виды аргументации классифицируются в зависимости от ее структуры. Соответственно, имеется три вида аргументации: 1) размышление (значимость аргументов нарастает), 2) упорядочение (выстраивание речи согласно некоему плану причинно-

следственных отношений), 3) действие (адресант задает реципиенту алгоритм операций над текстом: детальнее рассмотреть какое-то явление, сравнить какие-то явления). По В. Демьянкову, существует вопрос: «Говоря о нормативности всей речи как аргументирующей, должны ли мы предполагать существование ровно одного стандарта, или же мы пользуемся различными нормами, если угодно, стилями аргументирования?» И именно ко второму мнению склоняется П. Шародо, выделяя т. н. «ордеры» аргументирования. «Эти три ордера могут переплетаться в рамках одного и того же эпизода дискуссии...» (Демьянков 1989).

Возможно также исследование аргументативных дискурсов с точки зрения реакции адресатов убеждения, используемых умозаключений. Например, типы аргументации по критерию реакции аудитории выделяет Й. Греч: 1) пассивное восприятие внушения, 2) активное восприятие, 3) активное сопротивление внушению. По видам умозаключений проводят классификацию видов аргументации российские ученые А. Л. Блинов и В. В. Петров. Их исследования строятся на том, что, согласно теории Дж. Серля, субъект может совершать в одном из речевых актов одно речевое действие: объяснение, доказательство, подкрепление гипотезы, выведение следствия. Так рассматриваются ходы аргументации, называемые в работах указанных авторов дискурсивными актами.

I.2.3. Логическая структура аргументации

Традиция и методика исследования логической структуры убеждения имеет долгую историю в рамках теории формально-логической аргументации (Декарт, Паскаль, Бэкон, Лейбниц, Буль, де Морган).

В настоящее же время некоторые исследователи предлагают даже исключить формально-логический аспект из круга рассматриваемых проблем аргументации (напр., Heysse 1997), поскольку в логическом подходе валидны только истинность посылок и верность построения

умозаключения, а процесс аргументации обычно является ценностно-ориентированной деятельностью. Неучет прагматических факторов при логическом подходе исключает исследование таких важных для процесса аргументации факторов, как, например, аудитория.

Логически-ориентированный подход к изучению проблем аргументации все же продолжает развиваться и в настоящее время.

Так, Г. А. Брутян опирается на истинностную концепцию аргументации. В своей известной монографии «Аргументация» (1984) автор (после обзора истории риторики от античности до XX в.) исследует проблему компонентов и структуры аргументации, анализирует взаимосвязь аргументации и логики, аргументации и риторики, а также аргументации и философии. Под руководством Г. Брутяна Ереванская школа аргументации процесс убеждения рассматривает как доказательство тезиса и опровержение антитезиса.

К данному типу исследований мы также отнесли бы коллективную монографию под редакцией Л. М. Майдановой «Аргументация в публицистическом тексте (жанрово-стилистический аспект)» (Майданова 1992). Положения, на которых основывается методика анализа аргументации у авторов, таковы: во-первых, с логической стороны текст членится как вертикально (общая структура, иерархия элементов), так и горизонтально (линейное развертывание рассуждений при помощи языковых средств). Во-вторых, аргументация может рассматриваться как логический костяк (т. е. основные понятия и связь между ними) и как рассуждение (т. е. смысловая связь суждений). В-третьих, авторы принимают общеизвестное положение о различии между терминами *доказательство* и *аргументация*: целью доказательства является обоснование истинности утверждения, аргументации – сделать мнение говорящего мнением аудитории. В-четвертых, авторы предлагают схему (и пример практического ее применения) анализа аргументации – это выделение и описание тезиса, аргументов и демонстрации (в дополнение

к анализу логической структуры проводится анализ композиции, риторического оформления и предлагается вариант правки текста).

I.2.4. Рациональные и ценностные способы убеждения

Х. Перельман предложил соединить рациональные критерии доказательства тезиса с эпидейктической аргументацией (по аристотелевской типологии, - это речь на случай, торжественная, хвалебная). В итоге в круг проблем теории аргументации стала попадать и ценностная аргументация (т. е. апелляция к ценностям и иерархии ценностей), а целью говорящего стало считаться не столько доказательство истинности предлагаемого решения, сколько убеждение аудитории в том, что точка зрения говорящего может быть принята ею (Перельман, Ольбрехтс-Тытека 2000; см. раздел I.1.2.).

Как было сказано в начале этой главы, идеи Х. Перельмана получили продолжение в целом ряде работ и стали теоретической основой новых школ риторики, как на Западе, так и на Востоке. Например, объектом исследования в работах российского ученого (выпускника кафедры логики) М. Ю. Сластенова являются логические и неформальные аспекты аргументации, причем последний аспект играет роль не просто дополнительного риторического оформления рассуждения, а, напротив, является основой процесса убеждения (Сластенов 1989).

Наиболее близок идее диссертации подход российского ученого В. Н. Брюшкина (2000, 2004), в его работах для исследования аргументативного потенциала текста предлагается сочетание логического и когнитивного анализа текста. Логический анализ ориентирован на: «а) выявление главного тезиса (фрагмента) текста, б) выявление системы аргументов, обосновывающих тезис, в) установление логических связей (выводов) между тезисом и аргументами», когнитивный анализ ориентирован на установление т. н. «опор аргументации» – это «(сознательные или бессознательные) представления субъекта

аргументации, порождающие исходные высказывания дерева логической аргументации. В когнитивном анализе к числу опор аргументации относятся: а) ценности, б) интересы и в) психологические установки субъекта аргументации» (Брюшинкин 2000).

1.2.5. Когнитивный подход

Существует мнение, что «некоторой эксклюзивностью по отношению к субъекту обладает только когнитивная модель аргументации, так как, моделируя естественные процессы аргументации, в конечном счете, апеллирует к социальному и историческому контексту аргументации. Когнитивный подход позволяет рассматривать аргументацию как человеческую деятельность, а не только как систему фиксированных правил и аксиом и систему оперирования ими» (Словарь терминов. Аргументация. // *RATIO. Информационная система.* <http://ratio.albertina.ru/dict/argumentation/a>).

Представителями этого направления в российской науке являются А. Н. Баранов и В. М. Сергеев. Баранов при анализе аргументативного дискурса использует не категории истинности / ложности, а, например, такие актуальные для процесса познания действительности категории, как категории известного / неизвестного, согласия / несогласия (Баранов 1990а). Механизм аргументации при этом описывается как процесс введения информации в мир аудитории, ее осмысливания, интеграции и приватизации. Поскольку данная теория аргументации является лингвистической, в ней исследуется использование говорящим языковых средств для убеждения аудитории – это генерализаторы, расширяющие область действия тезиса; спецификаторы, сужающие область действия тезиса; служебные слова, которые формируют релевантность денотативного высказывания и др. «Суть категории речевого воздействия заключается в таком коммуникативном использовании языковых выражений, при котором в модель мира носителя языка вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся, то есть происходит процесс

онтологизации знания» (Баранов 1990а: 12). Таким образом, данный подход заметно отличается как от принципов формально-логического подхода, так и решения проблемы в духе неориторики Х. Перельмана, и соотносится с установками когнитивной лингвистики.

О модели Баранова и Сергеева пишут следующее: это модель ценностно-ориентированной аргументации, в которой:

Аргументационный дискурс представлен как особый тип речевого акта, в силу того, что аргументация имеет побудительный характер, ее нельзя рассматривать как простую совокупность речевых актов, поэтому аргументацию представляют как особый макротип речевого акта или речевой макроакт. А. Н. Баранов и В. М. Сергеев представляют следующую структуру аргументации:

1. логическая или рассудочная аргументация – основным правилом на данном этапе является трансформация тезиса таким образом, чтобы степень его соответствия-несоответствия актуализированной ценности стала очевидной. Но аргументы такого рода не затрагивают структуры ценностей участников аргументации. На данном этапе происходит ряд ментальных процедур прагматического характера: установление иерархий ценностей участников аргументации, сравнение иерархий ценностей, оценка степени соответствия и так далее. Ценность можно понимать как устойчивую культурно-зависимую когнитивную структуру, формирующиеся под непосредственным влиянием общественной практики.

2. эмоциональная аргументация. Особенностью данного типа аргументации является наличие уже готовых фиксированных когнитивных структур, непосредственно влияющих на структуру деятельности человека.

3. диалектическая аргументация направлена на изменение иерархий ценностей, т. е. на мобильность ценностей внутри данной структуры;

4. порождающая аргументация, которая представляет собой процесс порождения новых ценностей у участников аргументационного акта.

Базисной формой аргументации остается ее логическая компонента, более того, диалектическая и порождающая аргументация являются лишь средствами для первого типа аргументации. Логическая и диалектическая аргументация использует актуализированные ценностные концепты и их иерархии, в этом случае онтологизации нового знания предшествует актуализация уже имеющегося знания. Эмоциональная аргументация ограничивается привлечением имманентных ценностных структур, плохо осознаваемых адресатом, онтологизируемое новое знание процедурно, то есть требует конкретных действий без рассудочного анализа (Словарь терминов. Аргументация. // *RATIO. Информационная система.* <http://ratio.albertina.ru/dict/argumentation/a>).

В отечественной лингвистике проблемы аргументации в русле когнитивистики исследует также О. Е. Поляк (Поляк 1996, 1999), продолжая при анализе политического дискурса разработку и воплощение на практике идеи о ментальных моделях П. Н. Джонсона-Лэрда.

I.2.6. Аргументативные функции

С. Тулмин при анализе аргументативного дискурса отказался от категории истинности, вместо нее используя категорию прагматической приемлемости (Toulmin 1958). Объектом его исследования является юридический дискурс, при анализе которого С. Тулмин исследует выделяемые им следующие аргументативные функции: тезиса, данных, оснований (в отличие от данных, - это не очевидные положения), свидетельств, ограничителей (очерчивающих область знания говорящего) и поправок (к ним относятся различные выражения условий, при которых действительны доказываемые положения). Идеи С. Тулмина воплощают

и разрабатывают ряд исследователей, преимущественно на Западе, например, S. P. Millsap (1993), P. T. Wangerin (1993).

I.2.7. Общие места (топосы)

Волгоградский ученый Е. И. Шейгал при исследовании семиотики политического дискурса описывает функциональную структуру инаугурационного обращения, включая в инструментарий анализа общие риторические места, или топосы. Место проблемы аргументации тут, на наш взгляд, таково: вступающий в должность при помощи апелляции к общим местам стремится убедить аудиторию в правоте сделанного большинством выбора.

Инаугурационное обращение, по Шейгал, выполняет четыре функции, и каждая из них связана с определенным набором топосов. 1) Интегративная функция (утверждение единства нации) реализуется в топосах взаимных обязательств и единства нации. 2) Инспиративная функция (воодушевление на великие дела и прославление национальных ценностей) воплощается в топосах величия нации и возвышенных эмоций. 3) Декларативная функция (провозглашение принципов правления) реализуется через топосы долга и работы. 4) Перформативная функция (демонстрация понимания своего статуса и готовности выступить лидером государства) реализуется в топосах вступления в должность, достойного лидера и законопослушности (Шейгал 2000: 274-281).

Определение общих мест в аргументации используется не только в лингвистических работах, но и в исторических и политологических. См., например, (Kornprobst 2005).

В отечественной науке теория общих мест, или топосов, развита лучше всего не в области исследования аргументативных или идеологизированных дискурсов, а в теории риторики, например, (Волков 2003; Рождественский 1997).

Идея исследования текстов побудительного характера с точки зрения общих мест релевантна также и для новой риторики: согласно Х. Перельману, «тематизация согласия оратора и аудитории определяет характер высказываемого оратором общеизвестного либо предположительного факта (сфера истины или презумпции), либо мнения, разделяемого аудиторией (сфера предпочтений, т. е. иерархия культурных, нравственных и др. ценностей) и в любой форме коммуникации предполагает наличие посылок, принятых и одобряемых большинством аудитории, что составляет когнитивный и аксиологический базис согласия. (...) Каждый прецедент согласия базируется на топосе («общем месте»). Топосы согласия представляют собой общие послылки (актуализируемые или подразумеваемые), имплицитно присущие обоснованию большей части предпочтений и выборов» (Воробьева 2001).

I.3. О методе исследования

Задача представляемого исследования заключается в том, чтобы проанализировать способы аргументации в политическом дискурсе Литвы и России, опираясь на широкий спектр методик, апробированных названными выше авторами. Мы исходим из того, что на особенности аргументации оказывает влияние как общий «стиль мышления» эпохи, так и стиль мышления конкретного социума – в таком случае техника аргументации отдельного политического субъекта формируется под влиянием названных двух факторов¹.

¹ «Изучение социального измерения аргументации предполагает анализ зависимости манеры аргументации от общих характеристик того конкретного целостного общества или сообщества, в рамках которого она протекает. Характерным примером могут служить особенности аргументации в т.наз. «коллективистических (закрытых) обществах» (тоталитарное общество, средневековое феодальное общество и др.) или «коллективистических сообществах» («нормальная наука», армия, церковь, тоталитарная политическая партия и др.). Изучение исторического измерения аргументации включает три временных среза: – Учет того исторически конкретного времени, в котором имеет место аргументация и которое оставляет на ней свой мимолетный след. – Исследование стиля мышления исторической эпохи и тех особенностей ее культуры, которые налагают свой неизгладимый отпечаток на всякую аргументацию, относящуюся к данной эпохе. Такое исследование позволяет выделить

Из вышесказанного вытекает проблема **определения характера данного исследования**. Как было показано выше, в лингвистике проблемы аргументации разрабатываются на стыках когнитивной науки, теории речевых актов, социолингвистики, риторики, логики, политической лингвистики и др., соответственно, для анализа механизмов убеждения может использоваться самый разный инструментарий. Таким образом, перед нами стоит проблема обобщения опыта работы предшествующего периода для того, чтобы выработать такой инструмент, который позволил бы как сопоставить технику аргументации в двух рассматриваемых политических культурах, так и мотивировать наличие в них общего и различного.

I.3.1. Логико-риторические структуры аргументации

При разработке методики исследования мы опирались на **классическое положение античной риторики** о единстве трех категорий в представлении риторического идеала – это *логос*, *эмос* и *пафос*. Категория логоса связана с интеллектуальным аспектом убеждения, к которому относятся «логическая правильность, определенность, последовательность, доказательность аргументации, композиционная стройность и целесообразность, уместность и завершенность высказывания» (Волков 2003: 18). К категории этоса принадлежит степень соответствия речи нравственным идеалам общества. «Этос ритора складывается как соответствие речи нормам духовной нравственности, права, общественной морали и

пять принципиально разных, сменявших друг друга типов, или стилей, аргументации: архаическую (или первобытную) аргументацию, античную аргументацию, средневековую (или схоластическую) аргументацию, «классическую» аргументацию Нового времени и современную аргументацию. – Анализ тех изменений, которые претерпевает аргументация на протяжении всей человеческой истории. Именно в этом контексте становится возможным сопоставление стилей аргументации разных исторических эпох и постановка вопросов о сравнимости (или несравнимости) этих стилей, возможном превосходстве одних из них над другими и, наконец, о реальности исторического прогресса в сфере аргументации» (*Словарь логики*. <http://lib.deport.ru/slovar/log/a/argumentatsii-teorija.html>).

профессиональной этики, обычаям этнической морали, правилам речевого этикета» (Волков 2003: 19). К категории пафоса относится возбуждение говорящим эмоций и страстей в аудитории, «пафос направляет и организует волю аудитории к решению... в сочетании с эмоционально-оценочным образом предмета речи» (Волков 2003: 18).

Теория о единстве категорий логоса, этоса и пафоса позволяет нам при анализе техники аргументации исследовать и способы доказательства посредством апелляции к разуму, и психологические способы убеждения. Такой подход в целом характерен для современных неориторических исследований в эпоху после появления работ Х. Перельмана. Новизна методологического подхода в данной диссертации, как было сказано выше, заключается в кристаллизации метода анализа логической и психологической составляющих аргументации с учетом особенностей мышления говорящего. Описание особенностей техники аргументации с достаточной степенью полноты, на наш взгляд, может быть достигнуто с опорой на аппарат нескольких дисциплин. Это, в первую очередь, логика и риторика. Методику исследования в таком случае можно определить как логико-риторический анализ, исходя из того, что анализ составляют две процедуры: анализ логической структуры убеждения и его риторического оформления.

I.3.2. Когнитивные структуры аргументации

Специфику данной работы определила современная **когнитивная парадигма** науки. Мы отмечаем выше влияние «стиля мышления» эпохи и «стиля мышления» социума, оказывающих влияние на сознание отдельного говорящего субъекта. Мы исходим из того, что особенности аргументации определяются когнитивными установками говорящего – знаниями о том, как следует влиять на аудиторию и что следует полагать истинным или ценностно значимым в данном социуме. В таком случае мы понимаем аргументацию как прагматически ориентированную деятельность. Вопрос об истинности аргументации также в этом ключе

является прагматически окрашенным: полагает ли субъект политического текста находить истину, или он полагает целесообразным стремиться к убеждению аудитории, будучи озабоченным только проблемой внушения необходимой ему точки зрения – это вопрос нравственности и «вкусных» предпочтений эпохи. Разумеется, следует учитывать отличие истинности от искренности политического субъекта, однако для нас важным является иное: почему субъект аргументативного дискурса прибегает к тем или иным аргументам, как это связано с когнитивными моделями его сознания, как сказанное репрезентирует стиль мышления социума.

Особенность исследования в данном аспекте заключается во внимании к когнитивным структурам сознания, обусловившим содержание аргументативного дискурса. Мы исходили из идеи о том, что президентское послание, как и всякий политический текст, опирается на реализацию определенных когнитивных структур, составляющих глубинный уровень текста (Лассан 1995). В этом заключается, на наш взгляд, новизна предпринимаемого исследования аргументативного дискурса: анализируются как вербальные средства коммуникации в процессе аргументации, так и структуры сознания коммуникантов, реконструируемые на основе порожденного ими текста. Совокупность этих структур позволяет представить стиль мышления социума.

В той мере, в какой аргументация предполагает наличие точек согласия между оратором и аудиторией, мы полагаем возможным рассматривать эти точки согласия – топосы – в терминах базовых оппозиций сознания коммуникантов. При наличии общих ценностных оппозиций (Лассан 1995) говорящий апеллирует к ним, как точкам согласия в когнитивном пространстве коммуникантов. Один из членов оппозиции обладает позитивной ценностью, и деятельность субъекта речи, если он желает ее одобрения, должна освещаться как служение утверждению этой ценности и преодолению негативной ценности базовой оппозиции. При этом говорящий должен исходить из

предположения, что сознание адресата базируется на той же оппозиции (консолидирующая риторика). Говорящий также может сознавать, что сознание аудитории базируется на иных оппозициях ценностей: тогда его аргументативная деятельность носит более сложный характер, т.к. речь идет о внедрении ценности или переубеждении аудитории относительно оценочного характера той или иной ценности (конфронтующая риторика).

I.4. Основные используемые понятия

О терминологии. Основными понятиями, используемыми в работе, являются: дискурс; бинарные базовые оппозиции, концептуальные метафоры; тезис, аргумент; аргументация, убеждение, доказательство; речевые акты.

I.4.1. Дискурс

Термин «дискурс» широко используется в современных научных (и ненаучных) работах. Как говорит Ю. Степанов, «наука о словесности, особенно в России в последние годы, развилась в учение... – о “дискурсе” и “дискурсах”» (2007: 13). Несмотря на относительную новизну, термин «дискурс» (сродни термину «ценоз» в биологических науках) укоренился настолько прочно, что «нельзя даже найти их начальных авторов» (Степанов 2007: 13). Под дискурсом подразумеваются самые разные вещи: речь, диалог, дискуссия, текст, совокупность текстов, стиль, идиостиль – О. Лещак (2006) приводит более двух десятков существующих определений. В справочной литературе обычно предлагается три вида трактовки термина «дискурс»: это лингвистическое употребление, восходящее к англо-саксонской традиции (Харрис): «речь, погруженная в жизнь» (Арутюнова); согласно немецкой традиции (Хабермас) – некий идеальный вид коммуникации; в публицистическом употреблении, по французской традиции (Деррида, Фуко), – стилистическая специфика и стоящая за ней идеология. Добавим, что сюда же можно отнести определение одного из отцов теории

высказывания Эмиля Бенвениста: дискурс – это «речь, присвоенная говорящим».

Нам наиболее близко определение термина «дискурс», сформулированное Т. ван Дейком: «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характерах), так и о процессах производства и восприятия сообщения» (Дейк 1989: 113). Аспект «социальности» актуален для целого ряда исследователей (например, для Н. Фэркло (Fairclough 1995, 2005) дискурс – это использование языка как социальная практика, а любой текст – это социальное пространство).

Итак, использование термина «дискурс» в данной работе основывается на следующем представлении о нем: дискурс – это языковая деятельность в социальном контексте, характеризующая знания и мнения как субъекта дискурса, так и социума, которому принадлежит субъект.

1.4.2. Бинарные базовые оппозиции

Сущность бинарных базовых оппозиций, согласно методу Элеоноры Лассан (1995), заключается в том, что идеологизированные тексты содержат в себе явную или скрытую полемику с ценностями Другого. Таким образом, текст строится на оппозиции ценностей, антитезе, как, например, коммунизм ~ антикоммунизм, демократия ~ антидемократия, в которой один член является утверждаемой говорящим ценностью, второй – приписываемой оппонентам ценностью, наделяемой говорящим знаком «минус». Довербальный уровень осознания проблемы сквозь антитетичность устройства мира соотносится с инвенцией в классической риторике.

Идея об оппозиции позиций для исследователей политического дискурса актуальна. Так, например, Александр Алтунян в статье о лозунгах (1994) исходит из посылки, что любой пропагандистский текст

антитетичен – даже такие микротексты, как лозунги: «Лозунг имеет внутреннюю логику, в соответствии с которой достраивается оппозиция, казалось бы, в тексте лозунга отсутствующая. Понять эту логику образа, проникнуть в идейный смысл лозунга – задача исследователя» (Алтунян 1994).

Операция установления лежащих в основе текста оппозиций, по Э. Лассан, «позволяет определить как особенности мышления, порождающего определенный текст, так и особенности вербализации данных идей в определенный период» (Лассан 1995: 41).

Итак, под бинарными базовыми оппозициями мы понимаем ментальные сущности – две противоположные идеи, на противопоставлении которых строится текст; в языке имена, называющие идею и контридею, являются именами абстрактными.

I.4.3. Концептуальные метафоры

Базовые оппозиции и концептуальные метафоры в работе рассматриваются как автономные структуры знаний (в отличие от Лассан 1995), так как речь идет не о текстопорождении, а о структурах сознания говорящего. Примеры концептуальных метафор: Политика – это война, Политика – это путь, Государство – это здание (Lakoff, Johnson 1980; Cibulskienė 2006). Концептуальная метафора детерминирует сценарий осмысления ситуации, набор ее участников и ролей, что проявляется на вербальном уровне: например, при концептуальной метафоре войны используется милитаристская лексика. И это позволяет говорить, соответственно, о милитаристском видении мира субъектом дискурса.

Как показывают исследования последнего десятилетия, метафора является мощным средством воздействия на общество в современном политическом дискурсе. Например, в работе Джорджа Лакоффа «Метафора и война» (Lakoff 1991), показано, что непонимание между арабским и американским мирами во время войны в Персидском заливе

можно объяснить действием различных метафор, лежащих в основе производства текстов, освещавших ход военных действий. Метафорическое моделирование различных политических событий исследовано многими лингвистами. Например, Анатолий Чудинов (Чудинов 2003) писал о том, что бомбардировки Югославии в 1999 году соответствовали представленной Дж. Лакоффом схеме *Злодей – Жертва – Доблестный спаситель*. Разница в применении одной и той же метафорической схемы заключается в том, что в американском дискурсе Злодеями представлялись сербы, а Невинной жертвой – албанцы. В российском дискурсе все представлялось наоборот: албанцы выступали Злодеями, а Невинной жертвой, соответственно, сербы. Кроме того, отмечает А. Чудинов, как и в случае оправдания или осуждения боевых действий в Персидском заливе, в американском и российском дискурсах использовались различные метафоры. Если в российских масс-медиа использовалась метафора родства, *Русские и сербы – братья*, то в американских – метафора болезни: *Югославия – больной организм* (Чудинов 2003: 94). Таким образом, различие в поведении (в данном случае – различная реакция российской и американской аудитории на сообщения из Белграда весной 1999 г.) объясняется осмыслением ситуации в различных терминах и действием согласно своей понятийной системе.

Итак, под концептуальной метафорой в данной работе понимается ментальная сущность, содержащая метафорическое представление о каком-то явлении, ситуации в терминах другой сущности, обуславливающей следствия из концептуальной метафоры в языковых метафорах на вербальном уровне.

I.4.4. Тезис, аргумент

Термины «тезис» и «аргумент», в отличие от остальных терминов,

являющихся основными для данной работы, характеризуются длительной традицией их использования в гуманитарных науках, а также тем, что содержательное наполнение данных терминов спорным вопросом не является.

Вслед за А. Ивиным и А. Никифоровым под тезисом в данной работе понимается «один из элементов доказательства, положение, истинность которого обосновывается в доказательстве» (Ивин, Никифоров 1997: 329).

Существуют различные критерии определения видов тезисов, например:

- 1) по иерархии один текст может содержать тезисы главные и второстепенные,
- 2) по содержанию тезисы могут быть простыми (определяется одно качество в явлении) или сложными (несколько качеств),
- 3) по свойству информации различаются тезисы фактологические, оценочные и нормативные (или их комбинация),
- 4) по количественному критерию различаются тезисы, приписывающее качество всему классу явления, отдельным членам или отдельному явлению,
- 5) по модальности различаются тезисы, утверждающие необходимость, несомненность, вероятность и проч.,
- 6) по экспрессивности различаются тезисы нейтральные и экспрессивные,
- 7) по очевидности формулировки – тезисы эксплицитные и имплицитные (Майданова 1992).

К тезису, как правило, предъявляется ряд требований: в первую очередь, тезис должен быть сформулирован недвусмысленно, во-вторых, в процессе убеждения тезис должен оставаться неизменным. О выполнении или нарушении первого требования, однако, можно говорить лишь в тех случаях, когда говорящий представляет тезис в

эксплицитном виде. В случае имплицитного введения в текст тезиса - рассуждать о его ясности и точности не приходится. Отметим, что в литературе, посвященной проблемам выделения и взаимного соответствия тезиса и аргументов, об этапе, связанном с установлением тезиса, который представлен в тексте эксплицитно, не говорится.

Аргументом, также в согласии с формулировкой А. Ивина и А. Никифорова, мы называем: «суждение (или совокупность взаимосвязанных суждений), посредством которого обосновывается истинность к.-л. другого суждения (или теории). При доказательстве некоторого суждения А. являются основаниями, или посылками, из которых логически следует доказываемое суждение» (Ивин, Никифоров 1997: 22).

Общепринятым является деление аргументов на два вида - это аргументы *ad rem* (лат. 'к существу дела') и аргументы *ad hominem* (лат. 'к человеку'). Аргументы *ad rem* «имеют отношение к обсуждаемому вопросу и направлены на обоснование истинности доказываемого положения» – это «основоположения или принципы некоторой теории; определения понятий, принятые в науке; суждения, описывающие установленные факты; ранее доказанные положения и т. п. ...Опирающееся на них доказательство будет корректным с логической точки зрения». Аргументы *ad hominem* «не относятся к существу дела и используются лишь для того, чтобы одержать победу в полемике, в споре. Они затрагивают личность оппонента, его убеждения, апеллируют к мнениям аудитории и т. п. С точки зрения логики эти А. некорректны... все-таки встречаются и в повседневных, и в научных спорах» (Ивин, Никифоров 1997: 23, 25).

Аргументы, так же как и тезисы, должны удовлетворять некоторым основополагающим правилам: аргументы должны быть истинны и их истинность – доказана, аргументы должны быть достаточным основанием для доказываемого положения.

I.4.5. Аргументация, убеждение, доказательство

В работе различаются термины «аргументация», «убеждение» и «доказательство». Использование термина «доказательство» подразумевает, что адресант в процессе убеждения опирается на положения логики и использует дедуктивное доказательство тезиса или недедуктивные и неформальные способы вывода (индуктивные рассуждения, умозаключения по аналогии, статистические выводы и др.). В том случае, когда адресант подключает к процессу доказывания аргументы, воздействующие на чувства, т. е. аргументы *ad hominem* (лат. 'к человеку'), мы говорим об убеждении или аргументации. Таким образом, более узок диапазон применения термина «доказательство» (только логически обоснованное рассуждение и вывод), наиболее широка сфера применения термина *убеждение* (это и сам процесс, и результат коммуникации; инструменты убеждения наиболее разнообразны – вербальные и невербальные, рациональные и иррациональные). Термин «аргументация» предполагает, что речь идет о процессе построения утверждений, рассуждений и что в процессе убеждения вербализуются аргументы. Между собой термины «аргументация» и «доказательство» состоят в гиперо-гипонимических отношениях: «аргументация» является гиперонимом, «доказательство» – гипонимом.

В работе также используются термины «универсальная аргументация» и «контекстуальная (неуниверсальная) аргументация». Универсальными способами убеждения являются способы теоретической аргументации, эмпирические подтверждения, аргументы к здравому смыслу. К контекстуальным способам убеждения относятся, по сути, аргументы *ad hominem*: «аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере...» (Ивин 2003: 24). Таким образом, аргументы, являющиеся практическим рассуждением или, например, апелляцией к здравому смыслу по теории классификации способов убеждения по критерию к разуму (*ad rem*) :: к человеку (*ad hominem*) будут относиться к аргументам *ad hominem*, а по теории классификации

способов убеждения по критерию универсальность :: контекстуальность – к универсальным способам убеждения, т. е. апеллирующим к разуму любого слушателя, независимо от контекста или личных предпочтений.

I.4.6. Речевые акты

Для работы также актуален аппарат теории речевых актов, а именно: осмысление речевого действия как речевого акта и подразделение речевых актов на следующие основные классы: репрезентативы (информирующие сообщения), директивы и прескрипции (побудительные высказывания), комиссивы (акты принятия обязательств), экспрессивы (выражения эмоционального состояния), декларации (акты-установления). Существует также большая группа косвенных речевых актов – это все те речевые акты, «иллокутивная цель которых присутствует имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции» (Арутюнова 1998: 413). В нашей работе мы для обозначения имплицитной иллокутивной цели говорящего вслед за Дж. Остиным будем использовать понятие перлокуции (наряду с понятиями локуции и иллокуции).

Необходимость в теории речевых актов для выполнения данного исследования была мотивирована главной ее особенностью, которую И. М. Кобозева характеризует как «подход к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств» (1987: 13). Если иные модели коммуникации также рассматривают такие элементы вербального взаимодействия как говорящий и слушающий, высказывание и обстоятельства его произнесения (Кобозева 1987: 13), то теория речевых актов (ТРА) предлагает включать в модель коммуникативной ситуации факторы цели и результата речевого действия, что коррелирует с целями теории аргументации (ТА): какова цель высказывания (ТРА) или в чем хочет убедить слушателей говорящий (ТА)? Каков результат

высказывания (ТРА) или убедительна ли была речь говорящего для аудитории (ТА)?

В диссертации используются названия прямых речевых актов, укоренившиеся в работах по теории аргументации (напр., Мигунов 2004): дескриптивный, оценочный и аргументативный речевой акты. Дескриптивный и оценочный акты относятся к классу репрезентативов (по Дж. Р. Серлю) или констативов (по Дж. Остину); аргументативный речевой акт в серлеостинской таксономии также соотносится с репрезентативами-констативами, иллюкутивной целью которых заключается не в описании или оценке, а в убеждении аудитории.

Речевой акт в диссертации классически (Дж. Остин, Дж. Р. Серль, Н. Арутюнова) понимается как целенаправленное речевое действие, характеризующееся интенциональностью и конвенциональностью.

1.5. Процедура исследования

В данном разделе мы попытались эксплицировать, каким образом в ходе сбора материала и его анализа мы опознавали текст как аргументативный, каковы были этапы анализа. Здесь так же описывается предмет исследования – его качественные и количественные характеристики.

1.5.1. Признаки аргументативных высказываний

Выявление универсальных материальных маркеров аргументативных высказываний составляет существенные трудности в силу использования в процессе аргументации естественного языка и способности человека понимать имплицитные связи между суждениями. Для установления, является ли высказывание аргументативным, мы наблюдали и рассуждали, для чего говорящему понадобилось высказать содержащуюся в анализируемой фразе мысль, как связано суждение с другими высказываниями в тексте, является ли суждение обоснованием

для какого-то положения, каким образом высказывание выполняет роль обоснования для проводимой говорящим идеи.

I.5.2. Этапы анализа

Процедуру анализа составляют следующие этапы:

1) Определение когнитивных структур субъекта:

- а) базовые оппозиции;
- б) концептуальные метафоры.

2) Анализ универсальной структуры убеждения:

а) способы введения тезиса в текст, его перифразы, содержание;

б) содержание универсальных аргументов (являются ли они доказанными ранее положениями, эмпирическими, фактическими, статистическими данными, дефиницией, законом; выдерживают ли проверку на истинность, независимость их истинности от тезиса, степень связи с тезисом, достаточность), а также динамика их развития по мере появления очередного президентского послания.

3) Анализ контекстуальной аргументации:

а) способы введения тезиса в текст, его перифразы, содержание;

б) содержание контекстуальных аргументов (например, что является традицией, авторитетом для говорящего), а также динамика их развития по мере появления очередного президентского послания.

I.6. Предмет исследования

Избранным для анализа материалом являются тексты выступлений президентов России и Литвы с 2000 по 2007 гг., опубликованные на официальных президентских сайтах. Это ежегодные послания к Федеральному Собранию президента России Владимира Путина и ежегодные выступления президента Литвы Валдаса Адамкуса.

В качестве второстепенных источников к анализу были привлечены также тексты публицистов и лидеров и просто сторонников

лидирующих в обеих странах партий. Выборку составили именно такие тексты, которые появились в период предвыборных кампаний и начала войны в Ираке и целью которых являлось в большей степени убеждение, нежели информирование.

Аудиовизуальные (способ подачи устных выступлений президентов, телевизионные, плакатные технологии, цвет, логотип, организация сайта и проч.) способы воздействия на сознание получателей сообщений не учитывались.

I.6.1. Характеристика предмета

Поскольку жанр президентского послания не является строго определенным, позволим себе остановиться на истории жанра – посланиях американских президентов Конгрессу США. Цель президентского послания американского президента – очертить ориентиры внутренней и внешней политики и обосновать уместность тех или иных мер: *В обращении Джордж Буш привел немало аргументов в защиту новой американской стратегии в Ираке, заявляя, что «Америка не должна потерпеть неудачу»²*. Из приведенной цитаты видно, что аргументация представляется вполне уместной частью президентского послания.

Очевидно, наследование традиции американских президентских посланий президентами России и Литвы предполагает и наследование иллокутивной цели президентского послания: через отчет перед депутатами, т. е. описание положения в стране в репрезентативных речевых актах, и директивные речевые акты осуществить акт убеждения в правильности президентского курса. Мы склонны говорить о президентском послании как особом типе речевого акта, ибо он реализует определенные намерения говорящего (иллокуция), предполагает реакцию слушателей (перлокуция) и имеет локутивное значение с референтной отнесенностью к положению в стране.

² Особенности президентского послания конгрессу США. 24 января 2007 г. <http://www.vsnews.ru/newstext.mhtml?Part=11&PubID=7178>

Стиль президентского послания, очевидно, зависит от места президента в структуре политической власти страны – в одних случаях глава государства сам оценивает ситуацию, созданную другими ветвями власти, и очерчивает круг будущих задач в виде директив, в других – он в большей степени несет ответственность перед законодательными ветвями власти и, оценивая ситуацию, он оценивает, прежде всего, свою деятельность и испрашивает у законодательной власти одобрения на предполагаемые им действия. Возможно, имеется различие в характере аргументации: в одних случаях говорящий обосновывает необходимость тех или иных действий, не стремясь склонить на свою сторону реципиентов, так как судьба намеченных мер не зависит от их решения; в других – он вынужден быть более убедительным, чтобы получить поддержку законодательной власти. Например: *Президент Буш попросил дать шанс новой политике в Ираке. «Наша страна проводит новую стратегию в Ираке, и я прошу дать ей возможность начать работать»*, – сказал Буш в своем послании³.

Ежегодные послания президентов – традиция, начавшаяся в России и Литве в 1993 г., – в настоящее время являются одними из важнейших политических событий в обеих странах, первая из которых – страна с президентским правлением, вторая – парламентская республика. В президентских посланиях и В. Путина, и В. Адамкуса даются различные указания и предложения правительству, именно поэтому глава государства должен имплицитно подчеркнуть свое право на осуществление такого речевого акта, а именно: доказать свою дееспособность на посту главы государства. Это осуществляется через описание деятельности возглавляемого президентом государства, то есть через своеобразный отчет о проделанной работе. Естественно, этот отчет должен создать впечатление эффективной деятельности главы государства.

³ *Особенности президентского послания конгрессу США*. 24 января 2007 г. <http://www.vsnews.ru/newstext.mhtml?Part=11&PubID=7178>

Каждый год послания вызывают в обществе обеих стран резонанс и подвергаются разностороннему обсуждению. С одной стороны, в российском дискурсе на президентские послания «ссылаются как на истину в последней инстанции, на политическую Библию» (Киселев 2006), в литовской политической жизни президент, «несомненный моральный и политический лидер», является тем, кто в своих посланиях «последовательно очерчивает путь развития нашего государства» („Neabejotina, kad Prezidentas nuosekliai brėžia mūsų valstybės raidos kelią, uga nepralenkiamas moralinis ir politinis lyderis”. (Stundys 2005)). С другой стороны, содержащиеся в президентских посланиях положения воспринимаются не только как руководство к действию, но и критикуются: российскому президенту В. Путину вменяется в вину то, что политика им «максимально профанизируется», «отождествляется с администрированием и управлением», заявляемые им цели «предельно «земные»: комфорт, благополучие» (Мартьянов 2007). Литовского президента В. Адамкуса осуждают за игнорирование некоторых важных для общественности тем и недостаточную прозрачность иных высказываний, таким образом при восприятии ежегодных президентских посланий «иногда создавалось впечатление, что президент сознательно стремился к тому, чтобы не быть понятым» („Nes kartais galėjo susidaryti įspūdis, jog prezidentas specialiai stengėsi, jog jo nesuprastų”. (Račas 2006)).

Какова бы ни была оценка президентских посланий, они на политическую действительность влияют в большой степени. В стране с президентским правлением, России, послания «создают социальную реальность, конструируют важнейшие различия, цели и идеалы, устанавливают идентичности, которые непосредственно влияют на жизнь всех граждан» (Мартьянов 2007). Вспомним, например, появившееся в период предвыборной кампании в Госдуму 2007 г. идеологическое клише «план Путина», означающее, что программа партии «Единая Россия» построена на президентских посланиях В. Путина. В парламентской Литве «послания главы страны двояки» (Kučinskaitė 2002): президент в

посланиях не предстает всевидящей и всеильной властью, поскольку конституционно его полномочия ограничены, но все же президентские послания могут иметь такие серьезные последствия как отставка правительства – в 1999 г. после ежегодного выступления президента В. Адамкуса в отставку подал премьер страны Г. Вагнорюс.

У президентских посланий (как мы убедились в результате анализа российских и литовских ежегодных посланий) есть два адресата: политическая элита и массовая аудитория. Поскольку президент избирается путем всеобщего голосования, можно предположить, что второй адресат в основном обладает доверием к говорящему, часть массовой аудитории, конечно, может не принимать позицию президента. Политическая элита, парламент, также избирается всеобщим голосованием. Т. е. теоретически народ избирает и президента, и парламент на основе их общих установок (если большинство получает та или иная партия, то и президент получает поддержку от ее электората). Вместе с тем партийный спектр парламента широк, поэтому в аудитории совершения акта президентского послания также могут быть несогласные. Таким образом, аргументативность дискурса президентских посланий вполне естественна. Аргументация не была бы нужна субъекту послания, если бы все адресаты заведомо были согласны с его позицией.

В дополнение к анализу дискурса президентских посланий мы обратились к анализу дискурса выборов: к текстам, непосредственно предшествовавшим или опубликованным сразу после российских выборов в Думу⁴ в декабре 2003 г. и литовских выборов в Европарламент⁵ в июне 2004 г. и Сейм⁶ в октябре 2004 г. Объектом исследования стали дискурсы двух (а не одной) литовских предвыборных

⁴ На выборах в Госдуму в 2003 г. победили следующие партии: «Единая Россия» получила 37,57% голосов, КПРФ 12,61%, ЛДПР 11,45%.

⁵ На выборах в Европарламент в 2004 г. от Lietuvos darbo partija прошли 5 представителей, Lietuvos socialdemokratų partija – 2, Tėvynės sąjunga – 2, Liberalų ir centro sąjunga – 2.

⁶ На выборах в Сейм в 2004 г. Lietuvos darbo partija получила 28,4% голосов, A. Brazausko ir A. Paulausko koalicija „Už darbą Lietuvai“ (Lietuvos socialdemokratų partija ir Naujoji sąjunga) 20,7%, Tėvynės sąjunga 14,6%.

кампаний потому, что эти выборы состоялись в один относительно короткий промежуток времени – четыре месяца, таким образом, одна предвыборная кампания являлась продолжением предшествующей. Источником информации послужили официальные сайты политических партий, авторами текстов являлись лидеры и члены партий, у части текстов автор не указан.

I.6.2. Критерии отбора материала

Сбор материала проводился методом сплошной выборки с установками на то, что методологически исследование будет носить качественный, не количественный характер, именно поэтому мы ориентировались на сходные по интенции и функции тексты (президентские выступления и предвыборная агитация). Кроме того, между русской и литовской частями материала существует хронологическое соответствие (выборы в Думу, Европарламент и Сейм состоялись в течение периода 11 месяцев), что позволило нам говорить об обнаруженных тенденциях в двух политических культурах на одном временном срезе. В количественном отношении подход к сбору материала заключался в том, чтобы русская и литовская часть анализируемого корпуса текстов были сходны по объему.

I.6.3. Объем исследованных текстов

Для характеристики способов аргументации в президентском дискурсе было исследовано 8 речей президента России и 7 речей⁷ президента Литвы (главы II.1, III.1). Результаты исследования российского партийного дискурса приводятся на основании анализа 60 текстов (по 20 текстов каждой из 3 партий, победивших на выборах: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР), литовского партийного дискурса – на

⁷ В 2004 г. президент Р. Паксас не успел прочитать свое первое президентское послание из-за инициированной процедуры импичмента. По окончании президентского скандала в должность президента вновь вступил предшественник Р. Паксаса В. Адамкус. Поэтому на отрезке 2000-2007 гг. прозвучало не восемь, а семь обращений литовского президента.

основании анализа также 60 текстов (по 20 текстов 3 победителей: Darbo partija, A. Brazausko ir A. Paulausko koalicija (Lietuvos socialdemokratų partija ir Naujoji sąjunga), Tėvynės sąjunga).

I.6.4. Адекватность материала целям работы

Думается, что при заявленных целях – анализе техники аргументации в политическом дискурсе – исследуемый материал в наибольшей степени поставляет материал для исследования: во-первых, в политическом дискурсе важную роль играют выступления президентов – сама значимость роли президента для жизни страны свидетельствует о важности функции его выступлений; во-вторых, наиболее показательными для демонстрации способов убеждения являются тексты, созданные в период предвыборной борьбы и в момент осмысления результатов выборов, когда наблюдается повышенное внимание к ценностям общества, их экспликация и переоценка. Обращение к президентским посланиям двухтысячных годов и кампании последних, имевших место в Литве и России, выборов обусловлено стремлением представить современное состояние политических умов.

I.7. Язык и власть

Прежде чем обратиться непосредственно к проблеме аргументации, мы в данном разделе кратко характеризуем взаимоотношения феномена власти и языка, поскольку техника аргументации в диссертации исследуется на материале политических текстов, т. е. текстов от имени обладающих властью.

I.7.1. Феномен власти

Наше представление о том, что такое власть, вытекает из идей о том, что: власть – это обладание знанием, власть – это асимметричные отношения между субъектами, власть – это обладание правом на речь.

Власть – это обладание знанием. Существующий в настоящий момент взгляд на природу власти берет начало в теории Мишеля Фуко о власти-знании (1996). Как пишут Л. Филлипс и М. Йоргенсен (2008), «цель Фуко – в исследовании структуры различных «режимов» знаний, то есть правил, устанавливающих, что можно говорить и что нельзя, что считать истинным, а что ложным» (2008: 36). Причем эти правила устанавливаются не каким-то определенным субъектом, а, скорее, доминирующим дискурсом: «...Власть не принадлежит определенным агентам, таким как индивиды, государства или группы с конкретными интересами; скорее, власть распространяется посредством различных социальных практик» (2008: 37). То есть власть – это право на регулирование дискурсивных практик, информацию, социальную действительность: «Власть следует понимать не только как исключительно репрессивную, но и как продуктивную силу; власть конституирует дискурс, знание, сущности и реальности» (2008: 37). По Фуко, «власть всегда связана со знаниями – власть и знания предопределяют друг друга» (2008: 38).

Идея о том, что власть – это обладание знанием, присуща мировоззренческим системам многих современных исследователей. Так, например, в центре внимания заключительной части трилогии о проблемах современной цивилизации Элвина Тоффлера (2004) лежит мысль о том, что власть в прошлом подразумевала обладание такими ресурсами как сила и богатство, а в эпоху современного «информационного» общества власть – это, в первую очередь, обладание знанием.

Власть – это асимметричные отношения между субъектами. Осуществление власти возможно лишь при взаимодействии двух и более субъектов, причем эти субъекты должны принадлежать единой иерархической структуре. Х. Арндт, автор консенсусной концепции власти, писала: «Власть относится к человеческой способности не просто действовать, а действовать совместно. Власть не является

собственностью одного индивида, она всегда принадлежит группе людей и существует только до тех пор, пока эта группа сохраняет единство»⁸ (цит. по: Подкопаева 2004). Развивая тезис Х. Арндт, российский исследователь проблем анализа дискурса власти Е. Подкопаева отмечает: «Однако согласование интересов не означает, что властные отношения имеют диалогический характер, а участники властных отношений равноправны. Власть всегда предполагает воздействие одного индивида или группы людей (субъекта властных отношений), на другого индивида или группу людей (адресата воздействия)» (Подкопаева 2004). То есть осуществление власти – это воздействие одного субъекта на другой, причем не взаимное и одностороннее.

Власть – это обладание правом на речь. Одним из способов воздействия одного субъекта на другой является коммуникативное воздействие. Вновь процитируем Е. Подкопаеву: «именно убеждающая (персуазивная, конвинктивная, суггестивная) коммуникация является конституирующим элементом властных отношений» (Подкопаева 2004). Формулировка данного тезиса произрастает из идеи Р. М. Блакара, изложенной в работе, которая в русском переводе известна под названием «Язык как инструмент социальной власти» (Блакар 1987). Р. М. Блакар показал, что осуществление власти связано с возможностью субъекта власти влиять на взгляды адресата воздействия. Более того, любая речевая деятельность, по Р. М. Блакару, воздействует на структуры знания адресата (Г. Маркузе: «кто называет вещи, тот овладевает ими»).

I.7.2. Язык как инструмент власти

Работа Р. М. Блакара сыграла особую роль в появлении множества лингвистических работ, идея которых сводится к тому, что посредством языка формируется действительность⁹. Ибо именно «язык ... становится

⁸ Е. Подкопаева цит. по: Зайцев М., Вовченко С. А. Власть, сила и политическое насилие: консервативная и либерально-демократическая трактовка. // Власть и достоинство личности. Волгоград 1993, С. 31.

⁹ Конечно, идея о том, что человек видит мир сквозь призму языка, звучала и раньше (напр., в сочинениях В. Гумбольдта).

инструментом контроля даже там, где он сообщает не приказы, а информацию, где он требует не повиновения, а выбора, не подчинения, а свободы» (Маркузе 2003: 145).

Как пишет Элеонора Лассан, «обязательным условием всякой власти является ее выражение в языке, а политика есть не что иное, как кодифицированные знаки, развертываемые при помощи акта высказывания в социально-семиотическом процессе. <...> Всякая власть создает свою речевую практику, которая стремится утвердить себя в качестве универсальной, истинной и справедливой и тем самым ставит другие речевые практики в подчиненное положение» (Лассан 1995: 16).

Исследования возможностей речевой практики власти проводились и в жанре художественного произведения (Дж. Оруэлл), и в жанре записных книжек (В. Клемперер), и в ряде научных работ, внимание в которых было сосредоточено на выборе номинаций и грамматических форм, скрытых и подразумеваемых предпосылок, смене ярлыков и искажении причинно-следственных отношений, коммуникативных стратегиях и принципах порождения идеологизированных текстов, ранжировании информации и даже молчании. Данное диссертационное сочинение вносит лепту в общее дело посредством исследования проблем аргументации – одного из видов осуществления власти посредством языка.

ГЛАВА II. ТЕХНИКА АРГУМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

II.1. Президентский дискурс: послания В. Путина (2000-2007 гг.)

В ежегодных посланиях Федеральному собранию президент России отчитывается за свою деятельность за прошедший год, описывает текущую ситуацию, дает оценку положению дел в стране и намечает приоритетные направления развития политической деятельности. Таким образом президент убеждает слушателей в правильности сделанного согражданами выбора на президентских выборах и направляет деятельность ветвей власти так, чтобы время его правления было оценено современниками и потомками как конструктивное для возглавляемого им государства.

В данной главе предлагаются результаты анализа когнитивных и логико-риторических структур аргументации в президентских посланиях.

II.1.1. Когнитивные структуры аргументации

II.1.1.1. Базовые оппозиции

Анализ показал, что в основе порождения семи посланий президента к Федеральному собранию лежат оппозиции сила ~ слабость, Россия ~ Запад, справедливость ~ несправедливость, демократия ~ антидемократия, в которых ценностным ориентиром является первый член; второй член оппозиции – т. н. «антиценность» – является носителем негативного признака. Анализ данных четырех оппозиций следует ниже, в отдельных параграфах.

Оппозиция новое ~ прежнее имела место в порождении лишь первых трех посланий президента. Актуальность данной оппозиции в начале президентской карьеры В. Путина обусловлена, по-видимому, желанием отмежеваться от политического курса предшественников и показать готовность к игре по иным правилам, что не может не найти

отклик в сердцах слушателей, переживших военные действия на юге страны, последствия рыночных реформ и дефолта в августе 1998 г. Эксплицитно мысль о том, что ценностью является не прежняя общественная ситуация, а нынешняя, формулируется говорящим следующим образом:

Сегодня, когда мы идем вперед, важнее не вспоминать прошлое, а смотреть в будущее (2000).

Президент также утверждает, что *в России наступает период*, в который введение новых законов *станет точкой отсчета нового времени, задаются новые параметры, задаются новые правила*. О прошлом говорится как о времени *десятилетий стагнации и кризисов*, когда государство было враждебно настроено по отношению к людям: *Суть многих наших проблем в застарелом недоверии государству, неоднократно обманывавшему граждан...* Признание этого положения, вероятно, призвано, вероятно, подчеркнуть отличия новой власти от прежних властей и побудить граждан к новой ситуации: доверию государству.

II.1.1.1.1. Сила ~ слабость

Центральной оппозицией дискурса президента является оппозиция **сила ~ слабость**. Проявления данной антитезы весьма частотны и наблюдаются во всех посланиях. Безусловно, положительной коннотацией в данной оппозиции наделяется первый член – понятие силы. В посланиях констатируется необходимость достижения ценности силы:

Единственным же для России реальным выбором может быть выбор сильной страны. // Россия будет сильной страной... (2000). // Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой (2003). // Считаю, что нашим принципиальным результатом должно стать возвращение России в ряды богатых, развитых, сильных и уважаемых государств мира (2003).

Предпочтительность ценностного полюса силы в отличие от полюса слабости обосновывается от противного, демонстрацией негативных последствий проявления слабости:

Одним из проявлений слабости государства <...> стало чрезмерное накопление государственного, в особенности внешнего долга (2000). // Во все периоды ослабления страны <...> вставала угроза распада (2003).

Что же подразумевается под словосочетанием *сильная страна*?

Тексты посланий свидетельствуют о том, что, во-первых, **сильная страна самостоятельно решает экономические проблемы:**

Долгое время мы выбирали: опереться на чужие советы, помощь и кредиты или – развиваться с опорой на нашу самобытность, на собственные силы (2000).

Во-вторых, **сильная страна способна удержаться на мировом рынке:**

В период слабости – нашей слабости – многие ниши на мировом рынке нам пришлось уступить (2002).

Два этих признака связаны с экономической стороной развития общества.

Третий признак, по которому определяется сильная страна в анализируемом корпусе текстов, – это **наличие подготовленной армии:**

Россия будет сильной страной – с современными, хорошо оснащенными и мобильными вооруженными силами (2003).

Четвертый признак сильной страны – это **наличие гражданской, политической и экономической свободы** в стране:

Но наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное, если кому-то не нравится слово «сильное», скажем эффективное государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины (2000).

Данная цитата интересна тем, что в ней говорящий, стремясь избежать обвинений в возврате к ценностям имперского государства, прибегает к эвфемистической замене выражения *сильное государство* выражением *эффективное государство: эффективный и демократический* – эти слова могут, по мнению говорящего, выразить смысл ‘сильный’.

Несмотря на некоторую необычность выражения *эффективное государство*, нужно сказать, что оно (с легкой руки Путина?) вошло в политический обиход и получает различные трактовки, например, *функциональное, системно-деятельное* и т. д. Казалось бы, определение

эффективный не имеет предрасположенности к сочетанию с лексемой *государство*, скорее, признак *эффективный* подходит для характеристики положительного результата некоторого процесса, метода (например, эффективное решение, эффективное лекарство). Возможно, говорящий, употребляя словосочетание *эффективное государство*, делает метонимический перенос, имея в виду *эффективное управление государством*.

А перифраза *демократическое государство*, на наш взгляд, не способствует прояснению смысла понятия «сильное государство», т. к. и *демократия*, и *демократический*, ставшие в современном политическом дискурсе словами-симулякрами, сами нуждаются в пояснении, что они означают. Мы имеем в виду то, что, во-первых, в современной политической коммуникации существует определенный набор т. н. «парольных» слов, называемых предпочтительные для европоцентристской культуры ценности (например, *права, свобода, демократия*). Во-вторых, содержание этих парольных слов настолько широко, что ими можно называть существенно отличающиеся, если не противоположные, вещи (например, *демократически избранные руководители* таких государств как Грузия, Америка, Китай).

Наше внимание в приведенной выше цитате привлекли также следующие моменты. Во-первых, оговорка: *если кому-то не нравится слово «сильное», скажем эффективное...* Такая поправка говорящего свидетельствует об осознании им факта, что адресат может не только задаться вопросом, что означает «сильное государство», но и не принять ее ввиду аллюзий на имперские дискурсы прошлого.

Небезынтересен и выбор говорящим глагола «защитить» – *защитить гражданские, политические, экономические свободы* – при возможном выборе из целого ряда подходящих по смыслу глаголов: свободы можно *обеспечивать, гарантировать, уважать*, свободы и сами по себе могут *быть, существовать*. Выбор в данном случае лексики *защитить* имплицитно означает, что некто посягает на эти свободы, раз

они нуждаются в защите. Причем, если на экономическую свободу гражданина могут посягать, например, владеющие капиталом лица, то ограничивать гражданскую и политическую свободу человека может в первую очередь не кто иной, как само государство. Тем не менее, в силу использования этого слова – *защитить* – создается впечатление, что государство ограждает гражданина от посягательств извне, что дополнительно имплицитно подразумевает смысл о необходимости сильной армии, способной противостоять некоему врагу.

Третий небезынтересный момент, отмеченный нами в последнем процитированном отрывке из послания, – это написание слова «родина» с заглавной буквы, что было характерно для орфографии советской эпохи. В работе И. Волковой, посвященной анализу речевого поведения президента в спонтанных устных выступлениях, отмечается следующий используемый президентом прием воздействия на аудиторию: вовлечение в речь идентифицируемых с советским прошлым образов. Как пишет автор работы, данные отсылки направлены «на восстановление связей с идейным наследием, прерванных в ельцинское правление» (Волкова 2000).

Итак, выше мы говорили о четырех признаках сильной страны. Пятым, последним из обнаруженных нами признаков, приписываемых сильной стране субъектом дискурса, является **территориальная целостность государства**:

По-настоящему сильное государство – это еще и прочная федерация (2001).
// Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой (2003).

Необходимость неперемного сохранения очертания государственных границ доказывается при помощи апелляции к истории:

Именно таков тысячелетний исторический путь России. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны (2003).

Необходимость апелляции к истории не подтверждается доводами, а утверждается директивой, адресованной широкой референтной группе, обозначенной местоимением *мы*:

И мы не имеем права забывать об этом (2003).

Местоимение *мы* является одним из элементов т. н. «консолидирующих риторических жанров» (Хазагеров 2002) или «консенсуального типа дискурса» (Цырендоржиева 2001): «априорная установка «на согласие» предотвращает ответную конфронтацию, игнорируя вероятные возражения декларируемым единодушием аудитории» (Богданов 2006: 82).

Обобщая сказанное, можно отметить, что мы имеем дело не столько с аргументацией, направленной на изменение точки зрения аудитории, сколько с внушением идеи силы, ориентированной на слушателей, в которых говорящий видит не оппонентов, а солидарных в ценностном и идейном отношении реципиентов.

Сказывается отмеченная Г. Хазагеровым тактика ориентации на солидарную аудиторию – имеет место консолидирующая риторическая практика, в целом характерная для российских речевых практик, в отличие от конфронтационных практик, характерных для западных социумов, где слушающий рассматривается как оппонент, который может быть переориентирован в процессе восприятия речи говорящего¹.

Исследование текстовых реализаций оппозиции **сила** ~ **слабость** позволило выявить также следующую закономерность: о силе говорится, когда речь идет о далеком прошлом и будущем страны, и то далекое прошлое и будущее – противопоставляются недавнему прошлому, которому присуща слабость.

¹ «Обращение к единомышленникам, к своим – главная черта торжественного красноречия. Как сказал о торжественном красноречии современник его расцвета, “Не к неведущим бо пишем, но презлиха насыттьшемся сладости книжныа, не к страннным, но к наследником небеснаго царьства”. Это означает, что слово адресовано не просто единомышленникам, но тем, кто опирается на тот же культурный фундамент, тем, кто поймет все аллюзии, все намеки и отсылки, т.е. к посвященным, к своим» (Хазагеров 2002).

II.1.1.1.2. Россия ~ Запад

Оппозиция **Россия ~ Запад**², как и оппозиция сила ~ слабость, также участвует в порождении текстов всех семи посланий президента В. В. Путина. Отличительные черты этой оппозиции в дискурсе президента заключаются в ее двоякой реализации: 1) **мы ~ они**, 2) **Россия ~ лидеры мировой экономики**, а также в способах развертывания смысловой оппозиции на вербальном уровне.

В варианте **мы ~ они** «мы» соотносится с Россией, а референт, обозначаемый вторым членом данной оппозиции – «они», остается неопределенным. Субъект дискурса намекает на противодействие некоторых враждебно настроенных сил, не называя их:

...Те, кому выгодны беспорядок и произвол, кто использует отсутствие эффективного государства в собственных целях. И некоторые хотели бы сохранить такое положение на будущее (2000). // Знаю, что кое-кто очень бы хотел, чтобы Россия погрязла в этих проблемах (2006).

Во-первых, намеки на существование враждебного лагеря, отметим – находящегося не за пределами России, а, по-видимому, внутри – возбуждают ассоциации с советским дискурсом периода «обострения классовой борьбы («Неугомонный не дремлет враг!»). Они должны настроить адресата на «бдительность», то есть на распознавание истинных целей политических оппонентов нынешней власти. Аналогия с дискурсами прошлого усиливается и в силу того, что подобные предупреждения звучат на фоне перечисленных в посланиях положительных результатов работы госаппарата за истекший год (вспомним, что тезис об обострении классовой борьбы имел продолжение: «по мере построения социализма» (Сталин)).

Отметим и еще одну особенность дискурса президента: использование обтекаемых формулировок и десемантизация субъекта действия. Примеры:

Возрастающий разрыв между передовыми государствами и Россией толкает нас в страны третьего мира (2000). // Об этом говорят масштабные

² Возможно, данная оппозиция является вариантом глубинной оппозиции с в о е ~ чужо е.

техногенные катастрофы, продолжавшие преследовать нас весь прошедший год (2001).

Тут персонифицируются *разрыв* и *катастрофы*, поскольку им приписаны характерные для живых существ действия – *толкать*, *говорить* и *преследовать*. В иных случаях во избежание именовании субъекта действия говорящий использует пассивные конструкции, как, например, при описании положения в Чечне:

...Республика была доведена до того крайнего состояния, в котором она находится сейчас... (2001).

Приведенная фраза интересна тем, что пассивная конструкция призвана, с одной стороны, создать образ *они*, а с другой – она маскирует подлинного субъекта доведения Чечни до катастрофического состояния: этим субъектом вполне возможно, является, власть.

В варианте **Россия ~ лидеры мировой экономики** второй, негативный, член ценностных полюсов соотносится с международным сообществом, странами с высокоразвитой экономикой, США, НАТО.

Сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация, если наше благополучие вновь и вновь будет зависеть от <...> благосклонности лидеров мировой экономики? (2000) // Надо прямо сказать: они оттесняют там, где могут, Россию с перспективных мировых рынков (2003).

В послании от 2006 г. прозвучали знаменитые слова президента в адрес США:

Как говорится, «товарищ волк знает, кого кушать». Кушает – и никого не слушает. И слушать, судя по всему, не собирается (2006).

Эта фраза знаменует открытую конфронтацию с США, несмотря на личные вполне доброжелательные отношения президентов двух стран, и возрождает традиционную для советского дискурса конфронтативную антиамериканскую риторику. Говорящий демонстрирует отсутствие боязни испортить отношения с могущественным партнером.

Интересной закономерностью представляется следующее наблюдение: президент в посланиях неоднократно выражает мысль о необходимости сотрудничества с другими странами, декларирует окончание эпохи противостояния, но тут же, со слова «однако» или «но»,

делает оговорку о том, что противодействие других стран и России все же существует:

Холодная война осталась в прошлом, но и по сей день приходится преодолевать ее тяжелые последствия. Это – и попытки ущемления суверенных прав государств под видом «гуманитарных» операций... (2000). // Да, период конфронтации закончился. <...> Однако хочу обратить внимание и на другое: нормой в международном сообществе, современном мире является и жесткая конкуренция... И в борьбе, этой борьбе, России надо быть сильной... (2002). // ...В современном мире с нами никто не собирается враждовать... Но нас никто и особенно не ждет. ...Нужно бороться самим (2002).

Таким образом, мы видим, что на основе оппозиции **мы ~ они** создается представление о России как стране, находящейся в определенной опасности – внешней и внутренней. Это ощущение близко и кругу граждан, воспитанных на советских дискурсах, и структурам, чье существование оправдано фактом наличия опасности (армия, спецслужбы и т. п.). И вновь «слово адресовано не просто единомышленникам, но тем, кто опирается на тот же культурный фундамент, тем, кто поймет все аллюзии, все намеки и отсылки, т. е. к посвященным, к своим» (Хазагеров 2002).

II.1.1.1.3. Справедливость ~ несправедливость

В дискурсе президента России активизируется традиционная для русского сознания оппозиция **справедливость – несправедливость**. О таких характерных ценностных полюсах общественного сознания, как справедливость и равенство – с одной стороны, и свобода – с другой, писал А. Н. Баранов. Популярность лексем, называющих положительный член этой оппозиции (*справедливость* и *равенство*) «находит отражение в типичных схемах аргументации, используемой политиками» (Баранов 1990б: 169), а апелляция к расположенной на противоположном полюсе ценности не является столь эффективной для целей убеждения. По Баранову, система убеждения в политическом дискурсе вообще может строиться лишь на одном из ценностных полюсов общественного сознания.

Как уже не раз отмечалось, неопределенность означаемого слова *справедливость* позволяет широко пользоваться им в политических целях, завоевывая симпатии масс. При этом под справедливостью носитель русского сознания чаще всего понимает равенство распределения благ. Путин стремится конкретизировать составляющие этого понятия, апеллируя к европейским представлениям о ценностях демократического общества – это *равенство возможностей*³ и *правовые гарантии*⁴. Понятие «справедливость» конкретизируется также существованием некоего контролирующего субъекта: *преступивший закон должен знать, что наказание неотвратимо // профессиональный контроль за справедливостью трудовых контрактов*. Последняя характеристика коррелирует скорее с отмечаемой учеными (например, Левонтина, Шмелев 2000) такой составляющей «русской» справедливости, как наличие распределяющей и контролирующей распределение инстанции. Некоторая эклектичность понятия *справедливость* в дискурсе российского президента проявляется в весьма широком круге слов, сочетающихся в президентских текстах со словом *справедливость*: это, например, *доступ к образованию, борьба с преступностью, законы, отношение государства к предпринимателям*, где это слово только в редких случаях может быть объяснено с помощью синонима: *справедливый доступ к образованию* – равный доступ; *справедливые законы* – вероятно, соответствующие внутреннему чувству соблюдения баланса между преступлением и наказанием; *справедливое отношение к предпринимателям* – непонятно, каким должно быть отношение к ним, т. е. какое подходящее по смыслу слово можно было

³ Напр.: «Мы должны четко разграничивать сферы бесплатного образования, сделав доступ к нему справедливым и гарантированным...» (2001). «Говоря о справедливости, имею в виду, конечно же, не печально известную формулу «все отнять и поделить», а открытие широких и равных возможностей развития для всех» (2005). «Таким образом, соблюдение принципов справедливости прямо связано с равенством возможностей. И это, в свою очередь, должно быть обеспечено никем иным, как государством» (2005).

⁴ Напр.: «Во-первых, только в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты» (2005).

бы подобрать взамен «справедливое». Возможно, речь идет о дифференцированной в соответствии с условиями поддержке бизнеса. И уж совсем трудно описать содержание означаемого *справедливости* в сочетании *справедливая борьба с преступностью*.

Таким образом, несмотря на размытость содержания понятия «справедливость» в президентском дискурсе, говорящий, с одной стороны, подает знак тем, кто определяющей общественной ценностью считает социальную справедливость (см. Баранов 1990б): «я свой», а с другой – пытается наполнить это понятие несколько непривычным для него в русском понимании содержанием, подавая знак и так называемым «западникам», ориентированным на европейское понимание равенства как равенства возможностей, а не доходов.

II.1.1.1.4. Демократия ~ антидемократия

Если главная политическая партия страны «Единая Россия» практически отказывается в кампании 2003 года от использования понятия «демократия» (как и другие победившие партии), то российский президент в этот период продолжает оперировать им. В текстах его посланий утверждается, что данная ценность *не противоречит нашей самобытности и патриотизму, приверженность демократическим ценностям продиктована волей нашего народа*, однако следует *найти собственную дорогу к строительству демократии*, демократия провозглашается *целью государственного строительства*.

Как мы отмечали выше, для русского общественного сознания принято противопоставлять ценность справедливости и ценность свободы: политические силы, выступающие под лозунгом справедливости и равенства, не пользуются понятием свободы, и, напротив, ценность свободы личности в либеральных дискурсах не соединяется с ценностью справедливости. В дискурсе российского президента, однако, наблюдается совмещение ценностных ориентиров (*справедливости и демократии*), что может объясняться, на наш взгляд,

все же не эклектичностью мышления субъекта дискурса, а аудиторией, для которой были созданы тексты посланий: это как население страны (с ориентиром на полюс равенства и справедливости), так и мировая общественность (для которой позитивными маркерами в политическом дискурсе являются *демократия и свобода*).

II.1.1.2. Концептуальные метафоры

Анализ базовых метафор президентского дискурса, с одной стороны, позволяет судить о концептуализации мира президентом российского государства, а с другой, безусловно, влияет при текстовой реализации на картину мира реципиентов. В следующих ниже разделах мы будем говорить о метафорах **Проблемы – это болезнь**, **Государство – это здание**, **Политика – это путь**. Характерно, что текстовые реализации концептуальной метафоры **болезни** также обнаруживаются – в текстах «раннего Путина», в начале его президентской карьеры, в отличие от метафор **здания** и **пути**, присущих текстам всех анализируемых посланий.

II.1.1.2.1. Проблемы – это болезнь

Исследование показало, что в первых посланиях, относящихся к 2000 г., присутствует текстовые реализации метафоры **болезни**:

Пытались справиться с болезнями с помощью косметических мер (2000) //
Теперь все уровни власти поражены этой болезнью (2000) // проблемы и
«болезни роста» страны (2000).

Проблемами в контекстах, цитаты из которых приводятся выше, являются *бремя государственного долга, экономическая модель, основанная на популистской политике // Органы местного самоуправления также стали перетягивать на себя полномочия, в основном полномочия субъектов Федерации...* То есть речь идет о проблемах современной политической жизни, и их осмысление в медицинских терминах обусловлено, вероятно, тем, что говорящий представлял и/или преподносил аудитории ситуацию, как неподвластную субъекту: метафора **проблемы – это болезнь** акцентирует внимание на

возникновении проблем (как болезни для человека) вопреки воле индивида. По-видимому, участие метафоры болезни в дискурсе президента в самом начале его деятельности не случайно. Как мы говорили выше, базовая оппозиция новое ~ прежнее, на которой строились первые послания президента, свидетельствует о смене политического курса страны, дистанцировании от плохого прежнего в пользу хорошего нового. Думается, метафорическое представление накопившихся общественно-политических проблем в образе болезни также позволяет говорящему отмежеваться от причин возникновения нежелательной ситуации, с одной стороны, а с другой – мотивировать использование радикальных средств для лечения «болезни», поразившей «государственные органы». В более поздних посланиях текстовые реализации базовой метафоры болезни встречаются, когда речь идет о событиях, имевших место в прошлом, например, в послании 2005 г. о развале СССР говорится в терминах эпидемии:

Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию (2005).

Словосочетание *эпидемия распада* позволяет говорящему не называть субъектов политической воли и представить процесс самостоятельным, смертельно опасным и распространяющимся мгновенно, а потому требующим принятия решительных мер.

II.1.1.2.2. Государство – это здание

Дальнейшие тексты посланий, с 2003 г. по 2007 г., являются развертыванием двух иных концептуальных метафор: *Государство – это здание* и *Политика – это путь*. Встречающиеся в анализированных текстах текстовые реализации базовой метафоры **Государство – это здание** таковы: *строительство* (2000, 2001, 2003, 2005, 2006), *разрушения «старого здания»* (2004), *ступень* (2003), и *мы с вами должны строить свой дом, свой собственный дом – крепким, надежным* (2006).

Осмысление страны в образе здания задает соответствующий набор участников ситуации и сценарий развития действий. Как при возведении здания, так и при строительстве государства-здания должны существовать проектировщики, архитекторы, строители, комиссии по сдаче объекта. Строительство должно вестись с соблюдением определенных правил, изменения в проекте должны пройти ряд согласований. Будущие обитатели здания в процессе строительства обычно испытывают ряд неудобств, связанных с перипетиями строительного процесса, потому естественным является ощущение негативных эмоций и обитателями государства-здания, которые все же имеют основания верить, что рано или поздно строительство будет закончено и тогда начнется нормальная жизнь.

II.1.1.2.3. Политика – это путь

В текстах посланий российского президента присутствуют также текстовые реализации базовой метафоры **Политика – это путь**. Примеры: *идем вперед* (2000), *первые шаги* (2000), *сделать следующий шаг* (2000), *конкретные шаги* (2002), *долгий путь* (2003), *никто и ничто не остановит Россию на пути* (2004), *встала на этот путь* (2005), *сроки и условия движения по этому пути* (2005), *движение вперед* (2007).

Сценарий развертывания ситуации в терминах пути предполагает наличие всех атрибутов пути: это качество дорожного покрытия и средства передвижения, соблюдения правил дорожного движения и поведения в транспорте, наличия маршрута и цели пути. Целью пути движения страны, согласно посланиям президента, является достижение ценностей *демократии* и *свободы* и построение (укрепление) *сильной страны*. В отличие от способов апелляции к ценности силы (президент, в частности, детально описывает, что он вкладывает в понятие «сильная страна»), ценности демократии и свободы в президентском дискурсе попросту декларируются, в чем же заключается сущность понятий, которым в различные времена и в разных культурах могут даваться

самые разные интерпретации, как уже говорилось, в анализируемых текстах не раскрывается. Из того обстоятельства, что в дискурсе посланий частотность упоминания и описание ценности силы гораздо выше, чем ценностей демократии и свободы, можно сделать вывод о степени важности данных понятий для говорящего.

* * *

Исследование когнитивных структур посланий Федеральному собранию В. Путина позволило нам прийти к следующим выводам относительно используемой в них техники аргументации:

- частый повтор идей сильной страны, конфронтации России и Запада, укрепления справедливого общества позволяет говорить об их внушении адресату;

- посредством использования местоимения «мы» происходит консолидация адресанта и адресата посланий;

- основывание на т. н. ключевых русских идеях (например, самобытность России; ценность справедливости) ориентировано на единомышленников;

- внимание к непопулярным идеям (например, понимание справедливости как равенство возможностей, а не доходов; ценность демократии) привлекает т. н. «западников»;

- концептуализация проблем как болезни (в начале первого срока В. Путина) позволяет отмежеваться от причин возникновения нежелательной ситуации, а также мотивировать использование радикальных способов лечения;

- концептуализация государства как здания и политики как пути позволяет показать закономерность таких явлений, которые согласуются со следствиями из данных метафор (например, созидание и временный дискомфорт, движение к цели и препятствия).

II.1.2. Логико-риторические структуры аргументации

В данной главе анализируются логико-риторические структуры аргументации в посланиях президента В. Путина, включающие универсальную аргументацию (раздел II.1.2.1), т. е. приемлемую в любой аудитории, т. к. в ней используется рациональное обоснование, аргументы к существованию дела, и контекстуальную аргументацию (раздел II.1.2.2), зависимую от фактора аудитории и включающую такие способы аргументации, как апелляция к традиции и авторитету, мнениям и вере.

II.1.2.1. Универсальная аргументация

В данном разделе анализируется обосновываемый при помощи универсальной аргументации тезис **«Страна развивается в верном направлении»**, успешность которого легитимизирует право говорящего на постановку задач и формулировку указаний.

Для начала покажем, каким образом нами был выделен данный тезис, в какой части текстов посланий и в какой форме он располагается, как рассматриваемый тезис связан со всем остальным текстом.

Исследование показало, что тезис «Страна развивается в верном направлении» содержится в текстах посланий в имплицитной форме, т. е. основная доказываемая мысль посланий в такой форме, как она сформулирована нами, не прозвучала ни разу. Основанием выделять в каждом послании обосновываемую в тексте главную мысль «Страна развивается в верном направлении» служит приводимое говорящим множество примеров, которыми в каждом послании иллюстрируются успехи страны за истекший год – и эти примеры позволяют обобщить все частные случаи: раз успешно развитие отдельных аспектов государственного строительства, должно быть, успешен и избранный вектор государственного строительства. Названные нами примеры успешного развития отдельных аспектов государственного строительства, т. е. аргументы в поддержку тезиса «Страна развивается в верном направлении», рассматриваются в разделе II.1.2.1.2. В разделе

П.1.2.1.1, следующем ниже, рассматриваются перифразы основной доказываемой идеи.

Как показал анализ, в начальной части каждого из посланий содержатся перифразы тезиса «Страна развивается в верном направлении», они обуславливают «сюжет» всего последующего текста – как это происходит, покажем на примере президентского послания 2001 г. В первых трех (не считая приветственных фраз) абзацах данного послания повторяются слова *государство, государственность* – так задается тема сообщения: государство. Теме «государство» приписываются такие ремы: период «расползания» позади; разработали, приняли пакет законов; провели реформу; результаты дала работа; создан и активно действует; благоприятная экономическая ситуация; темпы роста. Каждое предложение, содержащее приписываемые государству предикаты, позволяет осуществить импликацию: «Это хорошо» (период «расползания» позади – и это хорошо; разработали, приняли пакет законов – и это хорошо; провели реформу – и это хорошо; результаты дала работа – и это хорошо и т. д.). «Сюжет» дальнейшего текста послания задается набором рем: так, в 2001 г. говорящий показывает, какие именно законы приняты, какие именно результаты дала работа, каковы темпы роста и проч.

Темы и ремы всех посланий для краткости и наглядности представим в таблице:

Год	Тема	Рема
2000	развитие страны	высокий уровень согласия; старт; конструктивная работа; системная работа
2001	государство	период «расползания» позади; разработали, приняли пакет законов; провели реформу; результаты дала работа; создан и активно действует; благоприятная экономическая ситуация; темпы роста
2002	развитие России	достижения; рост; новые рабочие места; доходы; продвижение; долгосрочные личные планы; увереннее; конструктивно; эффективно
2003	а) положение в стране	разобранные «завалы»; положительные результаты

	б) Россия	развитие; демократия; права; свободы; конкурентоспособность; достойные, самые развитые государства; гордиться; уважать; великая история
2004	Россия, развитие России	стабильная, независимая
2005	развитие России	свобода, демократия, справедливость, законность
2006	приоритеты социально-экономической политики; развитие государственной и политической системы	реализуются национальные проекты; принят ряд законов; принято решение; целенаправленно
2007	ситуация в стране; Россия	меняться к лучшему; преодолеть спад; вошла в десятку; увеличились доходы; сократились масштабы бедности

Все темы, заявленные в начальных частях посланий, мы обобщили термином «страна»; все темы, приписываемые темам, мы сочли возможным объединить общей формулировкой «развитие в верном направлении». Именно таким образом мы пришли к формулировке обосновываемого во всех российских президентских посланиях 2000-2007 гг. тезиса «Страна развивается в верном направлении».

Тут же отметим, что в посланиях идет речь, конечно, не об одних успехах страны; после первой, позитивной, части (в частности, показывающей, что глава государства доверие оправдывает, ведь в его правление страна расцветает) обычно следует фрагмент о нерешенных проблемах и недостаточной степени успешности (таким образом, главе государства и всему обществу еще есть, над чем работать), лишь после этого следует ряд направленных на решение проблем директив в совокупности с примерами, иллюстрирующими различные достижения в государственном строительстве.

II.1.2.1.1. Тезис «Страна развивается в верном направлении»

Рассматриваемый нами тезис вводится президентом в тексты посланий в форме перифраз, например, такого рода:

Преемственность стратегического курса, продолжение преобразований, уже проверенных практикой последних четырех лет, является основой нашего дальнейшего стабильного развития (2004).

Очевидно, что молодая российская демократия добилась в своем становлении значительных успехов. И кто их сегодня упорно не замечает,

не хочет замечать, тот не вполне искренен. Но все же наше общественное устройство пока далеко от совершенства, и надо признать: мы в самом начале пути (2004).

Выделим оценочное высказывание, подлежащее катафорическому раскрытию: *молодая российская демократия добилась в своем становлении значительных успехов*. Поскольку оценочное выражение *значительные успехи* не обладает референциальной прозрачностью, построение текста требует развертывания такого суждения: примеров, индуктивное обобщение которых привело бы слушателя к согласию с высказанным суждением. Если такая катафорическая интерпретация оценочного суждения отсутствует, то мы вправе говорить об отсутствии аппарата аргументации в данном случае.

Истинность избранного пути развития общества и необходимость действовать согласно намеченному плану президент постулирует на протяжении всех посланий. Рассмотрим подробнее, каким образом говорящему удается провести мысль о том, что страна развивается в верном направлении – реализации этой цели служит подразделение основного тезиса на ряд подтезисов.

II.1.2.1.1.1. Подтезис «Проделанная работа – фундамент будущего»

Красной нитью сквозь большинство посланий В. Путина проходит мысль о том, что проделанная в недавнем прошлом работа и текущая ситуация позволяют надеяться на реализацию планов относительно государственного развития – и уже в ближайшем будущем. Примеры из раннего и более позднего послания:

Пока мы находимся в полосе лишь относительной экономической стабильности. И только от нас зависит, сможем ли удержать ситуацию и обеспечить благоприятные условия для собственного развития... // ...чтобы нынешняя политическая стабильность в конечном итоге обернулась экономическим процветанием... (2001).

Еще раз отмечу: сегодня, впервые за долгое время, мы можем прогнозировать нашу жизнь не на несколько месяцев – даже не на год, а на десятилетия вперед. И достижения последних лет дают нам основание приступить наконец к решению проблем, с которыми можно справиться... // И мы вполне способны за десять лет увеличить наш экономический

потенциал в два раза, как говорили еще в прошлом году; способны, если удержим среднегодовые темпы роста... (2004).

Отметим, что позитивное будущее предстает в модальности возможности: *способны, если, смогли бы, можно справиться, дают нам основания*. Условия осуществления возможности созданы в реальном настоящем, которое описывается в следующих терминах:

достижения, положительные результаты (общая характеристика положительных результатов развития страны, утверждаемых в реальной модальности существования),

экономическая стабильность, определенные экономические возможности, экономический потенциал, темпы роста, политическая стабильность, политически и экономически стабильная страна, страна независимая – и в финансовом отношении, и в международных делах (стабильность и самостоятельность в экономике и политике).

Как будет видно по результатам, изложенным в главе III.1.2.1.1. (о введении рассматриваемого тезиса литовским президентом в его ежегодные послания), описание текущей ситуации, должной продлиться в будущем, т. н. настоящего-будущего, в российском и литовском президентском дискурсах отличается: российский президент большое внимание уделяет экономической стороне развития страны, литовский президент – укреплению демократического строя. Следует, однако, отметить, что эта черта, детальные экономические экскурсы В. Путина и демократические – В. Адамкуса, характерна именно для тех мест в посланиях, в которых субъект говорит о необходимости продолжения достигнутого. (В иных фрагментах посланий оба президента демонстрируют приверженность демократическим ценностям и озабоченность вопросом развития экономики страны.)

III.1.2.1.1.2. Подтезис «Избранный курс не подлежит пересмотру»

Тезис «Страна развивается...» поддерживается также утверждениями о том, что курс развития страны был выбран верный.

Данные утверждения (как и все, рассматриваемые нами подтезисы) находятся с тезисом в отношениях импликации: если избранный курс истинен, значит, страна развивается в верном направлении.

Президент России наделяет курс развития государственного строительства следующими признаками: во-первых, он утверждает, что избранный курс развития государства является бесповоротным, во-вторых, неизменным условием успешного развития страны. Примеры:

Власть в России должна работать для того, чтобы сделать в принципе невозможным отказ от демократических свобод, а взятый экономический курс – бесповоротным (2001).

Наши цели неизменны: демократическое развитие России, становление цивилизованного рынка и правового государства. И самое главное — повышение уровня жизни нашего народа (2002).

Наши цели абсолютно ясны. Это – высокий уровень жизни в стране, жизни – безопасной, свободной и комфортной. Это – зрелая демократия и развитое гражданское общество. Это – укрепление позиций России в мире, а главное, повторю, – значимый рост благосостояния граждан (2004).

Еще раз подчеркну: радикальный пересмотр экономической политики, какое бы то ни было ограничение прав и свобод граждан, кардинальное изменение внешнеполитических ориентиров – любые отклонения от выбранного и, я бы больше сказал, выстраданного Россией исторического пути могут привести к необратимым последствиям. И они должны быть абсолютно исключены (2004).

Путь стремления России к поставленным целям президентом на этапы не разбивается (в отличие от стремления в развитии страны к обозначенной цели в литовском президентском дискурсе, как показано в главе III.1.2.1.1.), поскольку, как представляется, трудно разбить на какие-то вехи процесс достижения большей экономической и политической стабильности.

III.1.2.1.1.3. Подтезис «Преемственность курса – основа стабильности»

В. Путин одним из условий успешности развития России называет в посланиях преемственность политического курса страны на дальнейшее сотрудничество с другими странами. Примеры:

Мы заинтересованы в дальнейшей интеграции российской экономики в мировое хозяйство... // Мы будем дальше развивать политический и экономический диалог с США и такими крупнейшими партнерами, как Китай, Индия, Япония... // Преемственность стратегического курса,

продолжение преобразований, уже проверенных практикой последних четырех лет, является основой нашего дальнейшего стабильного развития (2004).

Как следует из разобранных выше подтезисов, их лексическое оформление позволяет увидеть так называемый «ритуал непрерывности» (Ж. Куртин), когда одна идея репрезентируется по временной оси *прошлое – настоящее – будущее*: создается впечатление длящегося явления, при этом подлинная сложность бытия упрощается. В анализируемых примерах: прошедшее время акциональных в своем большинстве глаголов свершенного вида первого подтезиса (*удалось, перешагнули, разобрали завалы*) соединяется с качественно-характеризующими предикатами настоящего времени (*наши цели неизменны / абсолютно ясны*) во втором подтезисе и будущим временем акционального глагола в третьем подтезисе (*будем развивать*). Единство прошлого, настоящего и будущего, непрерывность объединяющей их стратегической линии выражается и лексическими средствами: *преемственность, дальнейшая интеграция, продолжение преобразований*. Позволим себе отметить, что ритуал непрерывности Ж. Куртин считал явлением «коммунистического» дискурса.

Отношение настоящего к будущему реализуется и в интерпретации ситуации через лексемы *шанс и возможность*:

...Сможем ли удержать ситуацию и обеспечить благоприятные условия для собственного развития, для роста благосостояния народа или упустим этот уникальный шанс. А такой шанс есть (2001).

И все наши решения, все наши действия - подчинить тому, чтобы уже в обозримом будущем Россия прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира. ...Ступень, на которую мы раньше не могли подняться из-за целого ряда, из-за множества других, неотложных проблем. Такая возможность у нас есть. И мы обязаны ею воспользоваться (2003).

Отметим, что заслуга действующей власти заключается в достижении «некоторых положительных результатов», однако эти результаты не обеспечивают уверенного движения по дороге к намеченным целям, они лишь создают шанс, который видимо, не будет упущен, если сохранится действующая власть.

Еще раз отмечу: сегодня, впервые за долгое время, мы можем прогнозировать нашу жизнь не на несколько месяцев – даже не на год, а на десятилетия вперед. И достижения последних лет дают нам основание приступить наконец к решению проблем, с которыми можно справиться, но можно справиться – только имея определенные экономические возможности, политическую стабильность и активное гражданское общество (2004).

Нужно заметить, что в послании 2003 г. говорится о достигнутых «за трехлетний период» успехах – на тот момент В. Путин в должности президента находился именно три года, а в послании 2004 г. говорится уже о преемственности положительной практики «четырёх лет»:

Преемственность стратегического курса, продолжение преобразований, уже проверенных практикой последних четырех лет, является основой нашего дальнейшего стабильного развития (2004).

Таким образом, через соответствующее оформление составляющих главный тезис «Страна развивается в верном направлении» подтезисов осуществляется внедрение идеи об успешной деятельности президента России В. Путина. Президент нанизывает фразы с позитивной оценкой проделанной деятельности – можно говорить, что уже в части формулировки подтезисов он осуществляет аргументацию в пользу принятия той же точки зрения аудиторией. Особенность такой аргументации заключается в том, что президент использует местоимение **мы**, объединяя себя другими структурами власти и тем самым побуждая их разделить и гордость за содеянное, и ответственность за неделанное. Возможно, такой род аргументации – повтор подтезисов, содержащих позитивную оценку – является актом не убеждения, а внушения, т. к. через повтор осуществляется воздействие на подсознание адресата.

II.1.2.1.2. Аргументы

Для обоснования данного тезиса в посланиях президента приводятся следующие аргументы:

- 1) власть принимает конструктивные решения,
- 2) результат работы власти положителен во многих аспектах,
- 3) цифры свидетельствуют о подъеме и росте.

Данные аргументы и тезис можно соотнести как элементы условно-категорического умозаключения утверждающего модуса (*modus ponens*): **Если А, то В. А. Следовательно, В.** Реконструированные нами силлогизмы таковы:

1) Если власть принимает конструктивные решения, то страна развивается в верном направлении. Власть принимает конструктивные решения. Следовательно, страна развивается в верном направлении.

2) Если результат работы власти положителен во многих аспектах, то страна развивается в верном направлении. Результат работы власти положителен во многих аспектах. Следовательно, страна развивается в верном направлении.

3) Если цифры свидетельствуют о подъеме и росте, то страна развивается в верном направлении. Цифры свидетельствуют о подъеме и росте. Следовательно, страна развивается в верном направлении.

Реконструированные силлогизмы формально соответствуют правилам корректного вывода из условно-категорического умозаключения *modus ponens*: если есть основание, есть и следствие из него. Однако сомнение во всех трех случаях может вызывать истинность большой посылки – условного суждения. Именно поэтому ниже речь идет не о доказательстве тезиса, а об убеждении аудитории в истинности выдвигаемого тезиса.

II.1.2.1.2.1. Аргумент «Власть принимает конструктивные решения»

Исследование показало, что определенный перечень фактов в президентских посланиях позволяет обобщить их как идею о том, что власть принимает конструктивные решения: В. Путин выражает признательность коллегам за то, что *мы сообща начали готовить и проводить в жизнь важные для страны решения // сделаны первые шаги по реформированию (2000); Подписание Договора... это только первый значимый шаг, мы готовы идти в этом направлении дальше (2001).*

Обозначая насущные для страны проблемы, подчеркивает, что *Правительство в самое ближайшее время закончит рассмотрение этих проблем... в течение трех, максимум четырех недель внесет соответствующие законопроекты в парламент* (2001). Конструктивные меры, по президенту, уже начинают претворяться в жизнь: *уже приняты меры по упрощению и снижению уровня импортных тарифов... // Мы уже вплотную подошли к реформированию электроэнергетики...* (2001). При помощи повторения таких слов, как «дальнейшее», «продолжать», президент демонстрирует непрерывность актов принятия конструктивных решений, однако для дальнейших посланий, с 2002 г., данный аргумент перестает быть актуальным.

Данный аргумент использовался в начале президентской карьеры В. Путина, в 2000-2001 гг. (в более поздних посланиях истинность избранной модели развития страны доказывается аргументами, содержание которых составляет информация о положительных результатах работы и цифрами, свидетельствующими об экономических успехах).

Президент Литвы В. Адамкус, в отличие от В. Путина, использовал данный аргумент практически во всех посланиях, как будет показано в соответствующем разделе. Позиция российского президента, как представляется, может объясняться имиджем современной российской власти – президента и первой партии страны, пропрезидентской «Единой России», – действовать делом, а не словом, поскольку примеры положительного результата деятельности российской власти, как будет показано в нижеследующем разделе, в посланиях В. Путина весьма многочисленны.

II.1.2.1.2.2. Аргумент «Результат работы власти положителен»

Аргумент в сформулированной нами форме сам носит характер тезиса, требующего подтверждения – и российский президент конкретизирует понятие положительного результата работы власти:

приводит многочисленные примеры успешности развития страны в заданном направлении, затрагивающие различные аспекты жизни – это 1) рост экономики, благосостояния народа (младшего и старшего поколения, в частности), 2) улучшение системы здравоохранения и системы образования (благодаря частному бизнесу, в частности), усовершенствование законов, реформирование земельного кодекса, судебной, налоговой систем и армии, 3) укрепление государственной власти, а также упрочение роли России в мире. Рассмотрим детальнее, каковы качественные и количественные характеристики каждого из данных примеров, обосновывающих положение «Результат работы власти положителен» (будучи доказанным, данное положение само, в свою очередь, служит аргументом – в поддержку тезиса, что страна успешно развивается в верном направлении).

Во-первых, наиболее многочисленны примеры, иллюстрирующие рост экономики и благосостояния граждан; они приводятся во время и первой, и второй каденции В. Путина.

Относительно иллюстраций роста экономики в стране, мы отметили следующие моменты. Ситуация описывается при помощи слов с позитивной коннотацией: *рост, темпы роста, подъем, продвижение, укрепление, стабильность, улучшается, увеличивают*. Примеры:

В 2000 году российская экономика предьявила темпы роста, которых не было почти 30 лет. ...Зафиксирован подъем инвестиционной активности. Выросли налоговые поступления (2001).

...Ситуация кардинально меняется, и следует сохранить достигнутую финансовую стабильность ...условие готовности предпринимателей вкладывать деньги в развитие бизнеса (2006).

(Рассуждения о темпах роста экономики сопровождаются также цифрами – эти примеры мы рассматриваем в последующем разделе.) При нанизывании положительных смыслов, когда речь идет о развитии экономики, создается ощущение постоянного улучшения экономической ситуации, однако в послании 2004 г. говорится:

Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала. За четыре последних года мы смогли компенсировать около 40 процентов падения (2004).

Казалось бы, речь по-прежнему идет о росте экономики, но, как следует из приведенной цитаты, приводимыми до момента произнесения этого послания иллюстрациями подразумевалось, что страна, на самом деле, лишь возвращалась на прежний уровень развития. Вероятно, поэтому примеры того, как улучшается благосостояние народа, преподносятся в посланиях более скромно: утверждается, что заработные платы и пенсии стали выплачиваться своевременно (послание 2001 г.), доходы граждан постоянно растут (послания 2002-2006 гг.) – при этом говорящий вводит уточнения: *успехи нельзя считать достаточными; скромная задача, несколько вырос уровень жизни*. Примеры:

Год назад мы ставили скромную, но чрезвычайно важную задачу — добиться, чтобы средняя пенсия в стране превзошла наконец прожиточный минимум пенсионера. Сегодня можно сказать: эта задача решена (2002).

Четыре последних года наша экономика развивалась в целом неплохими темпами. Несколько вырос уровень жизни людей. За этот период реальные доходы населения увеличились в полтора раза, подчеркну — реальные доходы (2004).

Отдельное внимание в посланиях уделено вопросу благосостояния наименее защищенных слоев населения. Пример из раннего послания российского президента:

Да, за прошлый год нам удалось немного улучшить жизнь пожилым людям. Пенсии стали регулярно выплачиваться, они выросли в реальном выражении примерно на 28 процентов, и это был самый серьезный рост за последние несколько лет. В этом году должны сделать еще один шаг вперед — добиться того, чтобы средняя пенсия превзошла прожиточный минимум (2001).

Как видим, и тут говорящий внушительность приводимого факта (28% роста) «смягчает» – посредством слова *немного*.

Объем подобных социально-ориентированных примеров-аргументов для обоснования идеи результативности работы власти особенно возрастает к концу президентской деятельности В. Путина.

Примеры:

Уже начато строительство жилья для молодых специалистов на селе... (2006).

Вы знаете, в течение последних лет неоднократно, причем раньше запланированных сроков, производилось повышение пенсий. И в следующем году пенсии будут повышены в общей сложности еще почти на 20 процентов. Значительные ресурсы направляются государством на

обеспечение социальных льгот и гарантий для пенсионеров и ветеранов. Необходимо продолжить программу обеспечения этих категорий граждан социальным жильем, включая использование дополнительных ресурсов в рамках проекта «Доступное жилье». Прошу и впредь рассматривать эту работу как один из ключевых приоритетов (2006).

Роль примеров-аргументов о социальной защите населения для говорящего становится все более важной, о менее защищенных слоях населения в послании 2006 г. говорится чаще и пространнее, речь идет не только об уровне доходов, но и о развитии национальных социальных проектов по проблемам здоровья, демографии, поддержки молодых семей, ветеранов.

Во-вторых, для иллюстрации успешности деятельности государственной власти в посланиях приводятся многочисленные примеры-аргументы успешного реформирования – законодательной базы в целом, а конкретно – судебной, налоговой, земельной систем и армии.

Примеры успешных реформ законов приводятся на протяжении всей президентской деятельности В. Путина. Примеры:

Отмечу принятие Земельного и Трудового кодексов, пакетов по пенсионной и судебной реформам, де бюрократизации экономики, совершенствованию налоговой системы. В Гражданском кодексе появились важные для людей разделы... (2002).

Приняв третью часть Гражданского кодекса России завершили важнейший этап работы по кодификации законодательства. Принят и новый Трудовой кодекс. Обновленное законодательство ... начали формировать цивилизованный рынок труда (2003).

...был принят ряд законов, совершенствующих и нашу политическую систему. В частности, законы об... (2006).

Анализ конкретных примеров, как, например, реформируется судебная система, показывает, что об этом говорится в таких терминах, как «существенный шаг» и «серьезно продвинуться»:

Мы сделали существенный шаг в модернизации судебно-правовой системы. Большинство необходимых указов, актов, законов уже принято. Средства на их реализацию выделены. Теперь нужно четко исполнить принятые решения (2002).

Серьезно продвинулись в создании реально независимого суда. Приняли новые Уголовно-процессуальный, Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы, обеспечив дополнительные гарантии прав человека (2003).

Приведенные цитаты свидетельствуют об успешном начале, в дальнейшем, думается, можно было бы говорить о продолжении начатой деятельности в заданном направлении (сделать следующий шаг, не только продвинуться, но и прийти к чему-то), однако в следующих после 2003 г. посланиях развития данного аргумента (об успешном реформировании судебной системы) не наблюдается.

То же можно констатировать и в отношении примеров, иллюстрирующих успешное реформирование земельного кодекса: *удалось сдвинуть с «мертвой точки» реформу земельных отношений (2003 г.), а также налоговой системы: в 2002 г. в нашем налоговом законодательстве отмечаются примеры проработанности, продуманности норм,* в 2003 г. сказано, что *мы существенно продвинулись по пути налоговой реформы,* в 2004 г.:

Проведение бюджетной реформы, в свою очередь, позволит продолжить преобразования в налоговой сфере. За последние четыре года здесь сделаны серьезные шаги. Они уже начали приносить результаты: выросла собираемость налогов, снизились масштабы уклонения от их уплаты, уменьшилось налоговое бремя на экономику (2004).

На комментарии от 2004 г., что *сделано, конечно же, далеко не все,* примеры успешного реформирования земельного и налогового законодательства в посланиях президента заканчиваются.

В отношении примеров успешности модернизации армии отмечается следующее: если в ранних посланиях реформам вооруженных сил почти не уделяется внимания, то в 2006 г. объем этого аргумента существенно возрастает, президент не только констатирует, что *ситуация в армии качественно меняется,* но и подробно говорит о *переоснащении армейских подразделений, образцах военной техники, кораблестроении, марках ракетных комплексов, полевых учениях, увеличении ассигнования на оборону* и прочем. На наш взгляд, данное наблюдение на фоне всего проведенного анализа посланий свидетельствует о проявлении в процессе аргументирования базовой оппозиции сила ~ слабость. Выше нами было показано, что к 2006 г. также возрастает степень важности т.н. социальных аргументов, что на когнитивном уровне коррелирует с

базовой оппозицией справедливость ~ несправедливость. Таким образом, если в позициях тезиса президент продвигает идею о том, что страна развивается в направлении демократизации, то в процессе аргументирования доказываемая успешность построения сильного и справедливого государства.

Третий, заключительный, вид аргументов в поддержку идеи положительных результатов работы власти – это констатация фактов, что внутри страны укреплена государственная власть, а во внешней политике – укреплена роль России в мире.

Об укреплении государственной власти говорится в послании от 2003 года:

Укрепили государственную власть. Приблизили федеральную власть к регионам... Приступили к строительству дееспособной, финансово обеспеченной власти на местах. // В стране созданы условия для развития полноценного гражданского общества, в том числе для становления в России по-настоящему сильных политических партий (2003).

Заявляется, что в этой области многое *еще предстоит сделать*, однако в дальнейших посланиях данный аргумент не используется.

Об упроченном положении России в мире говорится больше и конкретнее – это приглашение России *стать полноправным членом клуба восьми наиболее развитых государств мира* // Ряд российских компаний вошел в число крупнейших европейских и мировых в 2003 г.; подъем экономики, политическая стабильность и укрепление государства благотворно сказались на международных позициях России в 2004 г., в 2006 г. – постоянный диалог с ЕС создает благоприятные условия для взаимовыгодных экономических связей и расширения научных, гуманитарных и иных обменов.

Приводимые аргументы-примеры в целом призваны убедить получателей текстов в том, что власть работает с хорошим результатом, в явной форме эта мысль выражается в примере того, что российский «Газпром» стал одной из крупнейших корпораций мира – *и этот результат возник не сам по себе, а как следствие целенаправленных действий со стороны государства* (2006 г.)

II.1.2.1.2.3. Аргумент «Цифры свидетельствуют о подъеме и росте»

Тезис «Мы на верном пути» обосновывается также аргументом о положительных результатах работы, представленными в рядах цифр, призванных наглядно продемонстрировать, на сколько процентов или единиц уменьшилось плохое и увеличилось хорошее. Без интерпретации приводимых в посланиях данных отметим лишь то, что цифры – это не только эффективное средство коротко и ясно сообщить о результатах, но и опасный инструмент, позволяющий при желании манипулировать мнением получателя информации, поскольку цифры бессодержательны вне сравнения, а адресат, как правило, полной информацией не владеет.

Особенно велика концентрация цифр в послании 2003 г. (Отметим, что это послание считается предвыборным – т. к. послание следующего 2004 г. является первым для новоизбранного в 2004 г. президента; им, как теперь известно, стал прежний президент – В. Путин.) В одном из фрагментов в 18 строках приходится примерно по две цифры на каждую из них: *За три года валовой внутренний продукт страны вырос на 20 процентов. Инвестиции в основной капитал – более чем на 30%. Физический объем экспорта товаров увеличился на четверть...*

Приведение цифр создает представление объективности достижений, вместе с тем, цифры, с одной стороны, должны быть доступны эмпирической проверке, а с другой – взятые вне сравнения, они не могут дать представления о темпах экономики в сравнении с мировыми образцами. (В литовских президентских посланиях, как будет показано в соответствующей главе, цифр гораздо меньше.)

* * *

Итак, в процессе универсальной аргументации звучат перифразы основного доказываемого положения, тезиса «Страна развивается в верном направлении»; подтезисы; аргументы; примеры, подтверждающие истинность приводимых аргументов. В терминах теории речевых актов иллюкутивной силой речевых актов универсальной аргументации

является: описание и оценка (положительная) положения дел в стране, убеждение аудитории в улучшении положения в стране. Т. е. локуцией является ситуация в стране, перлокуцией – ожидание, что время президентства субъекта послания и сам он будут одобрены. При этом дескриптивные речевые акты (описание ситуации в стране) сопрягаются с оценочными речевыми актами (оценка ситуации в стране). Оценочные речевые акты в свою очередь становятся аргументами в поддержку тезиса – начинают выполнять функцию аргументативных речевых актов.

II.1.2.2. Контекстуальная аргументация

В данной главе рассматриваются способы использования российским президентом в его ежегодных посланиях контекстуальной аргументации, позволяющей продемонстрировать говорящему собственные нравственные ориентиры, показать, что его интересы соответствуют интересам получателей текстов. Контекстуальная аргументация демонстрирует когнитивный аспект коммуникации – совпадение, реальное или демонстрируемое, установок сознания адресанта и адресата. Думается, что, говоря о контекстуальной аргументации, мы вправе формулировать тезис, который, исходя из определения этого вида аргументации – убеждение не общепринятыми логическими методами: дедукции, индукции, или методами эмпирической проверки и т. д., – а через апелляцию к вере, авторитету, традиции, интуиции, внедряется в сознание реципиентов названными способами. Мы будем говорить о «внедрении» тезиса «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить». Проведенный анализ позволяет утверждать, что для текстов посланий президента В. Путина основными являются оба исследуемых нами тезиса: рассмотренный в предыдущем разделе - о верности избранного пути развития страны и анализируемый ниже – о компетентности президента и соответствии его интересов ожиданиям аудитории.

II.1.2.2.1. Тезис «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить»

Данный тезис присутствует в посланиях президента имплицитно – так же, как и тезис «Страна развивается в верном направлении». Но в отличие от тезиса «Страна...» – не столь частотны и разнообразны перифразы тезиса «Я понимаю...», зато весьма асты аргументы в его поддержку, поэтому мысль о том, что президент понимает беды народа и в состоянии их решить, не может не возникнуть при восприятии любого из его посланий.

Мы попытались установить закономерности в способах введения перифраз тезиса «Я понимаю...» в тексты посланий – таковых, однако, не обнаружилось. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется тем, что адресат, которому адресован тезис «Я понимаю...», вторичен; ежегодные послания президента в первую очередь обращены к коллегам в зале, а к электорату перед телевизионными экранами – во вторую очередь. Поэтому тезис «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить» – в отличие от тезиса «Страна развивается в верном направлении» – не является организующим тексты посланий элементом и не позволяет говорить о сложившемся каноне введения его в текст.

В основном перифразы тезиса «Я понимаю...» выражаются в озвучивании проблем в модальности долженствования их решения: на протяжении посланий регулярно звучат высказывания со словами *должны, надо, необходимо*, причем смысл подобных фраз заключается в том, что президент видит проблемы людей и утверждает необходимость их решения. Примеры:

Люди должны быть уверены, что каждый рубль, заработанный ими... (2001).

Никому не должно быть позволено устраивать селекцию прав и свобод человека... (2001).

Каждый гражданин нашей страны должен точно знать, что именно он имеет право бесплатно получить от... (2002).

Надо прекратить обманывать людей... (2004).

Необходимо продолжить программу обеспечения этих категорий граждан социальным жильем... (2006).

Говорящий озвучивает программу изменений социальной практики, которая осуществляется в интересах «каждого». В сущности, это директивы другим структурам власти, от которых президент, видимо, отграничивается; утверждая должное, он тем самым имплицитно его отсутствие, в котором, по-видимому, повинны другие ветви власти. Адресант «озвучивает» возможные претензии граждан, идентифицируя себя с «простым народом», терпящим от властей.

Отдельно хотелось бы отметить, что в основном речь в данных примерах идет о материальной стороне жизни. Возможно, это отображает реальное положение дел – озабоченность граждан витальными ценностями (или все представители власти обычно апеллируют к материальному?). Президент также демонстрирует, что знает о народных чаяниях именно от народа:

И на этом уровне мы обязаны навести порядок. Тот порядок, о дефиците которого говорят и пишут граждане страны (2002).

Личностный момент, благодаря форме глагола, проступает также во фразе:

Предлагаю программу стимулирования рождаемости... (2006).

Однако это единичные примеры проявления личного начала в перифразах тезиса «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить». Под личным началом мы тут понимаем личное ознакомление с тем, что *говорят и пишут граждане* (ср. как будет показано в соответствующем разделе, литовский президент неоднократно цитирует письма граждан) и название действия, которое призвано решить проблему, от первого лица (ед. ч.). Повторимся, в основном президент в перифразах анализируемого тезиса говорит о ненормальности текущей ситуации и ее норме в терминах долженствования.

Анализ обоснований данного тезиса показал, что все они составляют многочисленную группу аргументов *ad populum* (к публике, толпе). Использование такого рода аргументов призвано воздействовать на чувства, мнения аудитории (а зачастую апеллирует к стереотипам и предрассудкам) с целью – произвести впечатление на получателей

текстов и тем самым укрепить их в вере в правильность выдвигаемых говорящим положений и создать соответствующий эмоциональный настрой – атмосферу доверия к говорящему. В отдельном разделе мы рассматриваем способы использования аргументов *ad verecundiam* (к авторитету). Нужно отметить, что если обнаруженные нами в посланиях аргументы *ad populum* подкрепляют обоснованность выдвигаемого тезиса в той форме, в которой он сформулирован нами на основе анализа его перифраз в текстах посланий («Я понимаю ваши проблемы и могу их решить»), то аргументы к авторитету призваны, скорее, продемонстрировать нравственность говорящего, добиться большего расположения аудитории (обычно апеллируют к тем авторитетам, которые предположительно ценятся аудиторией).

С точки зрения теории речевых актов перлокутивный эффект внедрения в картину мира адресатов тезиса «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить» – это, в сущности, принятие аудиторией тезиса «*Знайте / Верьте, что я понимаю ваши проблемы и могу их решить*», т. е. дескриптивный речевой акт является своего рода скрытым директивным речевым актом. Цель таких элементов локуции речевых актов президентских посланий, как аргументы *ad populum* и *ad verecundiam*, заключается в реализации контактоустанавливающей функции речи: создания атмосферы доверия к говорящему. Таким образом, достигается иллокутивная цель речевых актов, внедряющих в сознание адресата мысль о том, что президент понимает проблемы народа и может их решить: описать свое понимание проблем народа и пути их решения, оценить предлагаемые субъектом пути решения как конструктивные, убедить адресата в том, что говорящий действительно понимает суть проблем и предлагает адекватные пути их решения. Таким образом, перлокутивным эффектом речевых актов доказательства истинности тезиса «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить» является положительная оценка личности субъекта президентских посланий.

II.1.2.2.2. Аргументы *ad populum*

Тезис «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить» поддерживается аргументами *ad populum*, которые тематически можно разделить на две группы – это, во-первых, демонстрация того, что целью деятельности В. Путина является забота о людях («мне близки ваши проблемы, я забочусь о вас и делаю все, чтобы решить их»), во-вторых, декларация приверженности общим национальным ценностям («я разделяю наши общие ценности, мне можно доверять, я в верном ключе буду решать ваши / наши проблемы»).

Я забочусь о людях. В принципе, любая современная власть декларирует ориентированность своей деятельности на заботу о человеке. Поэтому можно было бы предположить, что подобные аргументы будут являться апелляцией к здравому смыслу и, таким образом, относиться к аргументации универсальной, т. е. обращенной к любой аудитории. Однако проведенный анализ показывает, что декларация заботы о людях в президентских посланиях призвана воздействовать на частную аудиторию – с ее специфическими проблемами и ценностями, таким образом, аргументы «забота о людях» относятся к аргументации контекстуальной: на какие чувствительные места аудитории воздействует говорящий – показано ниже.

Во всех посланиях президента говорится о том, что основная задача власти, и президента в том числе, – это улучшение жизни людей:

Но Россия – это прежде всего люди, которые считают ее своим домом. Их благополучие и достойная жизнь – главная задача власти (2000).

А у России есть колоссальные возможности для развития, есть огромный потенциал, который надо эффективно реализовать для улучшения жизни людей (2006).

Президент перечисляет, в каких именно аспектах ведется работа по улучшению положения людей – это быт, образование и здравоохранение:

Хотел бы подчеркнуть: экономический рост прежде всего нужен нам для повышения благосостояния граждан... Это – и качественное питание, и... Это – хорошее образование и современное здравоохранение. Это – защита

от несчастных случаев и природных катаклизмов. Это, наконец, более высокая продолжительность жизни (2003).

Мы приводим довольно объемные цитаты для того, чтобы показать, как аргументы риторически *ad populum* оформляются риторически. Так, в приведенном выше примере эмоциональное воздействие на слушателей усиливается благодаря анафорическому строению фраз. В следующем ниже при мере та же мысль преподносится в сильной позиции текста – заключительных фразах послания, построенных на основе парцелляции с использованием союза «чтобы» в качестве анафоры:

Мы должны сделать Россию процветающей и зажиточной страной. Чтобы жить в ней было комфортно и безопасно. Чтобы люди могли свободно трудиться, без ограничений и страха зарабатывать для себя и для своих детей. И чтобы они стремились ехать в Россию, а не из нее. Воспитывать здесь своих детей, строить здесь свой дом (2002).

Формулируя цели, президент отмечает, что, наконец, начато решение насущных для людей вопросов (читай: в правление В. Путина) (*люди наконец вовремя начали получать заработную плату и пенсии – впервые за столько лет. Однако ... уровень жизни граждан остается пока крайне низким*), признает неудовлетворительными на текущий момент условия жизни людей (*но еще очень многие наши граждане имеют тяжелые жилищные условия*).

Говорящий предстает нравственным человеком, сочувствующим, осознающим болевые точки жизни простых людей. Отметим, что жилищный вопрос – давняя болевая точка жизни в России (а ранее – в СССР), педалирование которой найдет отклик в сердцах большинства сограждан, так как стандарт хорошего жилья изменяется с повышением благосостояния общества, и несоответствие этому стандарту, видимо, будет существовать всегда⁵. Думается, можно говорить об «общих

⁵ «Решение жилищного вопроса в России на данный момент, как и прежде, остается одним из приоритетных направлений политики. Для большинства граждан нашей страны приобретение квартиры или даже комнаты остается практически несбыточной мечтой, которая неосуществима даже в отдаленном будущем» (Ю. Г. Котусова «Современное состояние “жилищного вопроса” в России и способы его решения». <http://www.advocate-realty.ru/press/unitpress/?id=387105>).

топосах» российской политической риторики, приобретших статус «универсальных», то есть срабатывающих практически перед любой аудиторией: качественном – характер жилья, количественном – низкий уровень зарплаты. Эти «точки согласия» создают не столько платформу единомыслия, сколько платформу одиночества, поэтому речь идет не об апелляции к здравому смыслу, а об аргументации контекстуальной, в данном случае – ориентированной на возбуждение симпатии к тому говорящему, кто пользуется названными топосами. (Видимо, в основе популизма также лежит эксплуатация названных топосов.)

Президент России также отмежевывается от других ветвей власти, критикует деятельность оппонентов, в том числе и предшествующей власти, не принесшую положительных для народа результатов:

Считаю, что действующие ограничения на операции с капиталом и недвижимостью дискриминируют граждан России по сравнению с гражданами других государств, ограничивают их свободу... (2001).

И исполнительная, и законодательная власть за многие годы наобещали людям столько, сколько российская экономика дать просто не в состоянии. Мало того, под популистскими лозунгами и обманывая граждан страны, невыполнимые обещания наращиваются. Некоторые политики, к сожалению, стремятся нарастить их и сегодня (2003).

Таким образом, президент демонстрирует, что он находится на стороне народа – обиженного другими представителями власти.

Структуру данного вида аргументации в текстах посланий президента России можно обозначить следующим образом:

- формулировка цели – все сделать для благосостояния;
- описание предполагаемой деятельности, направленной на достижение этой цели – качественное питание, комфортное жилье и т. д.;
- вербализация достижений (нужно отметить небольшой объем этой составляющей аргументации в поддержку анализируемого тезиса) – *люди наконец вовремя начали получать заработную плату и пенсии;*
- отмежевание от предшественников, других ветвей власти, политиков иного толка: – *и исполнительная, и законодательная власть за многие годы наобещали людям столько, сколько российская экономика дать просто не в состоянии.*

Еще одной составляющей структуры аргумента заботы о людях в поддержку тезиса «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить», является комплиментарная часть, например:

Они показали, что Россия – это страна, вовсе не обреченная на кризисы и прозябание. Что российский народ – талантливый, инициативный и предприимчивый. Что он умеет работать и достоин лучшей жизни. Что он способен ее добиться, конечно, если ему в этом не мешать. Хотя бы не мешать. Лучше, если мы будем помогать (2003).

Консолидация всех наших интеллектуальных, властных и нравственных ресурсов позволит России достичь самых больших целей. Великих целей, достойных великого народа. Пожелаем друг другу успехов. Спасибо вам большое за внимание (2003).

В приведенных примерах воздействие на сознание реципиента усиливается за счет таких языковых средств, как анафора и парцелляция.

В текстах посланий особое внимание говорящим уделяется проблемам наименее защищенных слоев населения: пенсионеров и молодых родителей. Таким образом президент демонстрирует гуманность действующей власти. Если в 2001 г. глава государства поставил проблему пенсионеров, то в 2003 г. было показано, какие меры приняты, а в 2006 г. показано, что улучшение для пенсионеров есть, к тому же вопрос о жилье для пенсионеров заявлен приоритетной задачей:

Значительные ресурсы направляются государством на обеспечение социальных льгот и гарантий для пенсионеров и ветеранов... Прошу и впредь рассматривать эту работу как один из ключевых приоритетов (2006).

Уделяя внимание проблемам молодых семей, говорящий вместе с тем критикует оппонентов-предшественников, чьи методы решения вопросов, связанных с деторождением, не только не действенны, но позволяют *обманывать людей*:

Надо прекратить обманывать людей, вынуждая их годами и десятилетиями стоять в очередях на получение жилой площади... (2004).

Предлагаю программу стимулирования рождаемости, а именно: меры поддержки молодых семей, поддержки женщин... (2006).

Чувства аудитории также не могут не быть затронуты повторяющейся в президентских посланиях идеей о защите граждан, а именно:

защите интересов людей при распределении благ (*гражданам России нужны не очередные посредники в распределении социальных благ, а профессиональный контроль за справедливостью трудовых контрактов и соблюдением их условий*),

защите бедных слоев населения (*дети министров могут обойтись без детского пособия, а жены банкиров – без пособия по безработице*),

защите от произвола тех, кто сильнее (*степень этого доверия напрямую определяется тем, как оно защищает своих граждан от произвола рэкетиров, бандитов и взяточников*),

защите от платной медицины (*по факту на основе сети бюджетных медучреждений у нас сформировалась скрытая, но почти узаконенная система платной медицинской помощи, в которой подчас царит произвол*),

защите соотечественников, находящихся за пределами России (*сотни тысяч людей, проживающих и работающих за пределами своей страны, должны быть уверены, что Россия не бросит их*),

защите интересов граждан в суде (*граждане, потерявшие надежду добиться справедливости в суде, ищут другие, далеко не правовые «ходы» и «выходы»... Это подрывает доверие к государству*).

Таким образом, демонстрируя широту личной осведомленности о проблемных ситуациях российской действительности и выражая неудовлетворенность действиями других ветвей власти, президент побуждает слушателей предполагать позитивные изменения в этих областях, что должно способствовать укреплению его личного авторитета.

Я привержен национальным ценностям. Президент постулирует наличие общенациональных ценностей:

При всем обилии взглядов, мнений, разнообразии партийных платформ у нас были и есть общие ценности. Ценности, которые сплачивают и позволяют называть нас единым народом (2000).

В 2004-2005 гг. в дискурсе посланий в аргументах *ad populum*, обращенных к национальным ценностям, начинает использоваться

понятие свобода, объем которого остается неопределенным: идет ли речь о свободе как реализации гражданских прав личности (*создание в России свободного общества свободных людей – это самая главная наша задача. Но и самая сложная. Главная – потому что несвободный, несамостоятельный человек не способен позаботиться ни о себе, ни о своей семье, ни о своей Родине.* 2004) или говорящий имеет в виду независимость от воли других государств (*именно наши ценности определяют и наше стремление к росту государственной самостоятельности России, укреплению ее суверенитета. Мы – свободная нация.* 2005). Интересно, что со временем В. Путин начинает акцентировать национальную, а не личностную свободу. Само же слово *свобода*, несомненно, обладает риторическим потенциалом: мы имеем в виду его особое воздействие не столько на сознательные, сколько на бессознательные структуры психики - вызываемые им ассоциации в силу известных контекстов употребления («это сладкое слово свобода») побуждают к романтическому единочувствию с тем, кто утверждает необходимость реализации названной ценности.

Особое внимание уделено героизму народа – как в годы Великой Отечественной Войны, так и во время войны в Чечне. О героизме говорится традиционными «парольными словами» (*дорогая цена, ценой своей жизни, низкий им поклон, исторический подвиг, огромные неисчислимы жертвы, мужество, заплатить высокую цену, склонить голову перед памятью погибших, выполнить долг до конца, посылать под пули*), возбуждающими в русскоязычном получателе текста соответствующие чувства – гордости, почтения к погибшим, например:

И лишь контртеррористическая операция смогла отвести угрозу распада России, профессиональные военные помогли сохранить достоинство и целостность государства. Низкий им поклон! Но какой ценой... (2000).

За восстановление территориальной целостности России всем нам пришлось заплатить высокую цену. И мы склоняем головы перед памятью погибших военнослужащих и мирных жителей Чеченской Республики. Всех, кто ценой жизни не позволил разорвать страну на части и выполнил свой долг до конца... (2003).

Наша страна находится в преддверии юбилея Великой Победы. Она досталась нам огромной ценой. Ценой огромных, неисчислимых жертв. Солдат Великой Отечественной по праву называют солдатами Свободы. Они принесли миру избавление от чужеземной идеологии и тирании. Отстояли суверенитет страны, защитили ее независимость. Мы всегда будем помнить об этом. Наш народ сражался против рабства, сражался за право жить на своей земле, за право говорить на родном языке, иметь свою государственность, культуру и традиции. Он сражался за справедливость и свободу. Он отстаивал свое право на самостоятельное развитие. Он дал тогда нашей Родине будущее. И от нынешних поколений, от нас с вами, зависит, каким оно будет. Спасибо за внимание (2005).

Мы приводим столь пространные фрагменты президентских посланий с тем, чтобы показать объем составляющей аргумента – последовательное проведение идеи героизма и воинской доблести говорит о значимости этой составляющей для аргумента «я привержен национальным ценностям», к числу которых президент относит территориальную целостность России, требующую защиты с оружием в руках.

Президент говорит об угрозах, существующих для России (*хотел бы еще раз подчеркнуть: мы стоим перед лицом серьезных проблем и угроз. И нужно быть умным и сильным, чтобы выжить в ожесточенной конкурентной борьбе в мире*), а также выражает уверенность в преодолении всех опасностей и возвращении России *в ряды богатых, развитых, сильных и уважаемых государств мира* – из этого суждения, в свою очередь, вытекает мысль о приверженности говорящего установкам былых времен. При апелляции к национальной гордости возбуждается оппозиция мы ~ они:

С таким положением мы не можем мириться. И дело не только в нашей национальной гордости, хотя и это важно. Вопрос стоит гораздо острее и гораздо драматичнее. Сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация, если наше благополучие вновь и вновь будет зависеть от выдачи международных кредитов и от благосклонности лидеров мировой экономики? (2000).

Таким образом, структуру аргумента «Я привержен национальным ценностям» можно представить следующим образом:

- апелляция к национальной гордости;
- постулирование общенациональных ценностей;
- их детализация;

- демонстрация необходимости их защиты;
- апелляция к героизму;
- напоминание об угрозах России;
- выражение уверенности в преодолении опасностей.

II.1.2.2.3. Аргументы *ad verecundiam*

В поддержку тезиса «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить» используются аргументы *ad verecundiam* (от лат. *verecundia* – «глубокое почтение, благоговение») или по другой версии – *ipse dixit* («он лично сказал»). Мы имеем в виду вкрапление в текст последних посланий президента цитат. В послании 2005 г. приводятся цитаты из И. Ильина, Л. Петражицкого и С. Витте. В послании от 2006 г. – И. Ильина, А. Солженицына, Д. Лихачева и Ф. Рузвельта.

Цитирование известных личностей в последних посланиях может свидетельствовать об изменении стратегии построения текстов субъектом дискурса: теперь говорящий создает у аудитории впечатление о своих культурных предпочтениях, а также воздействует на нее посредством приведения аргумента к авторитету: давая высказаться «Другим», он присоединяет их голос к своему и тем самым усиливает звучание собственного. Представляется значимым и соотношение количества цитирования деятелей отечественной и иностранной культур – деятели отечественной культуры цитируются чаще, соответственно, можно сделать вывод, о том, что, будучи знакомым с явлениями мировой культуры, говорящий тем не менее, демонстрирует предпочтение родной культуре, что естественно для главы государства, обращающегося к своим гражданам и апеллирующего к национальной гордости.

Содержание данных аргументов к авторитету следующим образом интерпретируется в (Мартьянов 2007): «Примечательно, что в контексте посланий президента «висельник» Столыпин⁶ упоминается в контексте

⁶ Столыпин упоминался в послании 2000 г.: «Нам пока не всегда удается совместить патриотическую ответственность за судьбу страны с тем, что Столыпин

«гражданских вольностей», гегельянец И. Ильин и государственник С. Витте выступают как сторонники ограничения государственного вмешательства в частные дела, а мнение юриста Л. Петражицкого призвано обосновать капиталистическую этику труда, которая (кто бы мог подумать!) состоит в том, чтобы «аккуратно» платить зарплату (!!) и помогать нуждающимся (!!!). Симптоматично, что современная российская элита подчеркивает свою символическую историческую преемственность, черпает позитивные образцы для сравнения именно во времена распада Российской империи накануне Октябрьской революции, в «последних временах». ... За период 2000-2006 годов прижизненного цитирования удостоился только один деятель советских времен – Александр Солженицын – с его довольно корявым «сбережением народа». Выбор цитат в посланиях указывает на то, что постсоветская политическая элита в силу очевидных причин испытывает острый дефицит современных ей отечественных моральных авторитетов. С одной стороны, зачинщики перестройки, антикоммунисты, диссиденты и младолибералы идейно обанкротились. С другой – советских авторитетов постсоветская элита «капиталистических плохишей», видимо, стесняется или боится цитировать в силу их все возрастающей актуальности по мере «капитализации» социума и общественных отношений в России» (Мартьянов 2007).

В связи с неоднократным цитированием И. Ильина все-таки осмелимся напомнить о том, что приход Гитлера к власти русский философ приветствовал: «Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе. Этот процесс в Европе далеко еще не кончился; червь будет и впредь глотать Европу изнутри. Но не по-прежнему... Пока Муссолини ведет Италию, а Гитлер ведет Германию – европейской культуре дается отсрочка. Поняла ли это Европа? Кажется мне, что нет... Поймет ли это

когда-то называл “гражданскими вольностями”». Остальные цитаты авторитетных источников – более пространны и приводятся только в 2005-2006 гг.

она в самом скором времени? Боюсь, что не поймет... Гитлер взял эту отсрочку прежде всего для Германии. Он и его друзья сделают все, чтобы использовать ее для национально-духовного и социального обновления страны. Но взяв эту отсрочку, он дал ее и Европе. До сих пор европейское общественное мнение все только твердит о том, что в Германии пришли к власти крайние расисты, антисемиты; что они не уважают права; что они не признают свободы; что они хотят вводить какой-то новый социализм; что все это «опасно»... Вряд ли нам удастся объяснить европейскому общественному мнению, что все эти суждения или поверхностны, или близоруки и пристрастны» (Ильин 1933).

По всей видимости, приводимые в посланиях В. Путина аргументы *ad verecundiam* относятся к роду эпистемических – с помощью цитирования специалистов по обсуждаемым вопросам говорящий придает больший вес собственным рассуждениям.

* * *

Исследование логико-риторических структур посланий Федеральному собранию В. Путина позволило нам прийти к следующим выводам относительно используемой в них техники аргументации:

– основные тезисы посланий («Страна развивается в верном направлении» и «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить») говорящим не эксплицируются;

– тезис «Страна развивается в верном направлении», адресованный непосредственной аудитории (Федеральному собранию), вводится в начальной части текста в виде перифраз, содержащих тему сообщения (например, государство) и ремы (например, достижения, успехи). В терминах теории речевых актов можно говорить о том, что субъект послания осуществляет репрезентативный речевой акт (перформатив «сообщаю»), а перлокутивный эффект такого акта связан с тем, что адресат интерпретирует сказанное как оценочный речевой акт. Говорящий имел иллокутивную цель сообщить и побудить к вынесению общей позитивной оценки деятельности руководимого им государства

(метонимически – его деятельности). Адресаты побуждаются к определенному перлокутивному эффекту: позитивной оценке положения в стране;

– тезис «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить», адресованный вторичному адресату (народу: телезрителям и интернет-читателям), завуалирован в большей степени; иллокутивная цель речевых актов, вводящих данный тезис в картину мира адресата, – повышение степени доверия к говорящему, а перлокутивный эффект – положительная оценка говорящего;

– для введения тезиса о том, что страна развивается в верном направлении, используется подразделение основного тезиса на ряд подтезисов: а) «Проделанная работа – фундамент будущего», б) «Избранный курс не подлежит пересмотру», в) «Преемственность курса – основа стабильности»;

– подтезисы являются не только элементами содержания тезиса, но и аргументами, служащими внушению (не убеждению – т. к. тезис не является выводом из подтезисов);

– для обоснования тезиса о том, что страна развивается в верном направлении, используется универсальная аргументация, а именно – аргументы: а) власть принимает конструктивные решения, б) результат работы власти положителен во многих аспектах, в) цифры свидетельствуют о подъеме и росте;

– аргумент о том, что власть принимает конструктивные решения, использовался в самом начале первого президентского срока В. Путина;

– аргумент о том, что результат работы власти положителен во многих аспектах, подтверждается многочисленными примерами роста экономики и благосостояния народа, улучшения систем здравоохранения, образования и успешных реформ, укрепления государственной власти и роли России в мире;

– объем аргументов о том, что результат работы власти положителен во многих аспектах, в посланиях разных годов различен

(например, постепенно перестают звучать примеры успешного проведения реформ – прерывается преемственность с политикой Б. Ельцина, вместе с тем возрастает важность т. н. военных и социальных аргументов);

– приведение цифр в качестве аргумента о подъеме и росте особенно важно для послания, которое было заключительным для первого срока и т. н. предвыборным для второго срока В. Путина;

– для обоснования тезиса о том, что автор посланий понимает проблемы адресата и способен их разрешить, используется контекстуальная аргументация, а именно – аргументы: а) *ad populum* (декларация заботы о людях и приверженности национальным ценностям), б) *ad verecundiam* (апелляция к авторитетным для аудитории именам);

– структура аргументации *ad populum* – заботы о людях – в посланиях В. Путина имеет вид:

– формулировки цели (сделать все для роста благосостояния);

– описания предполагаемой деятельности, направленной на достижение этой цели (питание, жилье и т. д.);

– вербализации достижений;

– отмежевания от предшественников и других политиков;

– комплиментарной части;

– повтора идеи защиты граждан.

– структура аргументации *ad populum* – приверженности национальным ценностям – в посланиях В. Путина имеет вид:

– апелляции к национальной гордости;

– постулирования общенациональных ценностей;

– их детализации;

– демонстрации необходимости их защиты;

– апелляции к героизму;

– напоминания об угрозах России;

– выражения уверенности в преодолении опасностей;

– в процессе и универсальной, и контекстуальной аргументации реализуются когнитивные структуры субъекта дискурса (например, *сила* как положительный полюс в оппозиции *сила ~ слабость* на уровне когнитивных структур реализуется в универсальной аргументации в виде аргумента о модернизации вооруженных сил и контекстуальной аргументации в виде аргумента о национальной ценности великодержавности).

II.2. Общественно-политический дискурс: выборы в Госдуму (2003 г.)

В данном разделе рассматривается вопрос о том, на каком общественно-политическом фоне звучат ежегодные послания Федеральному Собранию президента России В. Путина. Нас интересовало, есть ли общие места в когнитивных структурах аргументации – в дискурсе президента и лидирующих политических партий¹. Внимание к базовым структурам аргументативных текстов обусловлено мыслью о том, что именно они представляют собой «точки согласия», на которых строится логико-риторическая аргументация².

Исследование предвыборного дискурса периода выборов в Государственную думу (2003 г.) показало, что в основе порождения текстов от имени лидирующих политических партий лежат бинарные базовые оппозиции сила ~ слабость, Россия ~ Запад, справедливость ~ несправедливость, порядок ~ беспорядок, и концептуальные метафоры Политика – это путь; Проблемы – это болезнь; Политика – это борьба.

Как видим, большей частью когнитивные структуры в дискурсе президента и лидирующих партий совпадают. Не актуализируются в дискурсе президентских посланий ценность порядка (однако эта ценность декларируется основным ориентиром пропутинской партией «Единая Россия») и традиционная для политического дискурса метафора борьбы (появление текстовых реализаций которой закономерно для

¹ Речь идет о «Единой России» (далее – ЕР), Коммунистической партии (далее – КПРФ) и Либерально-демократической партии (далее – ЛДПР).

² Логико-риторические структуры партийного дискурса также были нами исследованы автором. Например, доказательство тезиса «Наша партия лучше» обосновывается представителями партий универсальными аргументами: 1) политика партии согласуется с интересами большинства (ЕР, КПРФ), 2) результат работы партии положителен (а оппонентов – отрицателен) (ЕР, КПРФ, ЛДПР), 3) президент одобряет работу партии (ЕР, ЛДПР). Тот же тезис подкрепляет аргументация контекстуальная – апелляция к: 1) идее благополучия народа в дискурсе всех трех партий, 2) приверженности национальным ценностям – в дискурсе ЕР и КПРФ, 3) моральному авторитету партии – ЛДПР. При всем этом «точками согласия» служат, в частности, ценности силы и справедливости.

агитационных текстов партий в момент предвыборной гонки). В свою очередь – для партийного дискурса не актуальна ценность демократии, скорее, наоборот; слово *демократия* в момент выборов 2003 г. употреблялось то в кавычках, то с намеренным искажением написания; носителями «идеалов демократии» были представлены оппоненты.

Проиллюстрируем сказанное выше – на примерах общих для президентского и партийного дискурсов базовых оппозиций справедливость ~ несправедливость и Россия ~ Запад.

Справедливость. Понятие «справедливость» является одним из традиционных в русской культуре. В политической культуре как части культуры в целом понятие справедливость играет также важную роль, что можно продемонстрировать на примере использования слова *справедливость* в лозунгах и подзаголовках политических сообщений³:

Порядок и справедливость – вот стержневые основы нашей политики (ЕР).

Утвердим справедливость и равноправие в национальных отношениях (КПРФ).

О справедливости в дискурсе всех трех первых российских партий чаще говорится как о ценностных ориентирах субъекта дискурса:

...Мы выступаем за порядок и справедливость... (ЕР).

А наше коммунистическое дело всегда строилось на светлых идеалах правды, добра и справедливости (КПРФ).

Если ЛДПР получит большинство в Государственной Думе, в России воцарится справедливость, порядок и достаток (ЛДПР).

Субъекты дискурса декларируют приверженность ценности справедливости (наряду с иными ценностями), не вербализируя, каким образом предполагается приближение к объявленным целям.

Исследованный материал показывает также следующее: во-первых, в дискурсе ЛДПР апелляция к ценности справедливости менее частотна, чем в дискурсах «Единой России» и КПРФ. Возможно, данный факт объясняется тем, что ЛДПР проповедует либеральные ценности (по

³ Понятие «справедливость» используется также в названиях российских общественных движений: *«Партия социальной справедливости»*, *«Справедливая Россия»*.

крайне мере, так себя данная партия позиционирует), к коим справедливость не относится.

Понятие «несправедливость» используется, напротив, для обозначения неприемлемого положения дел:

По результатам опросов, подавляющее большинство, более 90% населения, поддерживало предложенный нами механизм, позволяющий побороть несправедливость законным, демократическим путем – и в результате существенно улучшить жизнь большинства граждан (КПРФ).

В таком случае это не «борьба» (с «ЮКОС». – В. М.), а свара, которая не имеет ничего общего с проблемами обычного человека и никак не меняет сложившейся системы несправедливости (КПРФ).

Поскольку, как было сказано выше, в текстах наблюдается апелляция к ценности справедливости и декларация неприятия «антиценности» несправедливости без пояснения, каким содержанием наполнены для говорящих данные имена. Раскрыть содержание терминов «справедливость» и «несправедливость» может помочь исследование функционирования в текстах прилагательного «справедливый».

Содержание понятия «справедливость» остается не совсем ясным и из синтагматических связей прилагательного *справедливый*, сочетающегося в дискурсе российских партий с существительными *общество, порядок, наказание, будущее, зарплаты и пенсионная система* (в сочетании с прилагательным *справедливый* они называют цель деятельности субъекта). Трудно установить синонимы к этому слову (т.е. парадигматические отношения). Вполне вероятно, что *справедливые пенсии* и *справедливые зарплаты* предполагают адекватность затраченному субъектом труда. Однако как «справедливо» исчислить труд – по затраченному времени, или по объему затраченных усилий, или по квалификации, необходимой для выполнения работы и требующей дополнительного времени и усилий субъекта на ее приобретение, и как справедливо соотнести умственный и физический труд? О справедливости написано так много (например, Ролз 1995; Рикер 2005), что безусловно одно: справедливость «плюралистична», т. е. можно

найти множество разных точек отсчета для признания чего-то справедливым / несправедливым.

В русском сознании, как показано в (Баранов 1990б), понятие справедливого коррелирует с идеей равенства и адекватного распределения благ (и ценности справедливость и равенство находятся на одном ценностном полюсе общественного сознания). Использование президентом В. Путиным словосочетания *справедливый порядок* свидетельствует о том, что он предполагает наличие субъекта, наблюдающего за порядком соблюдения ситуации справедливости, т. к. порядок – это свод каких-то норм, отклонение от которых способен отмечать наблюдающий за ситуацией со стороны. О наличии субъекта, наблюдающего за справедливым распределением ресурсов, писалось, в частности, в (Лассан 2004б). В заключение приведем пример, подтверждающий, что ситуация справедливости / несправедливости предполагает распределение ресурсов (и, следовательно, наблюдающего за адекватным их распределением):

Даже «правые» ради сохранения выгодного им несправедливого перераспределения собственности в начале 90-х, – теперь рассуждают о необходимости изъятия какой-то части сверхдоходов (КПРФ).

Россия ~ Запад. Ценностным ориентиром в данной оппозиции является Россия, Запад находится на противоположном ценностном полюсе. При развертывании антитезы Россия ~ Запад в текст наблюдается противопоставление России и Запада по ряду признаков, относящихся к категориям ценностей, политики и экономики, в частности:

самобытность России и чуждые ей ценностные ориентиры Запада;
миролюбивая политика России и агрессивная – Запада;
укрепление России и стремление Запада подчинить Россию себе.

Самобытность России и чуждые ей ценностные ориентиры Запада: об особом пути развития России в дискурсе всех трех лидирующих партий говорится при противопоставлении ценностей

чужих⁴, западных, их, западного пути развития и своих, наших ценностей, особого пути России. Например, по словам В. В. Жириновского, западные стандарты в России просто не проходят. Коммунисты утверждают, что зарубежные партнеры не заинтересованы в сохранении такой российской ценности, как государственность:

Никто из зарубежных заказчиков не заинтересован в самостоятельной российской государственности (КПРФ).

О негативном воздействии пропаганды западных ценностей говорится в текстах ЛДПР:

ЛДПР поддерживает инициативную молодежь, а Запад подталкивает ее к потребительскому стилю жизни (ЛДПР).

Партия власти, «Единая Россия», считает неприемлемым перенимать западные стандарты в построении общественно-экономических отношений:

Развивая нашу государственность, мы не должны копировать или заимствовать не оправдавшие себя модели и подходы. Не секрет, что система управления экономикой, сложившаяся в послевоенный период на Западе, сегодня переживает драматические перемены. Бывшие некогда образцовыми институты государственного регулирования сегодня находятся в очевидном кризисе. Бремя неэффективных государственных расходов и зарегулированный рынок труда в ряде европейских стран почти парализовал усилия общества преодолеть экономический спад (ЕР).

В критике партий-оппонентов также может использоваться противопоставление верных и ложных ориентиров – приверженности своим или западным ценностям. Так, например, либерал-демократы из партии ЛДПР обличают демократов иного толка (так, вероятно, следовало бы интерпретировать кавычки в номинации «демократы») в следовании прозападному курсу:

Если у коммунистов был оголтелый интернационализм, всем помогали, всех спасали и сами себя разорили, то у «демократов» оголтелый проамериканский и прозападный курс (ЛДПР).

⁴ Следует отметить, что в отличие от «западных ценностей» понятие «европейские ценности» функционирует в политическом дискурсе иначе: «...Россия, иногда с опозданием, иногда с опережением, почти всегда шла в фарватере европейской цивилизации, воспринимая традиционные европейские ценности и переосмысливая их. Отказаться от Европы – при всей нелюбви к отдельным ее представителям – мы не можем, потому что в противном случае мы идеологически в очередной раз окажемся в вакууме “собственной самости”»? – говорит член Политсовета «Молодой Гвардии Единой России» М. Бударягин (<http://www.2007.molgvardia.ru/old/news-item.php?id=1373>).

Миролюбивая политика России и агрессивная – Запада:
несовпадение российских и западных ценностных ориентиров заключается, например, в мирной внешней политике России и агрессивной – Запада:

Россия – единственная сила на планете, которая в сложившихся исторических условиях способна уберечь мир от новой мировой бойни. Для этого Россия должна оставаться ядерной сверхдержавой и иметь самую современную армию. Армия России – это ее сила, гордость и надежда. Она является надежным гарантом подлинного суверенитета, независимости России, проведения страной самостоятельной национально-ориентированной внешней политики (ЛДПР).

Из приведенной цитаты следует, что противостоять агрессивной политике Запада возможно, лишь наращивая собственную военную мощь. Вероятно, потому что агрессивная внешняя политика Запада направлена также и в сторону России:

Практическим воплощением концепции Запада в отношении России стало провоцирование конфликтов или создание напряженной ситуации по всему периметру ее границ, особенно в Закавказье и Средней Азии. Запад должен понять – Россия не раз возрождалась из пепла, и не надо ей мешать (ЛДПР).

Укрепление России и стремление Запада подчинить Россию себе: чаще всего о противопоставлении России и Запада говорится в контексте необходимости экономического укрепления России – ввиду угрозы стать зависимой от Запада. Так, в дискурсе «Единой России» утверждается, что укрепление России продиктовано *необходимостью выживания*, иначе страна деградирует:

Реализовать такие цели («удвоение ВВП к 2010 году в два раза, преодоление бедности, модернизация Вооруженных Сил». – В. М.) – чрезвычайно трудная задача, но она продиктована необходимостью выживания России, которой в ином случае грозят деградация и постепенное поглощение другими, более развитыми государствами (ЕР).

Апелляция к жизненно необходимым потребности (выживание) возбуждает оппозицию жизнь ~ смерть. Говорящие от имени ЛДПР и КПРФ для обозначения угрозы экономической зависимости России от Запада также используют словосочетание *сырьевой придаток Запада*:

Это превращение России в сырьевой придаток Запада и в полицейское «государство» (КПРФ).

Рассказать (в мемуарах советуется Явлинскому. – В. М.) о России своей мечты – сырьевом придатке Запада с нищими гражданами (ЛДПР).

Быть «сырьевым придатком Запада» означает не просто вредить собственному благополучию и независимости, но и способствовать расцвету антагониста-Запада:

Сырье вывозится за рубеж, а деньги оставляют там же. Мы финансируем мировую экономику и способствуем благополучию Запада (ЛДПР).

В чужие руки, западному капиталисту, по ЛДПР, не следует продавать частный бизнес. ЛДПР также критикуется за сдачу ведущих позиций России в исследовании космоса:

Наши космонавты (словно гостиничная прислуга из мексиканцев, пакистанцев или тайцев в каком-либо из отелей Лас-Вегаса!) занимаются только обслуживанием американских бригад (ЛДПР).

Противопоставление России и Запада в некоторых высказываниях поддерживается также и синтаксическими средствами. Так, в дискурсе КПРФ пропагандируются великодержавные ценности, отказ от которых означает превращение страны в подвластную высокоразвитым странам провинцию – и данная фраза построена с использованием двух союзов «либо», таким образом, получателю текста внушается мысль о том, что при такой альтернативе третьего пути не дано:

...Либо великая держава и социализм, либо дальнейший распад страны и окончательное превращение ее в колонию (КПРФ).

Партией власти также проводится мысль о том, что к укреплению России есть только один путь:

Опора на свои силы, на собственный экономический и научно-технический потенциал, богатейшие в мире ресурсы – другого пути возрождения России нет (ЕР).

Итак, видим, что ценностная оппозиция Россия ~ Запад, лежавшая в основе порождения текстов от имени трех первых партий России в период предвыборной борьбы 2003 г.⁵, делит мир на своих и

⁵ В кампании выборов 2007 г. тема несовместимости западных и российских ценностных ориентиров продолжалась: например, в программе КПРФ пропагандировался отказ от построения общества по образцу *группы развитых капиталистических стран, ...где материальное и духовное производство подчинено рыночным законам извлечения максимума прибыли*. Таким образом, получателям информации внушалась мысль о нравственном превосходстве российской культуры, в которой, по-видимому, духовное производство не подчиняется принципу извлечения прибыли. Звучали также призывы *прекратить насаждение русофобии, западничества и американизма, исторического вандализма, культа наживы, насилия и разврата, эгоизма и индивидуализма*. Очевидно, что для номинации приверженности западным

чужих (напомним, что те же тексты порождались при участии метафоры борьбы), и делается это жестче, чем в посланиях президента. Социологи в таких случаях предупреждают, что подобные «парные образы себя и обобщенного *другого*», характерные для закрытого общества, опасны тем, что они не поддаются рациональному осмыслению и верификации (Дубин 2001). В свою очередь лингвисты обращают внимание на могущественность клише (например, «западные ценности» – с негативной коннотацией), которые «способны сильнейшим образом воздействовать на человеческое сознание и формировать картину мира, определяющую психологию целого поколения» (Леонтович 2005: 238-239).

Таким образом, ужесточение оппозиции Россия ~ Запад в посланиях президента (например, образ США как волка, т.е. опасного хищника), постановка вопроса о сохранении нации (России) в условиях зависимости от «лидеров мировой экономики» коррелирует с усилением негативного образа Запада в дискурсах ведущих политических партий. При этом нельзя не отметить, что президент, реально осуществляющий внешнюю политику, как субъект политического дискурса стоит на менее жестких позициях по отношению к западному миру, чем составляющие думское большинство партии.

ценностям не только подбирались слова с негативной коннотацией (*западничество, американизм*), но они ставились в один ряд со словами, называющими негативные явления (*насилие, разврат*), что не могло не наталкивать реципиента на мысль о соположенности называемых явлений в мире действительности.

Также в период выборов 2007 г. наблюдалась тенденция подчеркивать незаинтересованность Запада в возрождении России. Например, в обращениях «Единой России» к народу говорилось: *Не всем на Западе нравится, что Россия становится сильной и независимой страной, расплачивается с внешними долгами, что у нас принимаются долгосрочные планы*. Лидер коммунистов Г. А. Зюганов предупреждал о возможных негативных для России последствиях сотрудничества с Западом: *Энергетическая Хартия, на ратификации которой настаивает Запад, – только первый шаг. Речь идет об установлении над нашими ресурсами «мирового суверенитета»*. Лидер либерал-демократов В. В. Жириновский задавал риторический вопрос и тут же давал ответ на него, вовлекая адресата в ход рассуждения: *Нужно ли нашим западным радетелям, чтобы Россия развивалась и снова стала супердержавой? Ответ очевиден – нет...*

II.3. Выводы

1. Президентские послания В. Путина как речевой акт совмещают в себе качества дескриптивного (описывается текущее состояние дел), оценочного (дается оценка многим явлениям социальной действительности) и аргументативного (доказывается правомерность проводимой политики) речевых актов. Локуцией президентских посланий как речевого акта является положение в стране и аргументы в поддержку озвучиваемых положений, перлокуцией – положительная оценка субъекта дискурса. Иллокутивные цели президентских посланий состоят в том, чтобы описать положение в стране и пути решения проблем, оценить ситуацию в стране и пути решения проблем и убедить слушателей в правомерности президентства субъекта посланий и оправдании оказанного ему доверия во время выборов.

2. В президентских посланиях В. Путина основные тезисы не эксплицируются. К формулировке тезиса адресат приходит индуктивным путем через обобщение частных случаев.

3. Тезис, обосновываемый путем универсальной аргументации, – «Страна развивается в верном направлении» – сходным образом вводится в тексты всех исследованных нами посланий Федеральному собранию: в начальной части текста звучат перифразы данного тезиса, в которых заявляются тема и ремы сообщения; дальнейший текст представляет собой развертывание звучавших в начале текста рем.

Темой чаще является *государство, Россия*. При этом ремы представляют собой нанизывание положительных смыслов: например, *достижения; рост; новые рабочие места; доходы; продвижение; долгосрочные личные планы; увереннее; конструктивно; эффективно*.

В терминах теории речевых актов можно сказать, что субъект послания осуществляет дескриптивный речевой акт, перлокутивный эффект которого связан с тем, что адресат интерпретирует сказанное как оценочный речевой акт. Иллокутивная цель говорящего состоит в таком

описании, оценке и аргументировании, чтобы побудить адресата к определенному перлокутивному эффекту: к вынесению общей позитивной оценки деятельности руководимого им государства (метонимически – его деятельности).

4. Тезис, обосновываемый путем контекстуальной аргументации, – «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить» – вводится в тексты посланий Федеральному собранию различным образом, его перифразы более расплывчаты, звучат они в различных частях текста. Отсутствие закономерности во внедрении данного тезиса в текст может объясняться через фактор адресата – данный тезис адресован не непосредственно присутствующему при произнесении текста адресату.

Иллокутивная цель речевых актов, вводящих данный тезис в речь, – повышение степени доверия к говорящему через описание предлагаемых им мер по решению насущных проблем людей и убеждение в том, что намеченные пути решения принесут ожидаемый положительный результат, перлокутивный эффект – положительная оценка субъекта посланий.

5. Когнитивные структуры президентских посланий – базовые оппозиции и концептуальные метафоры – являются не только порождающими текст структурами, но и элементами аргументации: текстовые реализации когнитивных структур непременно присутствуют в логико-риторических структурах аргументации.

6. Логико-риторические структуры президентских посланий представляют собой использование универсальной и контекстуальной аргументации. А именно: доказательство тезиса о том, что страна развивается в верном направлении, посредством универсальных аргументов: а) власть принимает конструктивные решения, б) результат работы власти положителен во многих аспектах, в) цифры свидетельствуют о подъеме и росте. И обоснование тезиса о том, что автор посланий понимает проблемы адресата и способен их разрешить, с помощью контекстуальных аргументов: а) *ad populum* (декларация заботы

о людях и приверженности национальным ценностям), б) *ad verecundiam* (апелляция к авторитетным для аудитории именам).

7. Когнитивные структуры общественно-политического дискурса находятся в определенной корреляции с когнитивными структурами президентских посланий. А именно: общими для президентского и партийного дискурсов являются базовые оппозиции справедливость ~ несправедливость и Россия ~ Запад.

ГЛАВА III. ТЕХНИКА АРГУМЕНТАЦИИ В ЛИТОВСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

III.1. Президентский дискурс: ежегодные послания В. Адамкуса (2000-2007 гг.)

Целью ежегодных посланий (*metiniai pranešimai*) президента Литвы является отчет о прошедшей деятельности, оценка положения в стране и рекомендации структурам власти. Результатом воздействия на слушателей, как показало исследование, является одобрение его деятельности и признание позитивности его правления для страны.

В данной главе предлагаются результаты анализа когнитивных и логико-риторических структур аргументации в президентских посланиях.

III.1.1. Когнитивные структуры аргументации

III.1.1.1. Базовые оппозиции

Анализ показал, что в основе порождения семи ежегодных посланий президента Литвы лежат оппозиции новое ~ прежнее, Запад ~ Восток, демократия ~ антидемократия, в которых ценностным ориентиром является первый член; второй член оппозиции – т. н. «антиценность» – является носителем негативного признака. Анализ данных трех оппозиций следует ниже, в отдельных разделах.

III.1.1.1.1. Новое ~ прежнее

Данная оппозиция лежала в основе порождения ранних посланий президента В. Адамкуса (2000-2002 гг.), особенно она была актуальна для послания 2000 г – в нем президент вводит в политический обиход понятие «новая политика», детализирует, в чем она заключается. Пример:

Norėčiau, kad aiškiai suprastume: dabartis mums duoda istorinę galimybę įveikti sovietinės praeities trauką, seno mąstymo, seno elgesio įpročius ir atsakingai imtis naujo bendrų reikalų tvarkymo. Imtis naujos politikos. Ji šiandien mums būtina. Tikiu, jog esame pajėgūs ją formuoti ir įgyvendinti.

Nauja politika – tai visų pirma nauji reikalavimai, kuriuos turime išsikelti patys sau, išsikelti kaip piliečių bendruomenė. Tai racionalus, ūkiškas, viešas ir į ateitį orientuotas valstybės bei visuomenės reikalų tvarkymas. Demokratinis bendro gyvenimo tvarkymas, kuris turi būti pagrįstas asmens iniciatyva ir atsakomybe.

Noriu pabrėžti: be šios esminės sąlygos Lietuvos demokratija niekada nebus stipri, nebus veikianti.
Nauja politika turi remtis... (2000).

Приведенные цитаты в печатном варианте послания на сайте президента выделены жирным шрифтом, следовательно, им приписана особая смысловая нагрузка. Как видно из примеров, к новому, т. е. ценностному ориентиру, относятся ориентированное на будущее управление государством и демократический режим. И настоящее предоставляет «историческую возможность» сделать ценностные идеалы реальностью. Пржнее, «антиценность», соотносится с советским прошлым и присущим тому времени стилем мышления и поведения, что является неприемлемым для движения вперед к лучшему.

Анализ ряда примеров позволил также установить, что под новым в президентских посланиях подразумеваются:

будущее – *einame į naują tikrovę, kurioje mūsų laukia nauji iššūkiai ir dar neišmėgintos galimybės;*

позитивные перемены (например, в системе образования) – *šiandien turime imtis permainų, kad padėtume kaimo jaunimui išsiveržti iš uždaro nevilties rato ... Nauja politika turi pagaliau užtikrinti ir švietimo prioritetą;*

внимание к личности и национальным ценностям – *nauja politika... reikalus tvarkyti atsižvelgiant ir į konkretaus žmogaus, ir į gyvybinius tautos interesus; Esminis naujos politikos uždavinys - ginti piliečio teises, jo žmogiškąjį orumą;*

Идея новизны становится еще более привлекательной за счет дискредитации контридеи – прежнего. Пржнее описывается в таких терминах, как мифы (*politika šiandien turi būti laisva nuo senų prietarų ir mitų*), стереотипы (*turi būti įveikti iš tarybinių metų paveldėti valdančių partijų veiklos stereotipai*), советское наследие (*atsikratyti sovietmečio palikimo*), пустые обещания (*ligšiolinė tuščių pažadų ir gaisrų gesinimo politika yra žlugusi*), режим без свободы (*turime įveikti senosios tvarkos – tvarkos be laisvės – ilgesį ir diegti kitokią – demokratijos vertybėmis,*

teisingumu ir piliečių tarpusavio įsipareigojimo pagrįstą tvarką). Некоторые ошибки, неудачи объясняются недостаточной верой в ценность нового: так, причина кризиса в стране – это *kainą politikos, pataikavusios praeities inercijai ir permainingai baimei*. Президент призывает: *visi valdžioje esantys – ir pozicija, ir opozicija – privalo įveikti seną, nuo tikrovės atitrūkusią politinių žaidimų inerciją*.

Реализация рассматриваемой оппозиции опирается на высокую степень языковой метафоричности (в цитированных выше примерах: *politika ... turi būti laisva; turi būti įveikti ... stereotipai; gaisrų gesinimo politika*), что, во-первых, акцентирует идею борьбы (*įveikti*), во-вторых, придает речи риторически приподнятый характер: новая политика изображается как борьба нового со старым, и это изображение окрашено особым пафосом героики и эмоциональной приподнятости.

О состоявшейся победе нового над прежним свидетельствует высказывание из послания 2002 г.:

Šiandien vien remdamiesi praeities prisiminimais, jokia būdu negalime kurti dabarties mokyklos. Per dvylika nepriklausomybės metų Lietuva įveikė totalitarinės sistemos palikimą ir suformavo demokratinę mokyklą, kuri suteikia jaunimui kur kas didesnę pasirinkimo laisvę (2002).

В последующих ежегодных посланиях президента оппозиция новое ~ прежнее теряет актуальность. Но нужно отметить, что актуальная для всех посланий В. Адамкуса оппозиция Запад ~ Россия (см. следующий раздел) коррелирует с оппозицией новое ~ прежнее, т. к. Запад соотносится с новым, а Восток – с прежним.

III.1.1.1.2. Запад ~ Россия

В основе ежегодных посланий президента Литвы присутствует идея о том, что Запад – это хорошо, а Россия (и СССР в прошлом) – плохо, т. е. речь идет об оппозиции Запад ~ Россия. И до вступления Литвы в Евросоюз и НАТО, и после него президент говорит о необходимости стать частью Запада, пространства со своими особыми

духовными ценностями, с эффективной системой безопасности и организацией рынка. Слияние с западным миром объявляется целью государственного строительства, об этом говорится часто и в самых разных выражениях: *įsitvirtinti Vakarų erdvėje, įsiterpti, įsijungsimė į Vakarų demokratijos, įlipti į greitąjį Europos traukinį, Sekdami Vakarų pavyzdžiu, prisidėsime prie Vakarų civilizacijos gynimo, būdami integralia demokratinio Vakarų pasaulio dalimi, įsiliejimą į Vakarų pasaulį*. Думается, и частотность подобных высказываний, и регулярное воспроизведение этой идеи в посланиях, и даже существование многочисленных языковых средств для выражения идеи слияния с Западом свидетельствует об исключительной важности данной идеи для говорящего. Отметим, что в цитированных примерах о слиянии с Западом встречаются метафорические глаголы (*įsitvirtinti ... erdvėje; įlipti į ... traukinį*), имплицитно выражающие мысль, что Литва пока не относится к западному миру.

В литовском политическом дискурсе существуют специальные лексемы для выражения смысла ‘стать западным’, ‘озападнивание’ – *vakarėti, vakarėjimas* (в отличие от приведенных нами слов на русском языке, в литовском языке – это слова, скорее, с положительной коннотацией). Примеры из президентских посланий:

Prieš trejetą metų keldamas laisvo žmogaus, atviros visuomenės, stiprios valstybės siekius, suvokiau juos kaip būtiną Lietuvos modernizavimo, Lietuvos vakarėjimo pagrindą. Manau, kad šiuo metu šie siekiai tampa dar svarbesni, jų tarpusavio priklausomybė – dar akivaizdesnė (2001).

Be gerai veikiančios suaugusiųjų švietimo sistemos mūsų visuomenė negalės vakarėti, modernizuotis, stiprėti (2005).

Каковы те ценности Запада, к которым следовало бы приобщиться Литве, – видно из следующего примера:

Ji siekia ginti bendrus demokratinio pasaulio interesus: taiką ir stabilumą, žmogaus teises, demokratijos principus bei rinkos ekonomikos plėtrą. Esu tikras: Lietuvos tikslai – tie patys (2001).

В президентских посланиях также идет речь о том, с какой целью Литве следовало бы приобщиться к западным ценностям: *gyvenimas taps stabilesnis, krašto ūkinė ir socialinė pažanga – spartesnė; išvengti provincijos atsilikimo; aiškiai projektuoti (Lietuvos ateitį. – V. M.) Europos dvasios ir ūkio*

erdvėje; tai suteiktą Lietuvai didesnės tarptautinės svarbos ir padėtų mūsų tautai užsitikrinti saugesnę egzistenciją; galėsime jaustis saugūs. Как видим, в данных высказываниях присутствует идея безопасности, защиты, а раз существует угроза – существует и ее источник. Кто источает угрозу или опасность – прямого ответа на этот вопрос в посланиях нет. Напротив, возможная догадка, что это мог бы быть могущественный и богатый на энергоресурсы (которые в последнее время в СМИ стали именоваться «энергооружием») сосед – в одном из посланий опровергается:

Kartu, norėčiau aiškiai pasakyti: Lietuva nesiekia patekti į Amerikos įtakos sritį, ieškodama priešpriešos Rusijos ar kitų valstybių įtakos zonoms. Tai būtų klaidingas mūsų siekių vertinimas. Klaidingas, nes euroatlantinė integracija nėra atsvara Rusijai. Euroatlantinė integracija - tai buvimas bendrų vertybių erdvėje. Jis prieš nieką nenukreiptas. Esu įsitikinęs, kad Lietuvos narystė NATO nesilpnina Rusijos saugumo. Priešingai: mūsų narystė tik sustiprins saugumą ir stabilumą erdvėje, kurioje gyvename mes ir kurioje savo interesų turi ir Europa, ir Rusija, ir Amerika (2001).

И все же именно Россия принадлежит противоположному ценностному полюсу в оппозиции более общего характера Запад ~ Восток. В послании того же года президентом сказано: *mūsų santykiuose su Rusija šiandien yra ir apmaudžių, sunkiai paaiškinamų problemų // Kartais atrodo, kad Maskva mėgina primesti mums... // Tad lieka laukti, kol Rusija supras... // Nei vienu įstatymu, nei vienu ar kitu susitikimu neatkursime to, ką praradome per priklausomybės dešimtmečius ir šimtmečius.* Из данных примеров видно, что к ценностному полюсу Востока принадлежит именно Россия, ассоциирующаяся к тому же с СССР (обрекшим Литву на «десятилетия зависимости») и царской Россией (обусловившей «столетия зависимости»).

Приведем два примера из разных областей жизни общества, свидетельствующих, что для Литвы, согласно президентским посланиям, предпочтительными являются западные ценности.

Во-первых, приветствуется современность и цивилизованность Запада (в отличие от Литвы в прошлом, когда она тяготела к полюсу Востока), например:

...Dabartinė mokesčių sistema reikalauja nebe dalinių pataisų, bet esminio pertvarkymo. Ją turime suderinti su civilizuotuose kraštuose nusistovėjusiais

standartais ir padaryti adekvačią šių dienų ūkio tikrovei. ...Iš sovietinių laikų paveldėjome nepaprastai didelį, Lietuvos poreikius gerokai prašokantį, energetikos ūkį (2000).

Во-вторых, приветствуется западная система образования. Так, например, после скандала, связанного с филиалами российских вузов в Литве, прозвучали следующие слова:

Kaip galėjo nutikti, kad mūsų, Europos Sąjungos ir NATO šalies, vidaus reikalų pareigūnus ėmė rengti neformalus Rytų valstybių universitetai? <...> Per nepriklausomybės metus ne vienas tūkstantis lietuvių įgijo išsilavinimą Vakarų universitetuose, tapo gerais specialistais. Kodėl bent dalies jų šiandien nematyti mūsų valstybės tarnyboje? (2005).

Говорящий задает вопрос, который можно считать риторическим. Нанизывание же вопросов задает определенный ритм, а вопросы являются «стратегическими», поскольку ответ на них предполагает оправдание. Говорящий занимает наступательную позицию, определяя Восток (в цитированном примере имеется в виду история с российскими вузами) как бесспорно негативную ценность, и делает это, опираясь на те или иные риторические приемы.

Итак, если в президентском послании от 2000 г. предупреждалось о происках недругов, препятствующих интеграции Литвы в западные структуры (*neturime lėtinti šalies euroatlantinės integracijos darbų dėl antivakarietišku emocijų proveržių ar kai kurių politinių partijų rinkimų taktikos*), то в 2005 г. говорящий уже мог себе позволить утверждать следующее:

Aktyvi užsienio politika yra raktas į mūsų valstybės bei piliečių saugumą ir gerovę. Ji negalės būti sėkminga, jei Lietuva bus Europos pakraštys, jei mūsų kaimynai gyvens blogiau negu mes, jei mūsų piliečiai nesijaus visaverčiais europiečiais. Todėl Lietuva turi būti tvirta Vakarų demokratijos vertybių ir saugumo plėtros advokatė, remianti Europos keliu siekiančias eiti valstybes. Mums svarbu, kad Europos Sąjunga bei NATO ir toliau plėstųsi (2005).

Очевидно, что после вступления Литвы в НАТО и Евросоюз Литва не только достигла цели отдалиться от Востока (и прошлого вместе с ним) и приблизиться к Западу, но и сама стала проводником идей Запада, т. к. президент уже выступает представителем не столько Литвы, сколько Евросоюза и НАТО. Сам президент видит ключ к благополучию не в успешной внутренней политике, а в активной внешней политике.

III.1.1.1.3. Демократия ~ антидемократия

В дискурсе президента Литвы ценность демократии провозглашается целью, которая: 1) еще не достигнута (*demokratijos vertybės nėra pakankamai branginamos // ценностями демократии недостаточно дорожат*), 2) достигнута, но требует укрепления (*turėsime ją išplėtoti ir sutvirtinti // должны ее развить и укрепить*), 3) достигнута и нуждается в экспорте ее в другие страны (*remdama demokratijos plėtrą ...artimose valstybėse // способствуя развитию демократии ... в ближних государствах*). Так, остается не проясненным: существует ли в Литве демократия или к ней страна придет позже.

Понимание говорящим сущности демократии вербализируется – это права и свобода человека, доверие народа к власти, гражданское общество, общие нравственные ценности и принципы. Как и в случае функционирования термина *справедливость* в дискурсе российского президента, повторение литовским президентом общих мест о сущности демократии не позволяет ясно представлять содержание данной ценности и пути ее достижения. (При анализе текстов литовских партий попыток показать, что понимает говорящий под *демократией*, вообще не обнаружено.)

Как было сказано ранее, по Баранову (и результатам нашего исследования партийного предвыборного дискурса) на противоположном ценностном полюсе демократии и свободы в русском сознании находятся ценности справедливости и равенства, и политическая аргументация смещается в сторону одного из полюсов. Президент В. Путин апеллирует в своих посланиях не только к «популярной» в русской культуре ценности справедливости, но и к демократии (хоть и в меньшей степени). Анализ показал, что президент В. Адамкус тоже актуализирует в своих посланиях «непопулярную» в литовской политической культуре ценность – это справедливость. Вполне возможно, что российский и литовский президенты находятся в рамках разных парадигм социальной справедливости, т. к. существуют различные концепции социальной

справедливости, одна из них – либертариалистский подход, согласно которому ценностные ориентиры свободы и справедливости совместимы (Прокофьев 2000-2003).

Справедливость, как и демократия, литовским президентом также обозначается как цель деятельности (*strateginis tikslas... – socialinis teisingumas; viena... pasitikėjimo sąlyga – ...socialinis teisingumas*). Однако содержание понятия социальная справедливость им не раскрывается. Отметим и то, что объем понятия *teisingumas* сужается из-за определения *socialinis*. (В исследованных текстах лидировавших на выборах в 2004 гг. литовских партий слово *teisingumas* ('справедливость') практически не встречается.)

III.1.1.2. Концептуальные метафоры

Анализ дискурса президента Литвы показал, что в основе его ежегодных посланий лежат метафоры **Политика – это путь**, **Проблемы – это болезнь**, **Политика – это экзамен** и **Политика – это бизнес**. Текстовые реализации названных метафор встречаются и в ранних, и в поздних посланиях президента. По количеству обнаруженных примеров, позволивших генерализовать базовые метафоры, и по степени разнообразия представленных текстовых реализаций можно сделать вывод о том, что в дискурсе В. Адамкуса доминирующей является метафора пути. Осмысление государственного строительства как пути, а проблем – как болезни является характерным для политического дискурса (например, российского, американского, по результатам ряда исследований). Не столь широко распространенными политическими метафорами являются характерные для дискурса литовского президента концептуальные метафоры экзамена и бизнеса.

III.1.1.2.1. Политика – это путь

В текстах президентских посланий часто встречается собственно слово «путь», например: *bendrame kelyje // toks kelias // socialinès įtampos kelis // kito kelio tiesiog neturime // tokio kelio pasirinkimo*. Человеку вообще

свойственно осмысление своей деятельности, в том числе политической, как пути – пути развития, достижения намеченных целей. «Быть на пути», «остановиться на полпути» и проч. – это общепринятые языковые выражение, клише, одно употребление которых, по-видимому, еще не говорит о наличии базовой метафоры пути в когнитивных структурах субъекта дискурса. Генерализовать базовую метафору пути позволяет ряд обнаруженных в текстах посланий лексических единиц, относящихся к фрейму «путь»: это характеристика направления пути и качества дороги, наличие субъекта движения, который пользуется определенными средствами и способами передвижения, существование (или отсутствие) цели движения, различная дорожная атрибутика.

Анализ слота «направление» показывает, что путь политики Литвы лежит в сторону евроатлантических структур: *laikytis pasirinkto euroatlantinės integracijos kelio, pradėtų reformų krypties // Šia linkme jau pajudėta*. И направление избранного пути пересмотру не подлежит: *šia kryptimi ir reikia judėti*. Однако не совсем понятно, что означает «влиться в Европу». Наряду с высоким материальным уровнем жизни, развитой демократической системой (свобода прессы, независимость судов и т. д.) это может означать восприятие и других сторон жизни европейских стран, например, высокий уровень иммиграций.

Субъектом движения является Литва – иногда она пассажир транспортного средства (*traukinio keleivė // įlipti į greitąjį Europos traukinį*), но чаще передвигается самостоятельно: *eisime į priekį // einame // nesukubėti (медлительность оценивается негативно. – В. М.) // žengti seniai numatytus žingsnius // žengti ir trečią žingsnį*.

Характеристики дороги показывают, что она делится на отрезки (*kelio atkarpa*), преодоление которых последовательно ведет общество к цели, остановке на полпути дается негативная оценка (*nesustoti pusiaukelėje*). Т. е. имплицитно предполагается возможность остановки, но что под ней понимается – не поясняется. Также негативно оценивается движение по обочине дороги (*Europos kelio nuošalėje*) и долгие раздумья перед

развилками: в послании 2000 г. констатируется, что село было оставлено на перекрестке (по-видимому, позади тех, кто ушел вперед) – *palikti kaimo kryžkelėje*; в 2001 г. выражается сожаление, что село по сей день находится там же – *tebeturime kaimą kryžkelėje*. В пути встречаются различные указания (знаки) (*kelio ženklus*), возможны препятствия: нечто может преградить путь (*neužkirs kelio plėtrai*), но это преодолимо (*neužkirs*), более серьезное препятствие – это некто, сбивающий Литву с пути:

Tai istorinis mūsų tautos ir valstybės sugrįžimas į Vakarų civilizacijos kelią, kuriuoėjome šimtmečiais ir iškurio prievarta daugiau nei pusamžį buvome išbloškšti (2003).

Так вновь обозначается оппозиция Запад ~ Россия, где место Запада метонимически уже занимает Литва. Россия как негативный член оппозиции называется не всегда, но представление о том, кто является виновником оторванности Литвы от европейской цивилизации, регулярно имплицитно.

Анализ лексем, входящих в слот «характеристика движения» позволяет установить, что положительно оценивается движение быстрое и вперед: *į priekį greičiau ir sėkmingiau // sparčiai vejamės // klaida ... pasukti atgal // svarbu nesustoti pusiaukelėje // nebegalime trypčioti vietoje // nestoviniuokime vietoje, bet veržkimės į priekį*. Цель этого движения, стремительного и без отступлений назад: это, во—первых, обновленная Литва – *Lietuvos ateities kelias // einame į naują tikrovę // kelias į tokią (kuriančią. – V. M.) Lietuvą*. Что коррелирует с оппозицией новое ~ прежнее. Во-вторых, цель пути – это Европа: *prie vieningos Europos slenkščio // neskubėti į Europos Sąjungą* (тут имеется в виду, что нехорошо не спешить. – В. М.) // *pakeliui į pinigų sąjungą* (имеется в виду единая европейская валюта) // *Vakarų civilizacijos kelią*.

III.1.1.2.2. Проблемы – это болезнь

Текстовые реализации метафоры болезни в ежегодных посланиях президента не столь частотны, как метафоры пути, однако они есть и

наводят на определенные выводы относительно тактик убеждения, основанных на этой когнитивной структуре.

Так, в посланиях президента болезнью именуется коррупция, например:

Nežabojama korupcija tampa nacionalinio saugumo problema. Tai rimta valstybės liga (2000).

Осмысление проблем в качестве наступившей субъекта болезни, как нам представляется, позволяет говорящему снять с себя часть ответственности за происходящее, т. к. болезнь часто вызывают другие субъекты действия – микроорганизмы, бактерии (хотя от самого человека тоже зависит, в какой степени его организм будет устойчив к вредному воздействию инфекции).

Иные проблемы метафорически именуются пороками (*akivaizdžios mokesčių administravimo ydos*). Лексема «порок», на первый взгляд, свидетельствует необязательно о болезни, исходя из основного значения этого слова, речь может идти о недостатках, но в медицинской терминологии соответствующий термин есть – *porok / yda*.

Во всяком случае, проблемы доставляют болезненные ощущения (*esant viena skaudžiausių šiandienos problemų*), после переживания которых предполагается поправка (*kad mūsų ekonomika atsigautų greičiau, kad jos atsigavimą realiai pajustų dauguma Lietuvos žmonių*) – в литовском языке значения слова «atsigauti» 1. опомниться, очнуться, прийти в себя; ожить. 2. поправиться поправляться (например, после болезни).

Метафора болезни делает возможным дальнейшее осмысление проблемных ситуаций в терминах, соответствующим возможным следствиям из нее: смерть или выздоровление, больной и лечащий, симптомы и причины, способы лечения и профилактики.

Рассматриваемая метафора характерна лишь для ранних посланий президента Литвы, в отличие от метафор пути и рассматриваемых ниже метафор экзамена и бизнеса.

III.1.1.2.3. Политика – это экзамен

Переживание кризиса в стране, принятие вызовов времени осмысливается в президентских посланиях как экзамен. Примеры:

Lietuvos ūkis... išlaikė Rusijos krizės egzaminą. Deja, šio egzamino neišlaikėme mes, šalies valdžia (2000).

Naujų augimo galimybių Lietuvai atveria narystė Europos Sąjungoje. Bet tai – ir rimtas iššūkis... Tai ir skaidrumo bei politikų moralinio atsparumo egzaminas... (2005).

Метафора экзамена предполагает ситуацию обучения, существования двух сторон – более компетентной, проверяющей и оценивающей уровень знаний, и – доказывающей состоятельность претензий на признание своей квалификации. Очевидно, что при осмыслении политики как экзамена экзаменуемым субъектом является власть в Литве, а также и все общество вместе с ней. Членство в Евросоюзе также является учебной ситуацией для говорящего, например:

Kaip minėjau, viena aktualiausių valstybės užduočių laikau pasirengimą panaudoti Europos Sąjungos struktūrinių fondų lėšas, įvertinus ir kitų šalių patirtį, ir mūsų beveik dvejų metų narystės Europos Sąjungoje pamokas (2006).

В данном примере к фрейму экзамена относятся лексемы задания и уроки. Как правило, перед сдачей экзамена экзаменуемый выполняет ряд заданий и учит уроки.

Текстовые реализации метафоры экзамена в президентском дискурсе не характеризуются высокой частотностью, но о том, что они знаковые, свидетельствуют результаты нашего анализа литовского общественно-политического дискурса. Так, например, свойственные литовской политической жизни скандалы именуется экзаменом, а также выборы, на которых граждане выбирают верный / неверный ответ в бюллетене (см. раздел III.2). Поскольку метафора экзамена в дискурсе В. Адамкуса высвечивает не все стороны ситуации (например, не ясно, кто учитель, экзаменатор), можно говорить о расплывчатости изображаемых как экзамен ситуаций в литовских президентских посланиях.

III.1.1.2.4. Политика – это бизнес

Политическая жизнь, принимаемые властью решения в президентских посланиях получают номинации из предпринимательской сферы. Так, например, политика, как бизнес, может пережить банкротство:

Laikas atvirai pripažinti: ligšiolinė tuščių pažadų ir gaisrų gesinimo politika yra žlugusi. Jos bankrotą skaudžiausiai pajuto žemdirbiai ir jų šeimos (2000).

В поддержание политических структур можно вносить *вклад*, будущее имеет *цену*, все вместе – это *инвестиции*. Данные лексемы, возможно, являются стертыми языковыми метафорами, но сосредоточенность банковской терминологии в микроконтексте наводит на мысль, что говорящий осмысливает политику как предпринимательскую деятельность, например:

...Įnešę į šią sąjungą (NATO. – V. M.) savo indėlį. Tai reali mūsų ir ateities kartu saugumo kaina. Juo greičiau įsijungsime į Vakarų demokratijos gynybos bendriją, juo greičiau šios investicijos atsipirks... (2000).

Термины из сферы бизнеса используются и по отношению к человеку, который может выполнять функцию места вложения капитала (*investicijas į tas sritis, kur kapitalo graža didesnė, nors ir lėtesnė – visų pirma, į žmones // būtiną investicijas į žmones*), и по отношению к плану развития государства (*esame bendra Lietuvos komanda, kurianti ir įgyvendinanti bendrą Lietuvos projektą*).

Метафоризация политики как бизнеса не нова: в известной работе Дж. Лакоффа (1991) показано, что эта метафора использовалась в американском политическом дискурсе для оправдания войны в Персидском дискурсе. Еще знаменитый военный теоретик XVIII-XIX вв. К. Клаузевиц доказал могущество метафоры Политика – это бизнес¹: «Война оправдана, когда при ее помощи можно получить больше, чем отказавшись от нее. <...> Метафора Клаузевица является отличной экспертной метафорой, поскольку она требует знания

¹ Т. н. метафора Клаузевица звучит так: Война – это политика, проводимая другими средствами.

специалистов в области вычисления политических “расходов” и “доходов” (Будаев, Чудинов 2006: 63-64)».

* * *

Исследование когнитивных структур ежегодных посланий В. Адамкуса позволило нам прийти к следующим выводам относительно используемой в них техники аргументации:

– повтор идей ориентации на Запад и демократию работает на внедрение данных ценностей в сознание адресата, т. е. тут речь идет скорее о внушении, нежели об убеждении;

– концептуализация проблем как болезни позволяет говорящему отмежеваться от причастности к появлению нежелательной ситуации;

– концептуализация политики как пути, характерная как для ряда политических дискурсов, так и для осмысления деятельности человека в целом, позволяет говорящему показать развитие ситуации как приближение к желаемым целям; при этом сами цели очерчены в общем виде – через «парольные слова» (Евросоюз, НАТО);

– концептуализация политики как экзамена, что является специфическим элементом литовской политической культуры, способствует утверждению в сознании аудитории образа не вполне самостоятельной страны, во главе которой стоит говорящий;

– концептуализация политики как бизнеса подготавливает адресата к принятию аргументов, апеллирующих к извлечению выгоды (например, использование материальных ресурсов Евросоюза; пребывание у руля государства заботящейся о гражданах личности – такой, как говорящий).

III.1.2. Логико-риторические структуры аргументации

III.1.2.1. Универсальная аргументация

В данном разделе анализируется обосновываемый при помощи универсальной аргументации тезис «**Страна развивается в верном направлении**». Так же, как в ежегодных посланиях российского

президента (см. раздел П.1.2.1), тезис «Страна развивается в верном направлении» содержится в текстах посланий литовского президента В. Адамкуса в имплицитной форме. Причины для выделения тезиса «Страна развивается в верном направлении» и формулировки его именно таким образом – те же, что и в случае анализа посланий В. Путина: В. Адамкус также приводит примеры достижений страны за истекший год, что позволяет слушателям делать обобщение, приводящее к мысли о том, что вектор государственного строительства был избран верно.

Исследование показало, что перифразы тезиса «Страна развивается в верном направлении» можно увидеть в зачине каждого из посланий. В этих перифразах задается тема сообщения – например, *этап развития*, теме приписываются ремы – например, *удачно, суметь, выиграть*. Заданные в начальных частях всех рассматриваемых посланий В. Адамкуса темы и ремы таковы:

Год	Тема	Рема
2000	Lietuvos permainingos	a) Laimėjimai b) Problemos
2001	a) Lietuvos permainingos b) Pradėti darbai	a) Problemos b) Nuoseklumas, išbaigtumas, stabilumas
2002	Kuriantis Lietuva	Demokratinė tvarka, augantis ūkis, pakvietimas į NATO, derybos dėl ES, gerai suderinti ... žingsniai, naujas raidos etapas
2003	Valstybės raidos etapas	Kryptinga politika, modernizavimas, stipri (valstybė), pripažįsta
2005	Nacionalinis raidos etapas	Sėkmingai įveiktas, sėkmė, laimėta daug
2006	Lietuvos dabartis Ateities perspektyvos	Laimėjimai, sparti ūkio plėtra, demokratėjimas, gerovės kilimas
2007	Lietuvos demokratinė sistema	a) Tikėjimas idealais, pasitikėjimas, bendros pastangos, sėkminga politika, pažanga b) Stoka, krizė

Обобщив заявленные в начальных частях посланий темы и ремы, мы пришли к такой формулировке главной обосновываемой мысли посланий, как «Страна развивается в верном направлении» (несмотря на то, что на пути ее развития есть проблемы). Приписывание теме *Литвы* рем *problemos, krizė* (как видим, это т. н. негативные смыслы, как бы противоречащие сформулированному нами тезису об успешности развития страны), на наш взгляд, объясняется традициями дискурсивных

практик, называющих себя демократическими: это отказ от мифологизации действительности и возможности умалчивать о существующих проблемах, ошибках и препятствиях, на пути к поставленным целям.

Ниже мы подробнее говорим о содержании рассматриваемого нами тезиса «Страна развивается в верном направлении».

III.1.2.1.1. Тезис «Страна развивается в верном направлении»

Данный тезис, лейтмотив ежегодных посланий президента, в тексты вводится в перифразах такого рода:

Mes, Lietuva, atstatėme savo valstybę, sugrįžome į civilizuotą pasaulį, esame pajėgūs jame gyventi ir susikurti savo bei vaikų gerovę čia, savo tėvynėje (2001).

Per ligšiolinį valstybės raidos laikotarpį mes sukūrėme veikiančią demokratinę politinę sistemą, per kitą - turėsime ją išplėtoti ir sutvirtinti (2002).

Истинность избранного пути развития общества и необходимость действовать согласно намеченному плану президент постулирует на протяжении всех посланий.

Juo labiau kad atsiranda politikų ir intelektualų, kurie stengiasi tokioms nuomonėms (į Europos Sąjungą ir NATO = į naują vergiją – V. M.) pataikauti, mėgina grįžti į tautinio atgimimo dienas ir iš naujo leisti į ano meto diskusijas dėl Lietuvos raidos krypties (2000).

Рассмотрим подробнее, каким образом говорящему удается провести мысль о том, что страна развивается в верном направлении - реализации этой цели служит подразделение основного тезиса на ряд подтезисов.

III.1.2.1.1.1. Подтезис «Настоящее – образ будущего»

Утверждается, что **в настоящем уже проявляется образ желательного будущего**, особенно часто данная мысль высказывалась в 2000-2003 гг. Примеры:

Taigi per pastaruosius metus atsidūrėme naujoje tikrovėje: joje mūsų priimtas sprendimas jungtis į euroatlantines struktūras jau yra visuotinai pripažįstamas kaip esminis savarankiškos valstybės apsisprendimas. Ši nauja tikrovė suteikia Lietuvai kur kas daugiau stabilumo nei iki šiol (2001).

...Sukūrėme veikiančią demokratinę politinę sistemą, per kitą – turėsime ją išplėtoti ir sutvirtinti (2002).

Согласно посланиям литовского президента В. Адамкуса продолжения в будущем достойны такие аспекты настоящего:

- укрепление демократической системы (*demokratinę politinę sistemą*),
- закрепление в западном демократическом пространстве (*įsitvirtinti Vakarų demokratijos erdvėje*),
- усиление конструктивных литовских политических партий (*tvirtėjančias konstruktyvias Lietuvos politinių partijų jėgas*),
- последовательная внешняя политика (*nuosekliai tęsia užsienio politiką*),
- стабильность (*daugiau stabilumo*),
- интеллектуальное творчество (*intelektualinė kūryba*).

Как видно из результатов, изложенных в главе II.1.2.1.1. о введении рассматриваемого тезиса российским президентом в его ежегодные послания, описание текущей ситуации, должной продлиться в будущем, т. н. настоящего-будущего, в российском и литовском президентском дискурсах отличается: российский президент большое внимание уделяет экономической стороне развития страны, литовский президент – укреплению демократического строя. Следует, однако, отметить, что эта черта, экономические пространные экскурсы В. Путина и демократические – В. Адамкуса, характерна именно для тех мест в посланиях, в которых субъект говорит о необходимости продолжения достигнутого. В иных фрагментах посланий оба президента заявляют приверженность демократическим ценностям и озабоченность вопросом развития экономики страны. Отличие, замеченное нами, возможно, связано со сферами ответственности каждого из президентов: например, литовский президент отвечает преимущественно за внешнюю политику.

III.1.2.1.1.2. Подтезис «Важнейший этап взятого курса пройден»

В. Адамкус в ежегодных послания подчеркивает, что Литвой один из важнейших этапов развития согласно намеченному плану уже пройден:

...Šiandien baigiame įveikti vieną svarbų Lietuvos nepriklausomybės įtvirtinimo etapą. Jo pabaigą sieju su strateginiais šių metų siekais: Lietuvos pakvietimu į NATO ir numatytomis baigti derybomis dėl narystės Europos Sąjungoje (2002).

...Sulaukėme kvietimo įsijungti į Šiaurės Atlanto Aljansą ir baigėme derybas dėl narystės Europos Sąjungoje. Taigi įveikėme vieną svarbų valstybės raidos etapą (2003).

Minėjome kaip Vakarų bendruomenės – Europos Sąjungos ir NATO – nariai. Taigi vienas svarbus nacionalinės raidos etapas sėkmingai įveiktas (2005).

Можно увидеть, что во всех приведенных цитатах речь идет о таком этапе пути страны, как вступление ее в НАТО и Евросоюз, то есть путь достижения намеченных целей, а именно – укрепления литовской демократической системы, представлен в литовских президентских посланиях более очевидным образом, нежели достижение целей экономической и политической стабильности в посланиях российского президента, так как путь Литвы предполагает последовательный ряд шагов, один из которых – членство в названных структурах. Однако, остается непроясненным, каковы должны быть с точки зрения президента последующие этапы следования избранному курсу, поскольку об этом в посланиях не говорится. Отметим также то, что в приведенных выше цитатах говорится именно о *преодолении* этапа (*įveikti, įveikėme, įveiktas*).

III.1.2.1.1.3. Подтезис «Движение к лучшему непрерывно»

Выбор слов и конструкций – *greičiau ir sėkmingiau, labiau, jau veda ir vis aktyviau ves, tolesnei* – передает мысль о **непрерывности движения к лучшему**, например:

...Antrąjį laisvės dešimtmetį eisime į priekį greičiau ir sėkmingiau, kad bendrame kelyje būsime labiau solidarūs, daugiau išmanantys ir pasitikintys savo jėgomis (2000).

Ne materialinių vertybių gausinimas, bet intelektualinė kūryba ir žiniomis grindžiama veikla jau veda ir vis aktyviau ves į priekį dabartinę visuomenę (2001).

Tolesnei mūsų demokratijos raidai ypatingai svarbus programoje duotas Seimo įsipareigojimas neleisti juridiniams asmenims finansuoti partijų (2002).

Рассматриваемый подтезис с тезисом «Страна развивается в верном направлении» связан следующим образом: в посланиях В. Адамкуса постоянно реализуется мысль о том, что в Литве неуклонно происходит движение вперед (*eisime į priekį, ves į priekį, raidai*). Эта идея непрерывного движения к лучшему является составной частью тезиса о движении страны в верном направлении, так как метафора движения в верном направлении предполагает изменение к лучшему.

Положение о развитии страны в верном направлении интерпретируется, во-первых, как историческая возможность:

...Dabartis mums duoda istorinę galimybę įveikti sovietinės praeities trauką, seno mąstymo, seno elgesio įpročius ir atsakingai imtis naujo bendrų reikalų tvarkymo. Imtis naujos politikos (2000).

Во-вторых, в посланиях литовского президента подчеркивается, что развитие страны в верном направлении – это заслуга всего общества:

Mes, Lietuva, atstatėme savo valstybę, sugrįžome į civilizuotą pasaulį, esame pajėgūs jame gyventi ir susikurti savo bei vaikų gerovę... (2001).

Per ligšiolinį valstybės raidos laikotarpį mes sukūrėme veikiančią demokratinę politinę sistemą... (2002).

Metų pabaigoje sulaukėme kvietimo įsijungti į Šiaurės Atlanto Aljansą ir baigėme derybas dėl narystės Europos Sąjungoje. Taigi įveikėme vieną svarbų valstybės raidos etapą. Padarėme tai kartu – laikydamiesi kryptingos ir aktyvios užsienio politikos, tęsdami Lietuvos modernizavimo darbus (2003).

Как видно из примеров, мысль о том, что все общество совместно участвует в развитии государства, передается посредством слов «мы», «мы вместе» (лит. глагольная форма 1 л. мн. ч).

При анализе того, каким образом в посланиях президентов преподносится мысль о том, что страна развивается в верном направлении, была выявлена следующая особенность: президенты, вступившие в должность с разницей в год и оба находящиеся у власти второй срок, различным образом оценивают свой вклад в следование конструктивному пути государственного строительства. В высказываниях В. Путина присутствует идея, что страна достигла того, что у нее есть,

именно в период президентства В. Путина (см. Главу II.1.2.1.1). В ежегодных посланиях литовского президента В. Адамкуса выражается мысль о том, что развитие Литвы в верном направлении является заслугой всего общества.

С одной стороны, данное наблюдение – заслуга президента в России и общества в Литве в следовании истинному курсу – подчеркивает кажущийся очевидным факт, что в России широкие полномочия президента предусмотрены конституцией страны и его речевая деятельность воспринимается как директивный речевой акт, а в Литве речевая деятельность президента носит скорее характер акта рекомендации. С другой стороны, получателям текстов предлагается модель социальной реальности: в российской модели именно президент ведет страну верным путем, в литовской модели развитие страны осуществляется всеобщими усилиями.

III.1.2.1.2. Аргументы

Для обоснования данного тезиса в посланиях литовского президента приводятся следующие аргументы:

- 1) власть принимает конструктивные решения,
- 2) результат работы власти положителен во многих аспектах,
- 3) цифры свидетельствуют о подъеме и росте.

В предыдущей главе, посвященной аргументации в российском политическом дискурсе, речь шла о тех же аргументах в посланиях В. Путина, и мы позволим себе повториться, показав, что логическая связь данных трех аргументов с тезисом «Страна развивается в верном направлении» представляет собой связь между выводом (тезис) и малой посылкой (рассматриваемый нами один из трех аргументов) в условно-категорическом умозаключении *modus ponens*. Например:

Если власть принимает конструктивные решения, то страна развивается в верном направлении (опущенное общее положение).

Власть принимает конструктивные решения (содержащийся в посланиях аргумент).

Следовательно, страна развивается в верном направлении (доказываемое положение).

Формально связь между суждениями корректна (от утверждения основания делается переход к утверждению следствия), но истинность имплицуемой большой посылки не является доказанной (в большой степени из-за расплывчатости значения понятия «верное направление»).

III.1.2.1.2.1. Аргумент «Власть принимает конструктивные решения»

Данный аргумент приводится литовским президентом в таких высказываниях, как, например:

Gerai, kad Vyriausybė pagaliau pripažino nedarbą esant viena skaudžiausių šiandienos problemų ir ėmėsi „Užimtumo didinimo programos“. Gerai, kad Vyriausybės veiksmų plane numatyta įgyvendinti „Skurdo mažinimo strategiją“. Tai ypatingos svarbos darbai (2001).

Tiesa, šiandien turime ir neblogų strateginių dokumentų, ir pasirašytą Nacionalinį susitarimą siekiant ekonominės ir socialinės pažangos (2003).

Praėjusiais metais šalies partijos, pasirašydamos susitarimą dėl pagrindinių užsienio politikos principų ir tikslų, parodė savo politinę brandą ir atsakomybę. Dabar raginčiau šiuos tikslus kuo greičiau įgyvendinti (2005).

В приведенных (и иных примерах) президент называет подписанные правительством решения, а также соглашения, принятые партиями. Особенность данных аргументов заключается в том, что президент не отождествляет себя и власть, говорит не от лица «мы» (как В. Путин), он называет субъектов действия (или обращается к ним): *Gerai, kad Vyriausybė pagaliau pripažino... // Sveikinu šiemet Jūsų patvirtintą...* Свою роль в принятии конструктивных решений президент также обозначает: *Remsiu Jūsų darbus ir pats dėsiu visas pastangas... // Dabar raginčiau šiuos tikslus kuo greičiau įgyvendinti.*

Аргумент о конструктивности принимаемых решений в посланиях литовского президента использовался и в ранних, и в более поздних посланиях (В. Путиным – в начале первой каденции, 2000-2001 гг.)

III.1.2.1.2.2. Аргумент «Результат работы власти положителен»

Данное положение, прежде чем послужить обоснованием для доказательства тезиса, что страна развивается в верном направлении, само нуждается в обосновании, сначала аудитория должна убедиться в его достаточности, лишь тогда мысль о результативности работы власти сможет выполнять роль аргумента. Состоятельность данного аргумента президент Литвы В. Адамкус доказывает – утверждая, что 1) экономика растет и вместе с тем благосостояние народа улучшается, 2) успех Литвы признает мировое сообщество, 3) успешно проводятся реформы систем образования, судебной и армии.

Рассмотрим, каковы характеристики приводимых в посланиях президента примеров из каждой названной тематической группы. Во-первых, о росте экономики президент говорит на протяжении и ранних, и более поздних посланий: *sukūrėme veikiančią rinkos ūkį* (2002), *krinta į akis sparti ūkio plėtra // auga ekonomika* (2006). В начале двухтысячных годов президент отмечал, что условия роста экономических показателей не столь благоприятны, но, тем не менее - частный бизнес (и просто граждане) уже были в состоянии оказывать материальную поддержку социальным структурам (гуманизация общества?), например:

Noriu pastebėti, kad vien pernai, net esant ypač sunkioms ūkio sąlygoms, Lietuvos įmonės ir asmenys suteikė beveik 50 milijonų litų vertės labdaros (2000).

В более поздних посланиях примечательным является то обстоятельство, что, говоря о росте экономики в период после вступления Литвы в Евросоюз, президент акцентирует внимание на факте помощи Литве из фондов Евросоюза, например:

Sugebėjome stabilizuoti kainas ir sukurti sąlygas stabiliam bei stipriam litui. Todėl dabar, pakeliui į pinigų sąjungą, esame vieni pirmųjų naujųjų Europos Sąjungos narių (2005).

...Sparti ūkio plėtra, visuomenės demokratėjimas ir laipsniškas gerovės kilimas. Šias tendencijas patvirtina statistika, o efektyviai pasinaudojus Europos Sąjungos teikiamomis galimybėmis, turėtų toliau didėti pajamos (2006).

Auga ekonomika, vis sėkmingiau dalyvaujame Europos ir pasaulio rinkose, turime galimybę pasinaudoti ES struktūrinių fondų lėšomis (2006).

Особенно частотны в посланиях примеры того, как улучшается благосостояние народа Литвы. (Напомним, что аргумент о повышении доходов населения является обоснованием для тезиса, что власть работает результативно; тезиса, который, будучи доказанным, в свою очередь – служит аргументом для доказательства мысли о том, что страна идет верным путем.) Аргументы о повышении уровня жизни не только следуют из послания в послание – они последовательно развиваются, для наглядности приведем дату послания перед примером из него:

2000 г. – baigiama tobulinti dabarties visuomenei itin svarbi „Skurdo mažinimo strategija”;

2002 г. – pasiekėme du tikslus: sukūrėme veikiantį rinkos ūkį... Per būsimą raidos laikotarpį turime įveikti ekonominį krašto atsilikimą;

2003 г. – pajamos gana sparčiai auga // Teigiamas ūkio permainingas turi pajusti ir mažas pajamas gaunantys;

2005 г. – turime pagrindo didžiuotis savo pinigų politika ir valiutų taryba. Sugebėjome stabilizuoti kainas;

2006 г. – galime pasidžiaugti, kad pastaraisiais metais gyventojų pajamos vidutiniškai augo sparčiau nei kainos.

Из цитат видно, что Литва постепенно достигает поставленных целей относительно уровня жизни граждан, в поздних посланиях это позволяет говорящему оценивать ситуацию, как такую, которой можно гордиться (*didžiuotis*) и радоваться (*pasidžiaugti*).

Во-вторых, для доказательства положения эффективности работы власти привлекаются аргументы о признании успешности развития Литвы мировым сообществом. В одном из ранних посланий – *mūsų valstybės raidą pernai įvertino tarptautinė bendruomenė* (2000), в середине анализируемого периода - *įveikėme vieną svarbų valstybės raidos etapą... laikydamiesi kryptingos ir aktyvios užsienio politikos, tęsdami Lietuvos modernizavimo darbus... Pasaulis mus pažįsta ir pripažįsta* (2003); *vertinant Lietuvos laimėjimus, krinta į akis sparti ūkio plėtra... Susitikęs su įtakingiausių užsienio šalių vadovais, esu girdėjęs labai palankių*

žodžių apie mūsų šalį (2006). Данное наблюдение коррелирует с данными приведенных выше результатов анализа когнитивных структур аргументации в посланиях президента (а также в следующих ниже разделах – представителей партий и публицистического дискурса): в порождении идеологизированных текстов в дискурсе Литвы участвует метафора ЭКЗАМЕНА. Когнитивные структуры, по-видимому, являются общими как для субъекта дискурса, так и для получателей текстов (по Х. Перельману, общие для оратора и аудитории ценности, на которых строится аргументация). Таким образом, если получатель текстов также осмысливает политические процессы в терминах экзамена (Политика – это экзамен: следовательно, есть экзаменаторы, которым сдают экзамен литовские политики), то аргумент о признании мировым сообществом успешности развития Литвы будет для получателей текстов иметь немалый вес.

В-третьих, в посланиях президента употребляются такие примеры-аргументы для доказательства положительных результатов работы власти, как реформы важных сфер жизни – судебной системы:

Neseniai priimtas Teismų įstatymas sustiprino Lietuvos teismų savivaldą. // Per devynerius veiklos metus sustiprėjo Lietuvos Konstitucinis Teismas. Manau, kad Seimas jau galėtų aptarti ir šio teismo veiklos tobulinimą (2002).

Армии:

Lietuvos kariuomenė šiandien tampa vis profesionalesnė, pajėgi vykdyti tarptautinius šalies išpareigojimus ... turime tęsti ir spartinti šalies ginkluotųjų pajėgų modernizavimą (2002).

Системы образования:

Per dvylika nepriklausomybės metų Lietuva įveikė totalitarinės sistemos palikimą ir suformavo demokratinę mokyklą... Ją dar turime tobulinti (2002).

На наш взгляд, примечательными в аргументах о реформах являются следующие моменты: во-первых, объем данных аргументов мал – они не частотны и не пространны. Во-вторых, в каждом из приведенных примеров можно увидеть, что говорящий предполагает продолжение начатых плодотворных действий (*tobulinimą, tęsti ir spartinti, tobulinti*) – однако в дальнейших посланиях развития данных аргументов мы не видим. Лишь относительно системы образования в 2005 г. было сказано,

что *Lietuva sugebėjo pradėti švietimo reformą, kuri ir toliau tęsiama*. Аргумент о системе образования примечателен также тем, что, несмотря на лаконичность, он имеет большой вес для тех, кто разделяет ценностные ориентиры главы государства. Мы имеем в виду базовые оппозиции демократия ~ антидемократия и Запад ~ Восток. Школе прошлого, как видно из примера, присвоен ярлык «наследие тоталитаризма», школа настоящего-будущего именуется «демократической».

III.1.2.1.2.3. Аргумент «Цифры свидетельствуют о подъеме и росте»

Тезис «Мы на верном пути» обосновывается также положительными результатами работы, представленными в рядах цифр, в литовских ежегодных посланиях президента это делается реже, чем в российских. В ранних посланиях цифры иллюстрируют экономические достижения, например:

Pernai krašto bendrasis vidaus produktas padidėjo trim ir trim dešimtosiom nuošimčio. Per praėjusius metus apie 30 procentų išaugo šalies eksportas, padidėjo pramonės produkcijos gamyba (2001).

Больше всего цифр (свидетельствующих о переменах к лучшему) мы видим в послании 2003 г. Может быть, это обстоятельство обусловлено тем, что через два месяца после произнесения этой речи должен был состояться (и состоялся) референдум о вступлении Литвы в Евросоюз. Президент, как известно, являлся активнейшим сторонником идеи вступления Литвы в НАТО и Евросоюз, и цифры, приводимые в качестве обоснования результативности работы власти, могли также сыграть свою роль для выбора гражданами «правильного» ответа на референдуме. Пример:

Pernai bendrasis vidaus produktas padidėjo 5,9 nuošimčio. 14 nuošimčių per metus išaugo tiesioginės užsienio investicijos. Infliacija neviršijo nė pusės nuošimčio. Eksportas padidėjo dešimtadaliu. Sumažėjo einamosios sąskaitos deficitas. Negalutiniais duomenimis, pernai nacionalinis biudžetas gavo beveik 1 milijardu 250 milijonų litų daugiau pajamų negu užpernai. ...Pernai mažmeninė prekyba šalyje padidėjo daugiau nei 12 nuošimčių. Žmonių indėliai

komerciniuose bankuose išaugo 500 milijonų litų – daugiau nei 8 nuošimčiais (2003).

Как уже было сказано в соответствующем разделе о посланиях российского президента, приведение цифр создает представление объективности достижений, вместе с тем, с одной стороны, они должны быть доступны эмпирической проверке, а с другой – взятые вне сравнения, они не могут дать представления о темпах экономики в сравнении с мировыми образцами.

* * *

Итак, в процессе универсальной аргументации доказывается тезис «Страна развивается в верном направлении», иллокутивной силой которого является убеждение слушателей в правомерности занимания говорящим его должности. Локутивное значение заключается в содержании подтезисов и аргументов (в которых описывается положение дел в стране, что является дескриптивным речевым актом, и приводятся доводы в пользу положительной оценки описываемых явлений, что является оценочным речевым актом). Оценочные речевые акты, работающие на доказательство тезиса, в то же время являются аргументативными речевыми актами. Перлокутивным эффектом данных речевых актов – дескриптивного, оценочного и аргументативного – является положительная оценка состояния дел в стране.

III.1.2.2. Контекстуальная аргументация

Говоря о контекстуальной аргументации, мы рассматриваем такие способы убеждения аудитории в обоснованности выдвигаемой идеи, как апелляция к вере, авторитету, традиции, интуиции. Проведенный анализ позволяет утверждать, что для текстов посланий президента Литвы В. Адамкуса характерно внедрение в сознание реципиентов названными способами того же тезиса, что и в соответствующей главе об аргументации у В. Путина, – «Я понимаю ваши проблемы и могу их решить», благодаря которому аудитория убеждается в

высоконравственности говорящего и в том, что интересы обеих сторон совпадают.

III.1.2.2.1. Тезис «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить»

Данный тезис сформулирован нами в ходе исследования, в текстах ежегодных президентских посланий мысль, выраженная в сформулированном нами тезисе, присутствует в имплицитной форме (так же, как и тезис «Страна развивается в верном направлении», и так же, как оба рассматриваемых тезиса – в дискурсе В. Путина).

О сложности в установлении закономерностей введения перифраз рассматриваемого тезиса мы уже говорили в аналогичной главе о дискурсе В. Путина. Повторимся, тезис «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить» является второстепенным для ежегодных посланий президента, т.к. адресован он вторичной аудитории – не присутствующим «здесь и сейчас» коллегам, а электорату, находящемуся с другой стороны телевизионных экранов.

Примеры перифраз тезиса:

Nes visi valstybės ir Lietuvos žmonių reikalai man yra savi. Už sėkmingą ar nevykusį jų tvarkymą jaučiu ir piliečio, ir valstybės vadovo atsakomybę (2000).

Visuomenės teisingumo jausmas šiandien pažeidžiamas ir dėl esamų įstatymų spragų. Todėl tikiuosi, kad Jūs, gerbiamieji Seimo nariai, pritarсите mano pateiktoms Baudžiamojo proceso kodekso pataisoms ir patobulinsite... (2001).

Президент, как видно и из приведенных цитат, утверждает, что воспринимает людские чаяния как свои собственные, подтверждает уровень своей ответственности, служит посредником между обществом и Сеймом, зная проблемы общества и пути их решения посредством законотворчества работников Сейма. Во многих перифразах рассматриваемого тезиса президент объединяет себя с аудиторией посредством местоимения «мы» и глагольных форм 1 л. мн. ч., например:

...Kokia mūsų dabartinė padėtis, ką šiandien bendromis pastangomis turėtume nuveikti savo ir savo vaikų gerovei? Naujo amžiaus ir naujo tūkstantmečio išvakarėse šie klausimai mums, Lietuvos tautai, yra itin svarbūs (2000).

Privalome nustatyti aiškia ir griežta tvarka, kaip turi būti administruojamos iš visų mūsų, mokesčių mokėtojų, surinktos biudžeto lėšos (2002).

Однако, будучи одним из нас / вас, президент предстает в своих посланиях более сведущим и способным на ответственное действие, недаром ему лично пишут письма жители Литвы (они в посланиях неоднократно цитируются), например:

Šios permainos tokios greitos, kad ne visada spėjame jas apmąstyti, paveikti, nukreipti norima linkme. Daliai žmonių jos atrodo nesuprantamos ir bauginančios, įprastą gyvenimą griaunančios. Skaitydamas Lietuvos piliečių laiškus, pastebiu juose vis daugiau netikrumo ir nusivylimo (2000).

Сначала говорящий интимизирует общение, сливаясь с народом (глаголы 1 л. мн. ч.), из следующей фразы видно, что народ разделен на понимающих и не принимающих перемен, причем президент относится к первым, далее – именно к президенту обращены письма тех, кто страшится перемен и, по-видимому, не имеет возможности обратиться за поддержкой к кому-то другому, как только к такому крупному авторитету в государстве как президент. Кроме того, для президентских посланий В. Адамкуса в большой степени характерно использование сослагательного наклонения (*raginčiau, norėčiau*), что позволяет говорящему выражать директивы в форме пожеланий и предложежий; обещание предпринять необходимые меры (*pats dėsiu visas pastangas*); выражение готовности действовать сообща (*kūrėme ir kursime kartu*). Именно поэтому для формулировки рассматриваемого в данном разделе тезиса мы избрали глагол «помогу»: «Я понимаю ваши проблемы и **помогу** их решить» (позиция российского президента представляется в большой степени патерналистской, поэтому для формулировки аналогичного тезиса в дискурсе российских президентских посланий был использован глагол «могу»: «Я понимаю ваши проблемы и **могу** их решить»).

В терминологии теории речевых актов убеждение аудитории в истинности тезиса «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить» является репрезентативом, слушатель же подводится к тому, чтобы принять тезис «*Знайте / Верьте, что я понимаю ваши проблемы и помогу их решить*». Локутивным значением контекстуальной

аргументации является содержание аргументов *ad populum* и *ad verecundiam*, иллюстрацией – повышение степени доверия аудитории к говорящему через описание своего взгляда на то, какие проблемы есть у людей и каким образом говорящий предполагает их решить. Перлокутивный эффект – положительная оценка личности говорящего.

III.1.2.2.2. Аргументы *ad populum*

Тезис «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить» поддерживается аргументами *ad populum* «Я забочусь о людях» и «Я привержен национальным ценностям». Видно, что эти аргументы (сформулированные нами в результате обобщения идей множества схожих по смыслу высказываний) сами для начала нуждаются в обосновании для того, чтобы действительно выполнить функцию аргументов. И говорящий делает это – приводит множество примеров, доказывающих состоятельность аргументов о заботе и национальных ценностях.

Я забочусь о людях. Во-первых, президент предстает нравственным человеком – выражая на протяжении всех своих ежегодных посланий сочувствие маленькому человеку: среднестатистическому гражданину (*deja ... jos (visuomenės. – V. M.) gyvenimas netapo geresnis. Nedarbas tebėra didelis; mūsų žmonių praktikuojami uždirbti pinigai*), отдельное внимание обращая на пенсионеров и молодежь (*mažos senatvės ir invalidumo pensijos neužtikrina oraus žmonių gyvenimo; jaunimo nedarbo lygis Lietuvoje du kartus viršija Europos Sąjungos valstybių vidurkį*). Президент выражает сожаление, что в Литве существует большой разрыв между богатыми и бедными (*kontrastai per daug dideli*), сопереживает бедствующим (*pašalpi nesulaukia nepajėgiančios vaikų išmaitinti motinos, be atlyginimų gyvena mokytojai, užsidirbtų pinigų negali atgauti žemdirbiai ir įmonių darbininkai*), ощущает боль, видя несправедливость (*naujas mašinas už mokesčių mokėtojų lėšas perkasi nauji merai..., o kaimo žmonės sėda į kalėjimą už naminį alų. Tai skaudina*).

Апеллируя к чувствам публики, говорящий делает это при помощи различных риторических средств, способствующих воздействию на психические структуры реципиента, например:

Kiek praradome, tuščiais pažadais maitindami Lietuvos kaimą. Kiek jaunimo palikome be išsilavinimo ir profesijos, sulėtinę numatytus švietimo reformos darbus. Kiek žmonių ateityje neteks saugesnės senatvės, delsiant pertvarkyti socialinės apsaugos sistemą. Ar turėtume dabar tiek bedarbių, jei daugiau dėmesio būtume skyrę smulkiam ir vidutiniam verslui plėtoti? (2000).

В приведенном примере способ организации текста – три анафоры и риторический вопрос – усиливает воздействие аргумента заботы о людях, т. к. содержание высказывания благодаря форме становится более драматичным.

Благополучие народа, ценность человека президент объявляет главной целью деятельности своей и власти стране в целом (так же, как президент России и представители партий, как показал анализ; выше мы уже говорили о том, что это, по-видимому, характерно для всякой власти). Примеры:

...Lietuvos ūkis ir juo pagrįsta žmonių gerovė – vienas svarbiausių valstybės siekių... // Lietuvai tapus Sąjungos nare, mus pasieks iš Europos fondų, bus panaudoti iš tiesų efektyviai – mūsų krašto modernizavimui, mūsų žmonių ilgalaikės gerovės kūrimui (2002).

Žmogus, jo gyvybė, jo sveikata, jo orumas, šioje skalėje privalo būti išskirtas kaip aukščiausia vertybė (2002).

Примечательным моментом в использовании аргумента «Я забочусь о людях» является то, что, объявляя благополучие народа высшей целью, президент делает ставку на самостоятельность человека, акцентирует внимание на том, что многое все же зависит не от государства, а от личности (напомним, что президент России в подобном случае говорит о необходимости государства в большей степени защищать человека, опекать его). Иллюстрации к этому положению можно найти в большинстве ежегодных посланий президента:

...Mūsų valstybė neturi aukštesnio siekio už visapusę savo piliečių gerovę. Jos siekdami, viešajai politikai šiandien privalome kelti tris strateginius tikslus. Pirmasis jų – išlaisvinti žmogaus iniciatyvą, stiprinti jo savarankiškumą ir atsakomybę... (2001).

Jos (valdžios. – *V. M.*) pareiga - sudaryti piliečiams sąlygas kaupti savo lėšas savo sveikatos apsaugai, savo senatvės pensijai. ... ne laukti malonės iš valdžios,

bet imtis asmeninės atsakomybės už savo likimą. Mūsų socialinė politika bus veiksminga, jei sugebėsime ją pagrįsti asmens ekonominio savarankiškumo... (2002).

Valstybė turi padėti žmonėms, tačiau ne vien pašalpomis ar kita laikina pagalba. Sudarydama sąlygas piliečiams šviestis, stiprėti, ugdyti savo gebėjimus, tapti ištis savarankiškais, ji patikimai tarnaus žmonėms ir tautos ateičiai (2005).

Очевидно, что апелляция к самостоятельности актуализирует положительный полюс рассмотренной в разделе о когнитивных структурах аргументации базовой оппозиции – демократия. Согласие аудитории с данным ценностным ориентиром предполагает, что аргументы, апеллирующие к ценностям демократии, к ним, в том числе, относятся и инициативность, право человека на самостоятельный жизненный путь, будут также не только релевантны для аудитории, но и достаточны для обоснования защищаемого положения. Апелляция к самостоятельности актуализирует также оппозицию новое ~ прежнее: противопоставляя новизне перемен балласт прошлого, президент в одном из посланий сказал:

...Tyrimas parodė, kad net laisvoje Lietuvoje mokslus einantys jaunuoliai nepakankamai suvokia šiuolaikinio demokratinio gyvenimo principus, kad jų savimonė dar smarkiai veikiama praeities inercijos. Beveik 80 nušimčių mūsų aštuntokų yra įsitikinę, kad Vyriausybė privalo užtikrinti darbą kiekvienam to norinčiam (2001).

Еще одним аргументов, обосновывающим тезис «Я забочусь о людях» (который сам, в свою очередь, служит аргументом – для тезиса «Я понимаю ваши проблемы...»), являются иллюстрации того, как президент выступает за права человека (и это тоже возбуждает оппозицию демократия ~ антидемократия). Нужно отметить, что эти иллюстрации объемны, актуальны для всех посланий, и права, к которым апеллирует президент, демонстрируя заботу о людях, весьма разнообразны, например:

право на права и свободу (*Lietuvai nepavyks įveikti politinio susvetimėjimo be patikimos žmogaus teisių ir laisvių apsaugos. Mūsų priimta Europos konstitucinė sutartis žmogaus teisių apsaugą iškelia į naują lygmenį. Piliečių teisės ir laisvės, visų lygybė prieš įstatymus turėtų būti svarbiausias valstybės prioritetą*);

право на защиту прав (*manau, kad didesnis savarankiškumas leis teismams efektyviau ginti žmonių teises // tokie veiksmai iškreipia mūsų demokratiją ir pažeidžia piliečių teises // ar neatėjo laikas suteikti teisę žmonėms, kurių teisės ir laisvės nebuvo apgintos kituose Lietuvos teismuose, kreiptis į Konstitucinį Teismą?*);

право на социальную защиту (*tikslas - sukurti šiuolaikinę socialinės apsaugos sistemą, pajėgią užtikrinti orų ir garbingą kiekvieno Lietuvos žmogaus gyvenimą // Socialinė politika, orientuota į jaunimą, į šeimą, į tautos ateitį, visų pirma turi būti nukreipta į darbą, būstą ir švietimą*);

право на равенство (*mūsų valstybė privalo visiems savo gyventojams užtikrinti vienodas ir sąžiningas bendro gyvenimo taisykles*);

право на безопасность (*kad ji [kariuomenė. – V. M.], reikalui esant, įstengtų padėti visuomenei įveikti kritines situacijas, kad užtikrindama žmonių saugumą*);

право на доступ к Интернету (*Labai svarbu, kad visos gyventojų grupės kuo greičiau patirtų tiesioginę naujų technologijų įtaką savo gerovei, kad dėl riboto šių technologijų vartojimo ateityje neliktų izoliuotų, iš žinių visuomenės išstumtų žmonių. Todėl kuriant elektroninę valdžią privalu laiku žengti ir trečią žingsnį – užtikrinti kiekvieno piliečio teisę į internetą*).

Еще одной составляющей структуры аргумента заботы о людях в поддержку тезиса «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить», является комплиментарная часть, например:

Esu tikras: Lietuvos kaime yra daug sumanių ir darbščių žmonių. Jie tikrai sugebės kurtis savo gerove, remdamiesi bendromis europinėmis taisyklėmis ir pasitikėdami savo pačių jėgomis. Ir, kas ypatingai svarbu, – pasitikėdami savo kaimynais ir su jais kooperuodamiesi (2002).

Отметим, что, даже делая комплимент, президент, как и в ряде других, рассмотренных выше, примерах, говорит о таком условии благополучия человека, как его самостоятельность: как бы государство и лично президент ни заботились о человеке, все зависит от его личных усилий.

Я привержен национальным ценностям. Для обоснования тезиса «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить», президент в своих ежегодных посланиях использует аргумент *ad populum* о национальных ценностях – возбуждая в слушателях чувство гордости за свою страну и народ, говорящий демонстрирует единичность с аудиторией – следовательно, ему можно доверять. Пример:

Išlikime sąžiningi sau, savo laikui, savo tautai. Išlikime sąžiningi Lietuvai (2005).

Не совсем ясно, что означает по совести (честно?) относится к себе и времени, но воздействие на эмоции аудитории очевидно – за счет пафоса высказывания, создаваемого обращением к «возвышенным понятиям» (*savo laikui, savo tautai*), повтора однородных синтаксических конструкций и парцелляций.

На протяжении ранних и поздних посланий президент апеллирует к ценности свободы. Приведем несколько пространный, но показательный пример:

„Mes – Lietuva“, – su tautiniu pasididžiavimu tardavo Didžiosios Kunigaikštystės bajorai. Ryžkimės pagaliau ir šiandien garsiai sau pasakyti: mes – Lietuva. Mes, Lietuva, atstatėme savo valstybę, sugrįžome į civilizuotą pasaulį, esame pajėgūs jame gyventi ir susikurti savo bei vaikų gerovę čia, savo tėvynėje. Nes mus gali jungti, mus jungia ne prievarta ir neapykanta, bet laisvė ir iš jos kylantys tarpusavio išipareigojimai. 1863 metų sukilėlio bute per kratą buvo rastas „Lietuvių katekizmas“. Jame į klausimą: „Kas yra lietuvis?“, atsakoma – „Tas, kas tiki laisve ir laikosi Statuto“. Matyt, taip į šį esminį klausimą turėtume atsakyti ir mes, laisvi laisvos žemės žmonės (2001).

Тут, говоря об идее свободы, говорящий вспоминает такие важные для литовского менталитета исторические моменты, как величие Великого княжества литовского, восстания во второй половине XIX века. Повторяющееся словосочетание *mes – Lietuva* в лаконичной форме апеллирует к чувству общности и гордости за свою страну. Дополнительный вес цитируемым словам придает расположение их в сильной позиции текста – в заключительном абзаце послания.

Если в ранних ежегодных посланиях президент напоминает народу об общенациональной исторической ценности свободы, а в 2002 г. призывает к укреплению демократии, которая способствует

пестованию ценностей свободы и прав человека (*susikurti joje patikimą demokratinę tvarką – tokią tvarką, kurioje be išlygų būtų gerbiamos ir ginamos žmogaus teisės ir laisvės*), то в 2006 г. президент говорит уже о вере в свободу, присущей на тот момент, по-видимому, многим членам общества:

Tikėkime savo laisve, savo valstybe, savo Lietuva ir darykime viską, kad kuo daugiau tokio tikėjimo rastųsi ir stiprėtų kiekviename Lietuvos žmoguje (2006).

Президент также апеллирует к ценности демократии, в нее, как и в свободу, он тоже верит, например:

Tikiu demokratinės mūsų valstybės sėkme, tikiu Lietuvos ateitimi, kurią kūrėme ir kursime kartu (2003).

Закономерной деталью является то, что аргументы *ad populum* в президентских посланиях на уровне элокуции часто получают соответствующее риторическое оформление или располагаются в сильной части текста (как правило – финале): например, приведенная выше цитата является заключительной фразой послания.

Наиболее частотно в посланиях президента воздействие на чувства слушателей посредством апелляции к нации. Нация и национальная идентичность объявляются ценностями, которые следует оберегать и пестовать: *mūsų išlikimas gyvybinga ir savarankiška tauta // išsaugoti ir kurti savo tapatybę // saugoti ir kurti savo tapatybę*. Сохранению ценности национальной идентичности может поспособствовать соответствующая идеология в системе образования, например:

Labai svarbu, kad tiek bendrojo lavinimo, tiek ir aukštoji mokykla gebėtų perduoti jaunajai kartai pilietines vertybes bei idealus, kultūrinį ir politinį mūsų tautos palikimą, būtina sėkmingam krašto ateities kūrimui (2005).

Этой идеологией, как следует из посланий президента, являются принципы демократии, например:

Atsakinga, vertybėmis ir idėjomis grindžiama demokratinė politika turi telkti mus visus į stiprią bendruomenę – į Lietuvos tautą... Pagaliau ji turi padėti išlikti mūsų tautai tvirtai ir gyvybingai grėsmių kupiname dabarties pasaulyje (2005).

Несмотря на частотность примеров апелляции к национальным ценностям – свободы и нации – некоторые примеры аргументов *ad populum*, укрепляющих моральный авторитет говорящего и

способствующих объединению говорящего и слушателей, из посланий 2005-2006 гг. следует, что в политической культуре Литвы ценностные ориентиры недостаточно четки. Примеры:

Šiandien į politiką turime susigražinti vertybes, idėjas ir principus, kurie telktų mus tiek į bendraminčių bendrijas, tiek ir į vieną Lietuvos tautą (2005).

Dažnai girdime apgailestavimų, kad šiandien patriotinės vertybės nėra tokios svarbios kaip Sąjūdžio laikais. Bet išsižiūrėję į šią problemą atidžiau, įsitikinsime, kad patriotiškumo labiausiai stinga mūsų valdžiai, politikams... Reiklus žmonių požiūris į tautos išrinktuosius, į savo valstybės tarnautojus ir jų vykdomą politiką rodo visuomenės tikėjimą valstybe, jos ateitimi. Ir valdžia neturi teisės trypti Lietuvos žmonių požiūrio, vertinimų ir savigarbos (2006).

Последний пример показывает, что президент не отождествляет себя с теми, недостаточно патриотичными, государственными деятелями (как и с народом); говорящий – это третья сторона, наделенная полномочиями устанавливать нормы (*neturi teisės*) и тем самым влиять на то, чтобы ожидания народа сбывались.

III.1.2.2.3. Аргументы *ad verecundiam*

В посланиях президент свои рассуждения подкрепляет цитатами известных авторитетов: в ранних посланиях (2000-2002 гг.) – это Священное писание и такие гуманитари, как литовский писатель, литературовед Балис Сруога; известный скрипач (родом из Риги) Гидон Кремер; американский социолог литовского происхождения, литературный критик Витаутас Каволис, американский археолог литовского происхождения, занимавшийся также проблемами лингвистики мифологией Мария Гимбутене. Приведем в пример вкрапление в текст посланий цитаты из размышлений М. Гимбутене о судьбе литовской нации:

Archeologė Marija Gimbutienė savo užrašuose yra palikusi tokius žodžius: „lietuviai nesugeba demokratiškai tvarkytis, konsoliduotis didesniems uždaviniams, nes iš vidaus veikia užkerėtos destruktijos jėgos. Mūsų tautos augimui didžiausios kliūtys – vertinimas savo parapijos masteliu, pavydas... vienu žodžiu, trūkumas šviesos, neišsikapstymas iš baudžiauninko kiauto, trypinėjimas vietoje“. Pasak garsios mokslininkės, „lietuviai giliai myli savo žemę, bet pamiršta, kad yra nariai didelio pasaulio, kuriame vyksta amžina kova dėl būvio. Šitoje kovoje būtina būti stipriam, kad išliktum. Jei ne kiekviškai, tai kokybiškai. Tautą, kuri skundžiasi nelaimingu likimu ir per tūkstantį su viršumi metų vien tik nustoja savo žemių ir žmonių, gali išgelbėti nebent tik labai didelis

ryžtas stiprėti, šviestis, kultūrėti. Idant įgytų bent moralinį svorį tautų bendruomenėje“ (2002).

Это, как представляется, смелый прецедентный текст, который не льстит народу, а заставляет думать.

Аргумент к авторитету в более поздних посланиях встречается, когда президент для подкрепления рассуждений о демократии приводит слова третьего президента Литвы (пробывшего на своем посту около полугода в 1926 г.) Казиса Гринюса:

Prisimenu Lietuvos Prezidento Kazio Griniaus žodžius: „Kalbėti apie demokratiją, kovoti už demokratiją gali būti tikrai per vėlu, bet niekada ne per anksti“ (2005).

Как видим, в основном президент обращается к аргументам *ad verecundiam* в начале двухтысячных годов, авторитетами при этом чаще являются известные представители литовской, американско-литовской интеллигенции XX века. После двухлетнего перерыва аргумент к авторитету становится вновь востребованным – при этом говорящий обращается к плодам размышлений одного из своих предшественников на президентском посту.

* * *

Исследование логико-риторических структур ежегодных посланий В. Адамкуса позволило нам прийти к следующим выводам относительно используемой в них техники аргументации:

– основные тезисы посланий («Страна развивается в верном направлении» и «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить») говорящим не эксплицируются;

– тезис «Страна развивается в верном направлении», адресованный присутствующей аудитории, вводится в начальной части текста в виде перифраз, содержащих тему сообщения (государство) и ремы (например, достижения и успехи, но вместе с тем – проблемы и кризис). С точки зрения теории речевых актов говорящий осуществляет дескриптивный речевой акт, перлокуцией которого является интерпретация услышанного адресатом как оценочного речевого акта. Иллокутивная цель субъекта

посланий – преподнести сообщение (описание, оценка и убеждение аудитории в позитивности существующего положения в стране) таким образом, чтобы достичь определенного перлокутивного эффекта: вынесения слушателями положительной оценки деятельности как руководимого субъектом посланий государства, так и его личной деятельности;

– тезис «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить», направленный к той аудитории, которая получит послание президента посредством СМИ, вводится в тексты различным образом и в более скрытой форме; иллюкутивной целью речевых актов введения данного тезиса в текст является получение доверия, перлокуцией – оценка личности говорящего;

– для введения тезиса о том, что страна развивается в верном направлении, используется подразделение основного тезиса на ряд подтезисов: а) «Настоящее – образ будущего», б) «Важнейший этап взятого курса пройден», в) «Движение к лучшему непрерывно»;

– подтезисы являются не только элементами содержания тезиса, но и аргументами, служащими внушению (не убеждению – т. к. тезис не является выводом из подтезисов);

– для обоснования тезиса о том, что страна развивается в верном направлении, используется универсальная аргументация, а именно – аргументы: а) власть принимает конструктивные решения, б) результат работы власти положителен во многих аспектах, в) цифры свидетельствуют о подъеме и росте;

– аргумент о том, что власть принимает конструктивные решения, использовался, во-первых, во время обеих каденций В. Адамкуса, во-вторых, без отождествления говорящего с субъектом этих позитивных решений;

– аргумент о том, что результат работы власти положителен во многих аспектах, подтверждается многочисленными примерами роста

экономики и благосостояния народа, признания успехов Литвы мировым сообществом, успешностью проведения реформ;

— объем аргументов о том, что результат работы власти положителен во многих аспектах, в посланиях разных годов различен (например, в первых посланиях звучат примеры успешного проведения реформ, но в дальнейшем развития данных аргументов не наблюдается, а аргумент об улучшении благосостояния граждан последовательно развивается от послания к посланию, что в поздних посланиях позволяет говорящему оценивать ситуацию, как такую, которой можно гордиться – *didžiūotis* – и радоваться – *pasidžiaugti*);

– аргумент о том, что цифры свидетельствуют о подъеме и росте, особенно важен для послания, которое звучало за несколько недель до проведения референдума о вступлении Литвы в Евросоюз (президент являлся активным проводником проевропейских (и проатлантических) идей);

– для обоснования тезиса о том, что автор посланий понимает проблемы адресата и способен их разрешить, используется контекстуальная аргументация, а именно – аргументы: а) *ad populum* (декларация заботы о людях и приверженности национальным ценностям), б) *ad verecundiam* (апелляция к авторитетным для аудитории именам);

– структура аргументации *ad populum* – заботы о людях – в посланиях В. Адамкуса имеет вид:

- выражения сочувствия маленькому человеку;
- формулировки цели деятельности (рост благосостояния);
- описания предполагаемой деятельности, направленной на достижение этой цели (пестование феномена самостоятельности и чувства ответственности у каждого человека);
- повтор идеи прав человека;
- комплиментарной части;

- структура аргументации *ad populum* – приверженности национальным ценностям – в посланиях В. Адамкуса имеет вид:
 - апелляции к общенациональным ценностям;
 - их детализации (*свобода, нация*);
 - апелляции к их укреплению;
- в процессе и универсальной, и контекстуальной аргументации реализуются когнитивные структуры субъекта дискурса (например, концептуальной метафоре *Политика – это экзамен* на уровне когнитивных структур – в универсальной аргументации соответствует аргумент о признании успехов Литвы мировым сообществом).

III.2. Общественно-политический дискурс: выборы в Европарламент и Сейм (2004 г.), война в Ираке (2003 г.)

В данном разделе рассматривается вопрос о том, на каком общественно-политическом фоне звучат ежегодные послания президента Литвы В. Адамкуса. Внимание было сконцентрировано на общих местах в когнитивных структурах аргументации в дискурсе президента, с одной стороны, и дискурсе лидирующих политических партий и публицистическом дискурсе, с другой.

Исследование предвыборного дискурса периода выборов в Европарламент и Сейм (2004 г.) показало, что в основе порождения текстов от имени лидирующих политических партий лежат актуальные и для президентского дискурса бинарные базовые оппозиции Запад ~ Восток и демократия ~ антидемократия. Общими для президентского и партийного дискурсов являются метафоры пути и экзамена. Публикации в газете „Lietuvos rytas“ за февраль–март 2003 г. (время начала войны в Ираке) позволили более полно раскрыть содержание понятия «демократия» и аргументативный потенциал этой «точки согласия» в литовском политическом дискурсе. Ниже детальнее говорится метафоре экзамена и оппозиции демократия ~ антидемократия.

Экзамен. В литовском предвыборном дискурсе реализуется метафора **Выборы – это экзамен**. Один из примеров использования школьной лексики звучит как *не выученные уроки паксовского кризиса¹* (*Pakso krizės pamokos dar neišmoktos*). Другой пример – заголовок-вопрос к нации от имени Союза Отечества: *Сдадут ли экзамен демократические коалиции?* (*Ar demokratiją koalicija išlaikys egzaminą?*) – интересен он тем, что коалиции представляются учащимися, а кто экзаменатор, Евросоюз или другие институты, умалчивается. В политическом дискурсе используется развернутый вариант этой метафоры. Так, в текстах социал-демократов учащимися представляются избиратели: голосующие

¹ Слово «паксовский» образовано от фамилии президента Роландаса Паксаса.

«правильно» – это отличники, остальные – это *неуспевающие и упрямцы* (*nepažangūs ir užsispyrę*). Но отличие «правильного» ответа, т. е. правильной отметки в бюллетене, от «неправильного» не объясняется. Констатируется, что:

Kai kuriuos lietuvius būtų galima priskirti prie antramečių studentų, kurie kelintą kartą iš eilės kartoja tą patį kursą. Neišlaiko egzamino, nes pasirenka blogą atsakymo variantą. Pasirenka ne teisingą atsakymą, bet, jų manymu, patraukliausią ir daugiausiai žadantį. Ir taip per kiekvieną rinkimų egzaminą.

Из-за неверного выбора избиратели сами страдают, выступая в роли неудачников-второгодников:

Tiesa, kai kurie nepažangūs ir užsispyrę studentai ir toliau darys klaidas, taip sėdėdami tame pačiame suolo dar keletą metų...

Отсюда можно сделать вывод, что «правильный» кандидат вовсе не должен впечатлять избирателя привлекательностью обещаний, наоборот, в случае выбора привлекательного для избирателя кандидата угроза допустить ошибку, согласно литовским социал-демократам, возрастет.

Демократия ~ антидемократия. Наиболее часто в дискурсе литовских партий повторяется лексема *демократия*. Например:

Lietuvos demokratija išgyveno sudėtingą išbandymą,

– говорится в открытом письме лидера Партии Труда. Одной из целей выборов в Европарламент провозглашается *укрепление литовской демократии* (*taip sustiprins Lietuvos demokratiją*). Социал-демократы, говоря о приоритетах членства Литвы в Евросоюзе, подчеркивают, что:

ES yra demokratinių valstybių sąjunga, kur demokratija saugoma griežtai.

Отсутствие или наличие признака ‘демократичный’ определяет два полюса в оппозиции Советский Союз – Евросоюз, участвующей в порождении многих текстов в литовском публицистическом дискурсе. Например, спустя один год после референдума, на котором большинство граждан Литвы проголосовало за членство страны в Евросоюзе, в одном из текстов литовских социал-демократов доказывается отличие Советского Союза от Евросоюза:

...Totalitarinė Sovietų Sąjunga buvo unitarinė valstybė. ... Europos Parlamentas patatytas ant kitų pamatų. ...Jokios unitarinės valstybės ar vienos partijos diktato nėra. ... ES yra demokratinių valstybių sąjunga... Panašumų tarp europarlamentarų ir Liaudies deputatų nėra, yra tik skirtumai.

Евросоюз, как, однако, и Советский Союз в былые времена, представляется семьей народов. В обращении Партии Труда к народу говорится, что их представители в Европарламенте позаботятся о том, чтобы: *garantuoti mūsų valstybei deramą vietą Europos šeimoje*. Можно отметить, что в этой семье литовский народ занимает позицию зависимого члена: *Europai mes nebūsim reikalingi šiukšlini, apsileidę*, – так обосновывается литовскими социал-демократами потребность привести в порядок свалки. Очевидно, что, даже при вступлении в Евросоюз, существуют опасения, что Европа усомнится в пользе сотрудничества с нашей страной.

Обращение к газетным материалам периода начала войны в Ираке (2003 г.) обусловлено тем, что внимание мировой общественности в то время было сконцентрировано на вопросе: быть или не быть войне в Ираке. Этот вопрос, затрагивающий как нравственные, так и экономические аспекты жизни общества, не мог не спровоцировать рефлексию над собственными моральными принципами и приоритетами политической линии страны.

Исследованный корпус текстов можно разделить на две тематические группы: одна группа текстов посвящена освещению развития иракского конфликта; другая часть – описанию политических надежд и предпринимаемых Литвой шагов в преддверии вступления в НАТО и Евросоюз.

Анализ материалов, освещающих начало военных действий в Ираке, показал, что в основе их порождения лежит оппозиция демократия – антидемократия. Под *антидемократией* мы подразумеваем противопоставляемые демократии понятия, именуемые *тоталитаризм, авторитарность, диктат*. Употребление этих лексем объединяет то, что их используют для именованя режимов в странах, которым чужды демократические ценности западного общества.

Безусловно, положительным термином для литовского публицистического дискурса в этой оппозиции является демократия².

В исследованных текстах утверждается, что для существования демократической формы правления необходимы: *sažmoningų, aktyvių ir organizuotų piliečių*. Основываться демократическое государство должно на: *moraliniais pagrindais, moraliniais susitarimais ir pilietiniais įsipareigojimais*. Также говорится, что для демократического правления необходимы: *daug geresniu visuomenės informavimu ir konsultavimusi su visuomene priimant strategiškai svarbius sprendimus, daug aktyvesniu piliečių dalyvavimu valstybės reikaluose*. В словарях под демократией понимается «система правительства, ...в котором власть или проведена избранными представителями или непосредственно людьми» (“a system of government, ...in which power is either held by elected representatives or directly by the people themselves”) (Cambridge International Dictionary of English. 1995). В процитированных высказываниях президента В. Адамкуса содержится импликация о необходимости создания гражданского общества, т. е. о недостаточно зрелой форме демократии в Литве.

В этот же период на страницах газет рядом с сообщениями о продвижении решения иракского вопроса соседствовали пропагандистские призывы и размышления и прогнозы о результатах грядущего референдума о вступлении Литвы в Евросоюз. Некоторые высказывания наших политических лидеров – призывы голосовать за вступление в Евросоюз – также позволяют отметить отличительные черты литовской демократии. Пример:

Tikiuosi, ...politinės jėgos dirbs, kad ...žmonės ...aktyviai išreikštų savo valią. Kviečiu visus tautos likimui neabejingus piliečius telktis, ...kad mūsų visuomenėje laimėtų europinės Lietuvos idėja.

В данных высказываниях наблюдается следующая подмена: имплицитно предполагается, что проголосовавшие «против» являются *безразличными к судьбам народа* людьми. Возможно, среди проголосовавших «против»,

² Напомним, как звучит финальная фраза одного из посланий президента: *Tikiu demokratinės mūsų valstybės sėkme, tikiu Lietuvos ateitimi, kurią kūrėme ir kursime kartu*.

все же были сторонники того, чтобы Литва стала цивилизованной страной, но не обязательно в составе Евросоюза. То есть, современная литовская демократия отличается от демократии в ее «каноническом» понимании тем, что, во-первых, литовский народ не достаточно широко участвует в принятии важных решений, как отмечают представители власти, и, во-вторых, права меньшинства, как, например, право на мнение, не всегда соблюдаются. Тем, чье мнение не совпадает с «правильным», практически инкриминируется обвинение в отсутствии гражданской позиции.

Чаще всего о демократии в исследованных нами текстах говорится тогда, когда очерчиваются цели политики Литвы:

Tolesnė mūsų demokratijos... plėtra... Stiprinti demokratijos valstybę...
Isivirtinti Vakarų demokratijos erdvėje...

Так, выявляется, что демократия в Литовской Республике есть, но она пока еще слаба (т. к. ее нужно *укреплять*). Следовательно, демократия – это то стабильное состояние, которое будет достигнуто литовским обществом в будущем. Образцом служат другие страны, опыт которых используется в качестве аргумента к авторитету (*senos demokratijos valstybės*). Тексты свидетельствуют о том, что желаемое демократическое будущее видится близким: Литва сегодня:

Niekada nebuvo taip arti svarbiausių klasikinių Europos vertybių kaip šiandien...
Ar sugebėsime gyventi pagal senų demokratijos šalių puoselėjamas vertybes?

О том, что тогдашнее состояние литовской демократии мыслилось нестабильным, свидетельствуют многочисленные высказывания о том, что демократия – это то, что нужно *защищать* (*apginti*). Примеры: *gintas pavojus mūsų demokratijai // nieko nėra pavojingesnio demokratijai // apginti laisvės ir demokratijos idėjas*

Отсюда следует такое метафорическое представление литовской *демократии*: хрупкое положение, требующее сохранения и защиты на данном этапе для проявления и закрепления такого положения в будущем.

Обратимся к анализу того, как ценности демократического строя помогали руководству Литвы обосновать свое решение начать военные действия в Ираке. Две цитаты из речи президента Литвы, сказанной менее чем за месяц до первых ударов по Ираку, звучат следующим образом:

...Nėra nieko brangesnio už taiką, negalime pasyviai stebėti, kaip pasaulį ištinka trečiojo tūkstantmečio grėsmės, todėl prisiėmėme demokratinių valstybių atsakomybę ginti civilizacijos vertybes. Lietuva... kartu su senos demokratijos valstybėmis spręš Europos likimą. ...Gins Europos ir pasaulio saugumą.

Логическая цепочка, связывающая ценность демократии и неизбежность войны, такова: демократия – это истинная ценность; тот, кто обладает этой ценностью, тот несет ответственность за правильное положение вещей; неправильные вещи представляет собой угрозу миру; эту угрозу следует нейтрализовать. При этом у аудитории может возникнуть недоверие к говорящему из-за напрашивающегося вопроса о том, каким образом можно было бы определить, что на самом деле является правильным и дано ли человеку познать абсолютную истину.

Подобный ход умозаключения (знания об истине могут быть неистинными) встречается у М. Мамардашвили, рассуждающего о нравственности идеи эвтаназии, называемого им убийством из милосердия. Как говорит Мамардашвили, «мы не можем и не имеем права создавать прецедента того, что на основе точного знания можно убивать. Потому что знания взаимозаменяемы. Здесь я точно знаю, что человек безысходно страдает и можно его убить, но это знание в принципе ничем не отличается от знания другого, который твердо знает, что еврея можно убить» (Мамардашвили 1984). Таким образом, если достоверно известно, что закон об эвтаназии сделает устройство общества лучше, можно быть уверенными и в том, что война, свержение одного строя и установление другого, согласно нашей иерархии ценностей – демократической формы правления, также улучшит мироустройство.

Выражение *защитить демократические ценности*, по сути, является эвфемизмом, затемняющим подлинный смысл высказываемой мысли: вести войну. Таким образом осуществляется манипуляция словами с позитивной коннотацией, и правила такой языковой игры исключают вопрос, почему европейское устройство общества является цивилизацией, а восточное – нет.

Обратимся теперь к тому, в каких терминах описывается «антидемократический» мир, то есть как реализуется второй, негативный, член бинарной понятийной оппозиции демократия – антидемократия. В отличие от понятия демократия, дискурс антиценностей носит не описательный, а оценочный характер. Политический строй Ирака того времени – 2003 года – в исследованных текстах часто именуется *режимом (režimas)*, словом с негативной коннотацией, а руководитель Ирака – чаще *диктатором (diktatorius)*, иногда *лидером (lyderis)*, по отношению к нему в анализируемых текстах ни разу не встретилась номинация «президент». Отдельного комментария заслуживает случай употребления оценочного слова в непредикатной функции: *Užvakar... diktatorius tvirtino, kad...* Думается, подобная трансформация может использоваться для произведения определенного эффекта в художественном, бытовом дискурсе, но не в информационном сообщении (ср. *Неряха спросил, который час*). Остается неясным, пытался ли говорящий достичь комического эффекта или номинация *диктатор* стала утрачивать экспрессивную окраску и восприниматься как синонимичная замена для фамилии или должности иракского лидера.

При описании «чужого» пространства наблюдаются случаи нанизывания слов с негативной коннотацией, например: *kruvinos S. Husseino represijos // kruvinas Irako diktatoriaus režimas*. Такой способ – употребление одного за другим слов с негативной эмоциональной нагрузкой – позволяет эффективнее внедрить в сознание реципиента негативный образ дискредитируемого явления. Действия и признаки, приписываемые носителям «антиценностей» – это *grėsmė tarptautinei*

taikai ir saugumui // Irako nenuoširdumas // galimi teroro išpuoliai. В газетах писали, *режим Хусейна может приняться за террор (Husseino režimas gali imtis teroro)*, что являлось еще одним аргументом в поддержку тезиса о том, что защитить демократические ценности нужно путем силового противодействия.

Автор монографии «Дискурс власти и инакомыслия в СССР...» Элеонора Лассан установила, что центральной оппозицией советского дискурса была оппозиция коммунизм – антикоммунизм (1995). На место прежней оппозиции пришла новая, но принцип описания мира остался прежним. Если раньше *коммунизм* обладал положительной коннотацией и был целью, к которой шло общество, то сейчас место этой ценности занимает *демократия*, а слово *коммунизм* приобрело негативный оттенок значения, и этот период в истории Литвы часто именуется «тоталитарным прошлым», т. е. антидемократическим строем.

III.3. Выводы

1. Президентские послания В. Адамкуса как речевой акт совмещают в себе качества дескриптивного (описывается текущее состояние дел), оценочного (дается оценка многим явлениям социальной действительности) и аргументативного (доказывается правомерность проводимой политики) речевых актов. Локуцией президентских посланий как речевого акта является положение в стране и аргументы в поддержку озвучиваемых положений, перлокуцией – положительная оценка личности говорящего. Иллокутивные цели президентских посланий состоят в том, чтобы описать положение в стране и пути решения проблем, оценить ситуацию в стране и пути решения проблем и убедить слушателей в правомерности президентства субъекта посланий и оправдании оказанного ему доверия во время выборов.

2. В президентских посланиях В. Адамкуса основные тезисы не эксплицируются. К формулировке тезиса адресат приходит индуктивным путем через обобщение частных случаев.

3. Тезис, обосновываемый путем универсальной аргументации, – «Страна развивается в верном направлении» – сходным образом вводится в тексты всех исследованных нами ежегодных посланий президента: в начальной части текста звучат перифразы данного тезиса, в которых заявляются тема и ремы сообщения; дальнейший текст представляет собой развертывание звучавших в начале текста рем.

При этом основным темам посланий приписываются ремы как с положительной коннотацией (*nuoseklumas, išbaigtumas, stabilumas*), так и с негативной (*krizė, problemos, stoka*).

В терминах теории речевых актов можно сказать, что субъект послания осуществляет дескриптивный речевой акт, перлокутивный эффект которого связан с тем, что адресат интерпретирует сказанное как оценочный речевой акт. Иллокутивная цель говорящего: описать, оценить и привести доводы в поддержку доказываемых положений так, чтобы

побудить адресата к вынесению общей позитивной оценки политической деятельности в руководимом им государстве, а следовательно – деятельности и личности самого субъекта президентских посланий..

4. Тезис, обосновываемый путем контекстуальной аргументации, – «Я понимаю ваши проблемы и помогу их решить» – вводится в тексты ежегодных посланий различным образом, его перифразы более расплывчаты, звучат они в различных частях текста. Отсутствие закономерности во внедрении данного тезиса в текст может объясняться через фактор адресата – данный тезис адресован не непосредственно присутствующему при произнесении текста адресату.

Иллокутивная цель речевых актов, вводящих данный тезис в речь, – повышение степени доверия к говорящему через описание предлагаемых им мер по решению насущных проблем людей и убеждение в том, что намеченные пути решения принесут ожидаемый положительный результат, перлокутивный эффект – положительная оценка субъекта посланий.

5. Когнитивные структуры президентских посланий – базовые оппозиции и концептуальные метафоры – являются элементами аргументации: текстовые реализации когнитивных структур непременно присутствуют в логико-риторических структурах аргументации.

6. Логико-риторические структуры президентских посланий представляют собой использование универсальной и контекстуальной аргументации. А именно: доказательство тезиса о том, что страна развивается в верном направлении, посредством универсальных аргументов: а) власть принимает конструктивные решения, б) результат работы власти положителен во многих аспектах, в) цифры свидетельствуют о подъеме и росте. И обоснование тезиса о том, что автор посланий понимает проблемы адресата и способен их разрешить, с помощью контекстуальных аргументов: а) *ad populum* (декларация заботы о людях и приверженности национальным ценностям), б) *ad verecundiam* (апелляция к авторитетным для аудитории именам).

7. Когнитивные структуры общественно-политического дискурса находятся в определенной корреляции с когнитивными структурами президентских посланий. А именно: в основе порождения текстов от имени лидирующих политических партий лежат актуальные и для президентского дискурса бинарные базовые оппозиции Запад ~ Восток и демократия ~ антидемократия. Общими для президентского и партийного дискурсов являются метафоры пути и экзамена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанный анализ текстов президентских посланий, исходящих от глав государств стран с различным конституционным строем (президентская / парламентская республика), позволяет говорить об определенном тождестве аргументативного дискурса Владимира Путина и Валдаса Адамкуса, что, очевидно, обусловлено целевой направленностью таких посланий, и различиях, детерминированных как различными политическими установками стран, возглавляемых названными деятелями, так и их положением в структурах власти.

Ежегодные президентские послания как речевой акт.

Президентские послания и В. Путина, и В. Адамкуса совмещают в себе качества дескриптивного (описывается текущее состояние дел), оценочного (дается оценка многим явлениям социальной действительности) и аргументативного (доказывается правомерность проводимой политики) речевых актов. Оценочный речевой акт является своеобразным предписанием для иных структур власти – его правомерность подготавливается аргументативным речевым актом, в рамках которого президент обосновывает свое право на осуществление оценочно-прескрипционного акта.

Как в посланиях российского президента, так и в посланиях литовского президента выделяется общий тезис «Страна развивается в верном направлении». Утверждение этого тезиса в качестве истинного позволяет президентам, ведущим страны в этом направлении, обосновывать свое право на дальнейшее осуществление властных полномочий. Общим является и тезис «Я понимаю ваши проблемы и (по)могу их решить» – его дискурсивная реализация адресована «третьему» члену коммуникации – рядовым согражданам, чьи симпатии президенты желают сохранить и упрочить.

Говоря о специфике аргументативного речевого акта в рамках президентских посланий прежде всего нужно сказать, что он включает как собственно аргументативный инструментарий – тезисы и аргументы,

так и риторическую реализацию когнитивных структур дискурса, совпадающих с когнитивными структурами политической элиты определенной страны (России, Литвы). Оба президента используют как универсальную, так и контекстуальную аргументацию.

Особенности введения тезисов в текстах президентских посланий. Нужно сказать, что аргументативный речевой акт (или аргументативный дискурс – взаимозамена терминов возможна, поскольку термин речевой акт предполагал изначально устную форму коммуникации при наличии четко обозначенного адресата – в нашем случае текст имеет как устную, так и письменную природу и адресован не только членам Думы / Сейма, но и «третьим» лицам – в целом обществу, выносящему суждения о сделанных президентом оценках и поставленных задачах) предстает в президентских посланиях в несколько модифицированном виде. В президентских посланиях как В. Путина, так и В. Адамкуса основные тезисы не эксплицируются – к формулировке тезиса адресат приходит индуктивным путем через обобщение частных случаев. Тезис, обосновываемый путем универсальной аргументации, – «Страна развивается в верном направлении» – сходным образом вводится в тексты всех исследованных нами посланий Федеральному собранию: в начальной части текста звучат перифразы данного тезиса, в которых заявляются тема и ремы сообщения; дальнейший текст представляет собой развертывание звучавших в начале текста рем.

Например, у В. Путина: темам *государство, Россия* приписываются такие положительные ремы как *достижения; рост; новые рабочие места; доходы; продвижение; долгосрочные личные планы; увереннее; конструктивно; эффективно*. У В. Адамкуса: темам посланий приписываются ремы как с положительной коннотацией (*nuoseklumas, išbaigtumas, stabilumas*), так и с негативной (*krizė, problemos, stoka*).

Тезис, обосновываемый путем контекстуальной аргументации, – «Я понимаю ваши проблемы и (по)могу их решить» – вводится в тексты

ежегодных посланий различным образом, его перифразы более расплывчаты, звучат они в различных частях текста. Отсутствие закономерности во внедрении данного тезиса в текст может объясняться через фактор адресата – данный тезис адресован не непосредственно присутствующему при произнесении текста адресату, а тому, который воспринимает президентские посланий посредством средств массовой информации.

Таким образом, вычленение тезиса требует от исследователя определенных процедур, в то время как непосредственный адресат призван самостоятельно – индуктивным путем – осуществить его вывод. Такое построение аргументативного дискурса в области введения тезиса, на наш взгляд, обладает большей силой речевого воздействия, нежели прямая формулировка тезиса – адресат, «самостоятельно» сделавший вывод, осознает себя «со-автором» аргументативного речевого акта.

Подразделение тезиса на подтезисы. Для введения тезиса о том, что страна развивается в верном направлении, в дискурсе и В. Путина, и В. Адамкуса наблюдается подразделение основного тезиса на ряд подтезисов, которые в обоих президентских дискурсах схожи, но в силу наблюдающихся различий были сформулированы нами различным образом. Для тезиса «Страна развивается в верном направлении» у В. Путина подтезисы звучат как: а) «Проделанная работа – фундамент будущего», б) «Избранный курс не подлежит пересмотру», в) «Преемственность курса – основа стабильности». У В. Адамкуса: а) «Настоящее – образ будущего», б) «Важнейший этап взятого курса пройден», в) «Движение к лучшему непрерывно».

Роль подтезисов. Подтезисы являются, в первую очередь, элементами содержания тезиса, но в то же время они выполняют и роль аргументов, служащих внушению (в данном случае мы не говорим об убеждении, т. к. тезис не является выводом из подтезисов).

Содержание и объем аргументов в универсальной аргументации. Для обоснования тезиса о том, что страна развивается в

верном направлении, и у В. Путина, и у В. Адамкуса используются аргументы: а) власть принимает конструктивные решения, б) результат работы власти положителен во многих аспектах, в) цифры свидетельствуют о подъеме и росте. Эти положения, прежде чем исполнять роль аргументов, сначала обосновываются – при помощи множества примеров аргументов. На уровне содержания, объема и динамики приводимых аргументов в дискурсах В. Путина и В. Адамкуса наблюдается ряд отличий.

Так, аргумент о том, что власть принимает конструктивные решения, использовался в самом начале первого президентского срока В. Путина; у В. Адамкуса этот аргумент использовался, во-первых, во время обоих президентских сроков, во-вторых, без отождествления говорящего с субъектом, принимавшим данные позитивные решения.

В посланиях В. Путина постепенно перестают звучать примеры успешного проведения реформ, вместе с тем возрастает важность т. н. военных и социальных аргументов. У В. Адамкуса – в первых посланиях звучат примеры успешного проведения реформ, но в дальнейшем развития данных аргументов не наблюдается, а аргумент об улучшении благосостояния граждан последовательно развивается от послания к посланию, что в поздних посланиях позволяет говорящему оценивать ситуацию, как такую, которой можно гордиться (*didžiūotis*) и радоваться (*pasidžiaugti*).

Одним из положительных итогов развития страны в заданном направлении для России является то, что она, согласно президентским посланиям, упрочила свою влиятельную роль в мире. В литовских президентских посланиях не наблюдается изложения той же мысли о роли Литвы в мире; в них одним из положительных итогов движения по верному пути является то, что успешность развития страны признана мировым сообществом.

Содержание и объем аргументов в контекстуальной аргументации. Для обоснования тезиса о том, что автор посланий

понимает проблемы адресата и способен их разрешить, и у В. Путина, и у В. Адамкуса используются аргументы: а) *ad populum* (декларация заботы о людях и приверженности национальным ценностям), б) *ad verecundiam* (апелляция к авторитетным для аудитории именам). На уровне содержания и объема приводимых аргументов в дискурсах Путина и Адамкуса наблюдается ряд отличий.

Так, В. Путин делает акцент на защите граждан и описании необходимых шагов, которые должна предпринять власть для достойного уровня жизни граждан. В. Адамкус делает акцент на правах граждан и необходимости пестования в гражданах самостоятельности и чувства ответственности за свою судьбу. Эти различия объяснимы, видимо, сложившимися и складывающимися традициями политической культуры двух стран: для России необходимо быть мировой державой, противостоящей Западу, в том числе и в области вооружений; литовский президент как «представитель» западных демократий внедряет их основные понятия в литовский политический дискурс.

Содержание когнитивных структур. Мы говорили выше, что аргументативный дискурс включает и реализацию когнитивных структур, составляющих базу мировоззренческих установок говорящего. Их вербализация, как правило, происходящая через многочисленные перифразы высказываемых идей, должна действовать, скорее, на бессознательные структуры психики адресата по методу повтора как средства внушения высказываемого содержания.

В дискурсе В. Путина когнитивными структурами являются базовые оппозиции сила ~ слабость, Россия ~ Запад, справедливость ~ несправедливость, демократия ~ антидемократия, в которых ценностным ориентиром является первый член. В дискурсе В. Адамкуса, соответственно: новое ~ прежнее, Запад ~ Восток, демократия ~ антидемократия. В дискурсе В. Путина тексты порождаются на основе концептуальных метафор ПРОБЛЕМЫ – ЭТО БОЛЕЗНЬ,

ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЗДАНИЕ, ПОЛИТИКА – ЭТО ПУТЬ. В дискурсе В. Адамкуса: ПОЛИТИКА – ЭТО ПУТЬ, ПРОБЛЕМЫ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, ПОЛИТИКА – ЭТО ЭКЗАМЕН и ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗНЕС (метафоры указаны нами в порядке частоты их реализации).

В дискурсе президентов России и Литвы ценностные ориентиры справедливость и демократия совмещаются в одном текстовом пространстве. Частотность упоминания обеих ценностей сходна, но если понимание «популярной» ценности (это справедливость для России и демократия для Литвы) говорящим эксплицируется, то на долю «непопулярной» (в частности, не пропагандируемой ведущими политическими партиями страны; в России это демократия, в Литве – справедливость) выпадает просто констатация ее важности для говорящего.

В дискурсе как российских, так и литовских партий наблюдается однозначное тяготение к одному из ценностных полюсов: к справедливости – в России, к демократии – в Литве, сущность же данных ценностных категорий субъектами дискурса не раскрывается. Отношение говорящих от имени партий к «непопулярной» ценности (это демократия – в России и справедливость – в Литве) таково: в анализированных текстах литовских партий о социальной справедливости упоминает один из членов одной партии, в текстах иных партий речь идет лишь о справедливости в юридическом смысле. В дискурсе российских партий имя «непопулярной» ценности встречается чаще, но используется с негативной коннотацией (*эта «демократия», слащавая речь ... демократия*).

Реализация когнитивных структур. Как уже говорилось, повтор идей (у В. Путина – сильной страны, конфронтации России и Запада, укрепления справедливого общества; у В. Адамкуса – ориентации на Запад и демократию) работает на внедрение данных ценностей в сознание адресата, т. е. тут речь идет скорее о внушении, нежели об убеждении.

Когнитивные структуры дискурса последовательно реализуются в процессе универсальной и контекстуальной аргументации. Например, у В. Путина: сила как положительный полюс в оппозиции сила ~ слабость на уровне когнитивных структур находят корреляты в виде аргумента о модернизации вооруженных сил и аргумента о национальной ценности великодержавности. У В. Адамкуса: концептуальной метафоре ПОЛИТИКА – ЭТО ЭКЗАМЕН в универсальной аргументации соответствует аргумент о признании успехов Литвы мировым сообществом.

Соотнесенность президентского дискурса с общественно-политическим фоном в стране. Когнитивные структуры президентских посланий находятся в определенной корреляции с когнитивными структурами общественно-политического дискурса. А именно: общими для президентского и партийного дискурсов в России являются базовые оппозиции справедливость ~ несправедливость и Россия ~ Запад.

В Литве в основе порождения текстов лидирующих политических партий лежат актуальные и для литовского президентского дискурса бинарные базовые оппозиции Запад ~ Восток и демократия ~ антидемократия. Общими для президентского и партийного дискурсов Литвы являются метафоры ПУТИ и ЭКЗАМЕНА.

Корреляция когнитивных структур президентских посланий и дискурса политических партий в той или иной стране говорит о согласованности позиций политической элиты в этой стране.

Литература

- Аксенова Г. Н. 2003. *Когнитивные стратегии аргументативной речевой деятельности*. На материале судебной речи. Диссертация. Барнаул.
- Алтунян, Александр, 1994. Лозунг в политическом дискурсе. // *Век XX и мир*, № 5-6. <http://old.russ.ru:8081/antolog/vek/1994/5-6/altunyan.htm#1b> (27.12.2007)
- Аристотель. 1978. *Риторика*. // *Античные риторики*. Москва: Издательство Московского университета. <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt> (07.06.2006)
- Арутюнова, Н. Д. 1998. Речевой акт. // *БЭС «Языкознание»*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Большая российская энциклопедия.
- Бакумова, Елена Владимировна. 2002. *Ролевая структура политического дискурса (в рос. и амер. лингвокультуре)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т.
- Баранов, Анатолий Н. 1990а. *Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход)*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва: Институт русского языка.
- Баранов, Анатолий Н. 1990б. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания. // *Язык и социальное познание*. Москва.
- Безменова, Н. А. (ред.). 1987. *Неориторика: генезис, проблемы, перспективы*. Сб. научно-аналитических обзоров. Под ред. Н. А. Безменовой. Москва.
- Белова, Е. Н. 1995. *Структура и семантика аргументативного дискурса (на материале слушаний ком. и подком. Конгресса США)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
- Блакар, Р. М. 1987. Язык как инструмент социальной власти. // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва.
- Богданов, К. А. 2006. *О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Брутян, Георг А. 1984. *Аргументация*. Ереван: Изд-во АН АрмССР.
- Брутян, Георг А. 1992. *Очерк теории аргументации*. Ереван: Изд-во АН Армении.
- Брюшинкин, В. Н. 2000. Системная модель аргументации. // *Трансцендентальная антропология и логика: Труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений*. Калининград: Калинингр. ун-т.
- Брюшинкин, В. Н. 2004. Системная модель аргументации как основа методологии компаративистских исследований. // *Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии*. Калининград.

- Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. 2006. *Современная политическая лингвистика*. Екатеринбург: УГПУ.
- Волков, А. А. 2003. *Основы риторики*. Москва: Академический проект.
- Волкова, И. 2000. Слово Путина. // *Эксперт*, 14 февраля, № 6 (219).
<http://www.expert.ru/printissues/expert/2000/06/06ex-content1/> (10.11.2006)
- Вольвак Н. П. 2004. *Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе*. Южно-Сахалинск.
- Воробьева, Светлана Викторовна. 2001. Перельман. // *Постмодернизм. Энциклопедия*. Сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко.
<http://www.infoliolib.info/philos/postmod/> (30.12.2007)
- Грайс, Г. П. 1985. Логика и речевое общение. // *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва. Вып. XVI.
- Дейк, ван Т. А. 1989. *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва: Прогресс.
- Демьянков, Валерий З. 1989. Эффективность аргументации как речевого воздействия. // *Проблемы эффективности речевой коммуникации*. Москва: ИНИОН АН СССР. <http://www.infolex.ru/P048.html> (15.06.2006)
- Добрякова Н. Н. 2003. *Аргументативное сообщение как единица политической речи. Прагмалингвистические и интеракционные аспекты анализа*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
- Дубин, Борис. 2001. Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии России. // *Неприкосновенный запас*, № 3 (17).
<http://magazines.russ.ru/nz/2001/3/dub.html> (17.10.2007)
- Зернецкий, Павел В. 1998. Коммуникативные стратегии: классификационный аспект. // *Методология исследования политического дискурса*. Минск: Белгосуниверситет. Вып. 2.
- Ивин, Александр А. 2003. *Риторика: искусство убеждать*. Москва: Фаир-пресс.
- Ивин, Александр А., Никифоров, А. Л. 1997. *Словарь по логике*. Москва: Туманит, изд. центр ВЛАДОС.
- Ильин, И. 1933. *Национал-социализм. Новый дух I*. Париж.
<http://iljinru.tsygankov.ru/works/vozt170533.html> (30.05.2008)
- Иссерс, Оксана Сергеевна. 1999. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Омск: ОмГУ.
- Киселев, К. В. 2006. «Демократическое» послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ: проблема интерпретации. // *Политическая наука и*

политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах.
Материалы 4-й конференции ЕСПИ. Екатеринбург. С. 54-66.

Клемперер, В. 1998. *ЛТИ. Язык третьего рейха: Записная книжка филолога.*
Пер. с нем. А.Б. Григорьева. Москва: Прогресс-Традиция.

Клочко, Надежда. 2002. Ценностные оппозиции в фокусе эмоций (на материале современных славянских политических дискурсов). // *Respectus Philologicus*, № 2 (7), с. 87-101.

Куликова, О. В. 1989. *Лингвистические средства развертывания аргументации в публицистическом тексте.* Автореф. дис. ...канд. филос. наук. Москва.

Лассан, Элеонора Руфимовна. 1995. *Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ.* Вильнюс.

Лассан, Элеонора Руфимовна. 1996. Vidinis politinio teksto autoriaus pasaulis jo retorikoje: vieno V.Žirinovskio teksto analizė. // *Politologija*, 1996, Nr 2

Лассан, Элеонора Руфимовна. 2004а. Дискурс конфронтации в современном русском языковом универсуме. // *Aktualne problemy semantyki i stylistyki tekstu.* Łódź.

Лассан, Элеонора Руфимовна. 2004б. Народовластие как конец демократии? (Несколько слов о «новой» русской риторике). // *Лингвистика как ангажированное знание.* <http://ling.x-artstudio.de/st1.html> (14.09.2006)

Лассан, Элеонора Руфимовна. 2004в. «Разум власти» в зеркале категорий цели и препятствия. // *Лингвистика как ангажированное знание.* <http://ling.x-artstudio.de/st2.html> (01.11.2006)

Лассан, Элеонора Руфимовна. 2006. Лингвистика как ангажированное знание. // *Лингвистика как ангажированное знание.* <http://ling.x-artstudio.de/st6.html> (01.11.2006)

Левонтина, И. Б.; Шмелев, А. Д. 2000. За справедливостью пустой. // *Логический анализ языка: Языки этики.* Москва.

Леонтович, Ольга. 2005. *Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения.* Москва.

Лещак, Олег. 2006. *Функционально-прагматическая оценка понятия дискурс.* Доклад на конференции “Problemy semantyki i stylistyki tekstu”, Łódź, 15-16 ноября 2006 г.

Майданова, Л. М. (ред.). 1992. *Аргументация в публицистическом тексте (жанрово-стилистический аспект).* Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та.

Мамардашвили, Мераб К. 1984. Психологическая топология пути. // *Библиотека института философии РАН.* <http://www.philosophy.ru/library/mmk/topology.html> (07.06.2006)

Маркузе, Герберт. 2003. *Одномерный человек.* Москва: Изд-во АСТ.

- Мартьянов, В. С. 2007. Идеология В. В. Путина: концептуализация посланий президента РФ. // *Политэкс*, № 1. <http://politex.info/content/view/318/40/> (31.01.2008)
- Мигунов, А. И. 2004. Теория аргументации как логико-прагматическое исследование аргументативной коммуникации. // *Коммуникация и образование*. Под ред. С. И. Дудника. Санкт-Петербург.
http://anthropology.ru/ru/texts/migunov/educomm_10.html (20.10.2006)
- Милевич, И. 2007. Коммуникативные тактики агитации предвыборного политического и миссионерского дискурсов. // *Respectus Philologicus*, № 11(16), с. 67-75.
- Ощепкова, Н. А. 2004. *Стратегии и тактики в аргументированных дискурсах: прагматический лингвистический анализ убедительности рассуждения (на материале политических дебатов)*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тверь.
- Перельман Х., Ольбрехтс-Тытека, Л. 1987. Из книги «Новая риторика»: трактат об аргументации. // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва. С. 207-265.
- Подкопаева, Екатерина Петровна. 2004. *Властные отношения: моделирование посредством концепции риторической коммуникации*. <http://www.ehu-international.org/philos/doc/podkopaeva.doc> (15.09.2004)
- Поляк, О. Е. 1996. Аргументативной текст: вербальное воплощение когнитивного процесса аргументации (на материале русского политического дискурса). // *Русистика сегодня*, № 3, с. 48-66.
- Поляк, О. Е. 1999. *Аргументация в свете теории ментальных моделей*. <http://fccl.ksu.ru/issue001/spring.99/polyak4.pdf> (07.06.2006)
- Прокофьев, А. В. 2000-2003. *Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия*.
http://ethics.iph.ras.ru/research/prokofiev_1.html (3.10.2008)
- Рикер, Поль. 2005. *Справедливое*. Москва: Гнозис, Логос.
- Рождественский, Юрий Владимирович. 1997. *Теория риторики*.
<http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1151342&s=121800000> (06.06.2007)
- Рожкова, О. Е. 2001-2002. Когнитивные основы аргументации (на материале английского политического дискурса). // *Пелевинские чтения*. Калининград, с. 114-119.
- Ролз, Джон. 1995. *Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета.
- Рузавин, Георгий И. 1997. *Проблемы аргументации*. Москва: ИФРАН.
<http://ru.philosophy.kiev.ua/iphras/library/ruzavin/argument.html> (15.06.2006)
- Рузавин, Георгий И. 2003. *Логика и основы аргументации*. Москва: Проект.

Слободяник, Наталия Б. 2006. Речевые акты в дискурсе конфронтации (на материале анализа прессы Великобритании 2004-2005 гг.). // *Respectus Philologicus*, № 10 (15), с. 177-182.

Степанов, Юрий. 2007. *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*. Москва: Языки славянских культур.

Тоффлер, Элвин. 2004. *Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века*. Москва: ООО «Изд-во АСТ».

Ухванова-Шмыгова, Ирина Ф. 2002. Речевой портрет политического лидера: новые подходы в рамках дискурс-исследований. // *Respectus Philologicus*, № 1 (6), с. 110-119.

Файбышенко, Н. Л. 2002. *Функционально-семантический и прагматический анализ регулятивных средств аргументативного дискурса*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.

Фанян, Н. Ю. 2000. *Аргументация как лингвопрагматическая структура*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Краснодар.

Филлипс Луиза Дж.; Йоргенсен Марианне В. 2008. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр.

Филинский, А. А. 2002. *Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.* Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тверь.

Фуко, Мишель. 1996. *Археология знания*. Киев: Ника-центр.
http://yanko.lib.ru/books/cultur/foucault_larcheologie_du_savoir_ru.htm (20.08.2008)

Хазагеров, Г. Г. 2002. *Политическая риторика*.
<http://evartist.narod.ru/text7/06.htm> (20.08.2008)

Цырендоржиева, Татьяна Б. 2001. *Политика и дискурсивное пространство (дискурсивный анализ дебатов по вопросу о Чечне на сессии ПАСЕ – апрель 2000)*. // <http://www.risa.ru/publications/gorchakov/tsyrendorzhieva.rtf> (07.06.2006)

Чудинов, Анатолий П. 2003. *Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора)*. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт.

Шейгал, Елена И. 2000. *Семиотика политического дискурса*. Москва; Волгоград: Перемена.

Шуйская, Ю. В. 2005. *Топика и аргументация в различных теориях риторики*. Диссертация. Москва.

Cibulskienė, Jurga. 2003. Konceptualioji karo metafora Didžiosios Britanijos rinkiminių diskurse. // *Politologija* 1 (29), p. 133-159.

Cibulskienė, Jurga. 2005. Konceptualioji kelio metafora Lietuvos rinkimų diskurse. // *Kalbotyra* LIV (1), p. 51-64.

- Cibulskienė, Jurga. 2006. *Konceptualioji metafora Lietuvos ir Didžiosios Britanijos rinkimų diskursuose. Daktaro disertacijos santrauka*. Vilnius: VPU leidykla.
- Eemeren van, Frans H. 2002. *Argumentation: an overview of theoretical approaches and research themes*. // http://argumentation.ru/2002_1/papers/1_2002p4.html (17.07.2006)
- Eemeren van, Frans H.; Grootendorst, Rob. 1984. *Speech Acts in Argumentative Discussions*. Dordrecht, Holland: Foris
- Eemeren van, Frans H.; Grootendorst, Rob. 2004. *A Systematic Theory of Argumentation: the pragma-dialectical approach*. Cambridge University Press.
- Fairclough, Norman. 1995. *Critical Discourse Analysis*. London: Longman.
- Fairclough, Norman. 2005. Discourse Analysis in Organizational Studies: The Case for Critical Realism. // *Organization Studies*, Vol. 26, pp. 915-939. Режим доступа: <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/OS2%20.doc> (28.04.2007).
- Habermas, Jürgen. 1984-87. *The Theory of Communicative Action*. Trans. by Thomas McCarthy, 2 vols. Cambridge: Polity.
- Jakimenko, Virginija. 2005. Racionalusis diskursas ir argumentacija. // *Logos*, Nr 44, spalio-guodis. Psl. 73-79. <http://www.ceeol.com/asp/getdocument.aspx?logid=5&id=7e6a8015-0961-48ec-a37d-40a2aef791b8> (07.06.2007)
- Kopperschmidt, Josef. 1985. An Analysis of Argumentation. // van Dijk, T. A. (ed.) *Handbook of Discourse Analysis*, Volume 2: Dimensions of Discourse, London, San Diego, New York etc., pp. 159-168.
- Kornprobst, Markus. 2005. *Argumentation and compromise: The politics of irredentism in Europe*. PhD Dissertation. Toronto.
- Koženiauskienė, Regina. 2000. *Retorika. Iškalbos stilistika*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Kučinskaitė, J. 2002. Prezidentas sutrikdė politikus ir politologus. // *Veidas*, № 15, balandžio 11 d. <http://www.veidas.lt/lt/leidinys.nrfull/3cb9a2ab7ec74.2>
- Lakoff, George; Johnson, Mark. 1980. *Metaphors We Live By*. The University of Chicago Press (2nd ed., Chikago; London, 2003).
- Lakoff, George. 1991. *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. In http://lists.village.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html (23.10.2004)
- Millsap, Susan P. 1993. A Feminist Perspective on Argumentation. An Examination of the Toulmin Model. // *ERIC*.

http://www.eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/15/4e/20.pdf (20.05.2008)

Perelman, Chaim; Olbrechts-Tyteca, L. 2000. *The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation*. Trans. By J. Wilkinson; P. Weaver. University of Notre Dame Press (originally published in 1958).

Račas, A. 2006. Prezidento metinis pranešimas: kalbėjimas puse lūpų. // *Žinių radijas*, kovo 29 d. <http://www.ziniur.lt/apie/pranesimai?item=165>

RATIO. Информационная система. Для поддержки научных исследований по логике, теории аргументации, риторике, методологии науки и аналитической философии кафедры философии и логики Российского государственного университета им. И. Канта. <http://ratio.albertina.ru/>

Stundys, V. 2005. Prezidento metinis pranešimas – naujas požiūris ar susirūpinimas? // *XXI amžius*, № 30 (1331). http://www.xxiamzius.lt/numeriai/2005/04/20/nuom_02.html

Toulmin, Stephen. 1958. *The uses of argument*. Cambridge University Press

Wangerin, Paul T. 1993. A Multidisciplinary Analysis of the Structure of Persuasive Arguments. // *ERIC*.
http://www.eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/15/24/a4.pdf (20.05.2008)

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Президент России: Послания Федеральному собранию. // *Официальный сайт президента РФ В. В. Путина*. www.kremlin.ru/sdocs/appears.shtml?stypе=63372

Lietuvos Respublikos Prezidentas: Metiniai 1999-2003 mm. pranešimai. // *Oficialus LR prezidento V. Adamkaus tinklapis*. 1999-2003 mm. kadencija.
adamkus.president.lt/annual.phtml

Lietuvos Respublikos Prezidentas: Metiniai 2004-2008 mm. pranešimai. // *Oficialus LR prezidento V. Adamkaus tinklapis*. 2004-2008 mm. kadencija.
www.president.lt/spaudai/metiniai

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Послания Президента Ельцина. http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/

Lietuvos Respublikos Prezidento A. M. Brazausko metiniai pranešimai.
http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=4981&p_k=1

Единая Россия: www.edinros.ru – 20 сентября, 30, 31 октября, 7, 17, 21, 24, 25, 26, 27, 28 ноября, 1, 26 декабря 2003 г., 13 января 2004 г.; www.boris-gryzlov.ru – 3

декабря 2003 г.; www.edin.ru – 27 января 2004 г.; www.vbogomolov.ru/index.php?smi=18 – без даты.

Коммунистическая партия Российской Федерации: <http://www.cprf.spb.ru> – 11, 15, 17, 18, 25, 27, 28 ноября, 2, 8, 10, 17, 30 декабря 2003 г.; 12, 15 января 2004 г.; www.kprf.ru – 12 сентября, 28 ноября, 2 декабря 2003 г.

Либерально-демократическая партия России: www.ldpr.ru – 2 сентября, 18, 23 декабря 2003 г.; «ЛДПР» № 10, «ЛДПР» № 11, «ЛДПР» № 12 2003 г.; «ЛДПР» № 1 2004 г.

Darbo partija: www.darboartija.lt 30 апреля, 3, 7, 20, 30 мая 2004 г. „Respublika“ 11, 15, 25, 30 сентября, 1, 2, 4, 7 октября 2004 г.

Lietuvos socialdemokratų partija: www.lsdpl.lt 2, 6, 17, 20 мая, 10, 23 июня 2004 г.; A. Brazausko ir A. Paulausko koalicija “Už darbą Lietuvai”: „Respublikos“ rinkimų priedas 18 сентября 2004 г., „Respublika“ 2, 8 октября 2004 г.,

Tėvynės sąjunga: www.tslk.lt 1, 21, 29 апреля, 8, 13, 25 мая 2004 г., www.xxiamezius.lt 11 июня 2004 г. „Respublika“ 2, 8 октября 2004 г., “Lietuvos Aidas” 29 сентября, 4, 5 октября 2004 г.

„Lietuvos rytas“ 1, 6, 7, 10, 17, 25, 27 февраля, 19, 20, 21 марта 2003 г.

Благодарности

Автор глубоко признателен своему научному руководителю хаб. доктору филологических наук, профессору Элеоноре Руфимовне Лассан за многолетнюю и всестороннюю помощь, ценные советы, поддержку и возможность учиться у нее.

Данная работа выполнена на кафедре русской филологии Вильнюсского университета – автор искренне благодарен сотрудникам кафедры за поддержку в работе, особенно лект. Р. А. Чичинскайте, доц. П. М. Лавринцу и доц. Е. М. Бразаускаене. Также хочется выразить благодарность коллеге из Вильнюсского педагогического университета Юрге Цибульскене.

Автор рад случаю поблагодарить за понимание и поддержку своих родителей и супруга.